

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: НАУЧНАЯ ШКОЛА В. М. ХОМИЧА

**Сборник материалов
круглого стола, посвященного 70-летию
доктора юридических наук, профессора,
заслуженного юриста Республики Беларусь
В. М. Хомича**

Минск, 28—29 января 2021 года

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:
НАУЧНАЯ ШКОЛА В. М. ХОМИЧА**

Сборник материалов
круглого стола, посвященного 70-летию доктора юридических наук, профессора,
заслуженного юриста Республики Беларусь В. М. Хомича

ISBN 978-985-553-690-2

9 789855 536902

*Хомич Владимир Михайлович
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь*

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: НАУЧНАЯ ШКОЛА В. М. ХОМИЧА

Сборник материалов
круглого стола, посвященного 70-летию
доктора юридических наук, профессора,
заслуженного юриста Республики Беларусь
В. М. Хомича

Минск, 28–29 января 2021 года

Минск
Издательский центр БГУ
2021

УДК 343.24(06)
ББК 67.408.0я431
У26

Рекомендовано к изданию
решением Ученого совета государственного учреждения
«Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
(протокол № 4 от 23 ноября 2020 г.)

Редакционная коллегия:
В. В. Марчук (главный редактор), А. С. Карабельникова, Н. А. Швед

У26 **Уголовная ответственность: научная школа В. М. Хомича** : сб. материалов
круглого стола, посвящ. 70-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста Респ.
Беларусь В. М. Хомича, Минск, 28–29 янв. 2021 г. / Науч.-практ. центр проблем
укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ;
редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2021. – 236 с.
ISBN 978-985-553-690-2.

В сборник включены материалы круглого стола «Уголовная ответственность: научная школа В. М. Хомича», посвященного 70-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Беларусь В. М. Хомича.

Сборник издан при поддержке ООО «ЮрСпектр».

Предназначен для научно-педагогических работников, судей, работников правоохранительных органов, правозащитных организаций, аспирантов, магистрантов и слушателей, проходящих переподготовку и повышение квалификации.

УДК 343.24(06)
ББК 67.408.0я431

ISBN 978-985-553-690-2

© Государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», 2021
© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2021

О ПРОФЕССОРЕ В. М. ХОМИЧЕ И ЕГО НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

ХОМИЧ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

научно-библиографическая справка

Владимир Михайлович родился 24 января 1951 г. в деревне Кунаховичи Каменецкого района Брестской области в семье работников колхоза Михаила Петровича и Анастасии Тимофеевны.

В 1968 г. окончил Верховичскую среднюю школу Каменецкого района. В этом же году поступил на юридический факультет Белорусского государственного университета, который закончил с отличием в 1973 г. По 1976 г. обучался в аспирантуре Белорусского государственного университета на кафедре уголовного права.

Под руководством доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Беларуси И. С. Тишкевича выполнил и в 1977 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Уголовная ответственность за угон транспортных средств», а в 1997 г. самостоятельно подготовил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Теоретические и правовые проблемы уголовной ответственности (концепция и правовая модель института уголовной ответственности)». В 1998 г. В. М. Хомичу присвоено ученое звание профессора права.

Основная часть трудовой и научной деятельности В. М. Хомича связана с юридическим факультетом Белорусского государственного университета. Начиная с 1975 г. работал преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры уголовного права Белорусского государственного университета. С 1998 г. – профессор этой кафедры. С 1990 г. по 2001 г. одновременно находился в должности заместителя декана юридического факультета Белорусского государственного университета по научной работе.

С 2001 г. по 2006 г. работал заместителем директора учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», одновременно возглавлял кафедру судебной деятельности данного Института.

В 1993 г. участвовал в международном коллоквиуме по проблемам гуманизации и унификации уголовных санкций в отношении несовершеннолетних в европейских странах (Грейсфальд, Германия).

Неоднократно (в 1994, 1997, 2000 и 2003 гг.) проходил научную стажировку в Германии (Институт иностранного и международного уголовного права имени М. Планка).

На протяжении более десяти лет с 2006 г. по 2017 г. возглавлял созданное на основании Указа Президента Республики Беларусь государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее, если не указано иное, – НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь).

Благодаря инициативам В. М. Хомича в НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь разработаны теория и научно-практическая методология проведения криминологических (антикоррупционных) экспертиз проектов правовых актов, нормативная модель делового экономического риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, система уголовно-правовых санкций дополнена уголовно-правовой компенсацией, определены базовые правовые требования к осуществлению оперативно-розыскной деятельности, что способствовало эффективному использованию результатов этих и других исследований в законотворческой и правоприменительной деятельности, при отправлении правосудия по уголовным делам.

В. М. Хомич является одним из авторов Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Им подготовлены модельный проект закона о реализации данной Концепции и методические рекомендации по оптимизации практики применения наказания в рамках ее реализации, критерии определения (формула расчета) эффективности реализации положений Концепции в контексте применения отдельных видов наказания и мер уголовной ответственности.

Под руководством и общей редакцией В. М. Хомича в 2012 г. подготовлен первый в отечественной практике Научно-практический комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь, разработаны предложения по совершенствованию системы профилактики и системы адаптации осужденных, отбывших наказание. В 2020 г. опубликована новая версия Научно-практического комментария к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь. Профессор является автором и редактором учебного пособия «Уголовно-исполнительное право», а также одним из авторов научного труда «Уголовно-исполнительное законодательство государств, граничащих с Республикой Беларусь (сравнительный контент-анализ)».

Профессор В. М. Хомич – редактор и соавтор первого в Республике Беларусь комментария к Закону Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией» (2013 г.) и Научно-практического комментария к Закону Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (2017 г.), соавтор первых в Республике Беларусь учебного пособия «Противодействие коррупции» (2016 г.) и учебника «Противодействие коррупции» (2020 г.).

Владимир Михайлович является главой делегации Республики Беларусь в международной организации «Группа государств против коррупции» (ГРЕКО), проводит большую работу в рамках обеспечения объективной оценки законодательства и правоприменительной практики Республики Беларусь на соответствие стандартам Совета Европы в области борьбы с коррупцией. В. М. Хомич – член Научно-методического центра Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ.

Профессор уделяет большое значение подготовке кадров, молодых специалистов и научных работников. Под его руководством защищены более 20 кандидатских диссертаций и 1 докторская диссертация.

Благодаря признанному авторитету научной школы уголовного права профессора В. М. Хомича в НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь открыта докторантура для подготовки научных кадров высшей квалификации в области юриспруденции в сфере правового обеспечения правоохранительной деятельности.

В. М. Хомич является членом Научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре Республики Беларусь, членом научно-консультативных советов при Конституционном Суде Республики Беларусь и Верховном Суде Республики Беларусь; редакционных коллегий ведущих правовых изданий: «Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва), «Законность и правопорядок», «Судовы веснік», «Право.by», «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» (г. Минск); редакционного совета научного журнала «Вестник Академии правоохранительных органов» (г. Нур-Султан).

В настоящее время В. М. Хомич продолжает работу в НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в должности заведующего информационно-методическим кабинетом. В коллективе заслуженно пользуется уважением и авторитетом. Является примером преданности своему делу, профессионализма и высоких моральных принципов. За высокие результаты в служебной деятельности, плодотворное развитие и совершенствование законодательства, укрепление законности и правопорядка Указом Президента Республики Беларусь в 2011 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Республики Беларусь», в 2016 г. – награжден государственной наградой – медалью «За трудовые заслуги», имеет поощрения Президиума Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, многократно поощрялся Генеральным прокурором Республики Беларусь.

Автор свыше 450 научных работ.

Основные научные труды В. М. Хомича:

1. Уголовная ответственность за угон транспортных средств. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 96 с.
2. Правовая концепция реализации (исполнения) мер уголовной ответственности в Республике Беларусь (проект Уголовно-исполнительного кодекса) / А. В. Барков [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Прэзюмцыя, 1996. – 120 с.
3. Теоретические проблемы уголовной ответственности (формы реализации) : монография. – Минск : Ин-т управления, 1997. – 98 с.
4. Формы реализации уголовной ответственности : монография. – Минск : Изд. центр БГУ, 1998. – 132 с.
5. На пути формирования либеральной уголовной политики (к истокам правовой концепции) // Вестн. БГУ. – Серия III. – 2001. – № 3. – С. 100–110.
6. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.

7. Strafrecht in Reaktion auf Systemunrecht. Verleichende Einblicke in Trasitionsprozesse / Otar Gamkrelidze, Nora Karsten Vladimir Khomitch, Siegfried Lammich, Ludmila Obidina und andr. Herausgegeben von Albin Eser und Jörg Arnold. Монография Freiburg, 2003. – Band S 82.7. – 354 s.

8. Strafrechtsentwicklung in Osteuropa. Zwischen Bewältigung und neuen Herausforderungen / Herausgegeben von Albin Eser, Jörg Arnold, Julie Trappe Berlin: Duncker & Humblot, 2005. – 426 s.

9. Знания, отношение и практика специалистов и детей, вовлеченных в систему ювенальной юстиции. – Минск : ЮНИСЕФ, 2005. – 155 с.

10. Альтернативные санкции требуют изменения устоявшихся стандартов уголовной политики // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2005. – Вып. 16. – С. 209–218.

11. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Республики Беларусь и стандарты законности при квалификации // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – С. 37–62.

12. Необходимость разной правовой формы процессуального разрешения института освобождения от уголовной ответственности и института прекращения (отказа от) уголовного преследования // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – С. 339–349.

13. Наказания, не связанные с лишением свободы / Энциклопедия уголовного права. – Т. 8. – Уголовная ответственность и наказание. – СПб. : Изд. проф. Малинина, 2007. – С. 274–537.

14. Криминология правообразования или к вопросу о сущности и понимании криминологической экспертизы // Законность и правопорядок. – 2007. – № 4. – С. 17–22.

15. Криминологическое (критическое) понимание преступности – методологическая основа криминологии правообразования // Законность и правопорядок. – 2007. – № 1. – С. 21–27.

16. О перечне коррупционных преступлений в Республике Беларусь // Тенденции развития современного права: теоретические и практические проблемы : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., 18 мая 2007 г. – Краснодар, 2007. – Т. 2. – С. 216–222.

17. Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.]; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2008. – 504 с.

18. Уголовно-правовая характеристика и криминологическая оценка системы уголовных санкций в Республике Беларусь // Ситуация в местах лишения свободы в Республике Беларусь. Оценка достижений и проблем, перспективы реформирования: сб. – М. : PRI, 2008. – С. 4–34.

19. Дифференциация мер уголовно-правового воздействия как социально-правовая основа построения социально-ориентированной системы уголовной ответственности // Вестн. ВГУ. – 2008. – № 4 (50). – С. 44–54.

20. Криминологическая экспертиза проектов законов – важнейший фактор общесоциального предупреждения преступности // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Рос. Конгресса угол. права, Москва, 29–30 мая 2008 г. / М. : Проспект, 2008. – С. 688–700.

21. Оперативный эксперимент как способ выявления взяточничества / В. М. Хомич, И. И. Бранчель. – Минск : БГУФК, 2009. – 240 с.

22. Применение наказаний, альтернативных лишению свободы (отчет национального эксперта) // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь / Программа развития ООН в Республике Беларусь. – Минск : Рейплац, 2009. – С. 265–293.

23. Криминология коррупции и коррупционных деликтов // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.] ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск : БГУФК, 2009. – С. 77–99.

24. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

25. Методические рекомендации по индивидуальному прогнозированию поведения осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы («прогноз рецидива преступлений») / В. М. Хомич, В. Е. Бурый. – Минск : БГУФК, 2010. – 34 с.

26. Преступность, связанная с наркотиками (результаты комплексного анализа) / В. М. Хомич, А. В. Солтанович, О. В. Русецкий. – Минск, 2010. – 78 с.

27. Совершенствование уголовной ответственности невозможно без оптимизации системы видов наказания // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск : БГУФК, 2010. – С. 85–100.

28. Расследование убийств : науч.-практ. рекомендации / И. И. Бранчель [и др.] ; под ред В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2011. – 292 с.

29. Отчет национального исследования эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями в Республике Беларусь / Генер. прокуратура Респ. Беларусь, Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, Представительство Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Респ. Беларусь. – 2012. – 246 с.

30. Научно-практический комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ. – 2012. – 696 с.

31. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / С. А. Акулова [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Пересвет, 2013. – 232 с.

32. Криминологическое прогнозирование поведения осужденных, досрочно освобождаемых из мест лишения свободы (Научно-методические рекомендации по прогнозированию пенитенциарного рецидива преступлений) / В. М. Хомич, В. Е. Бурый. – Минск : БГУФК, 2014. – 108 с.

33. Институционализация делового риска в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключающего преступность злоупотребления профессиональным правом на предпринимательский риск для решения значимой экономической задачи // Право.by. – 2015. – № 5. – С. 24–31.

34. К вопросу о состоянии и совершенствовании правового регулирования социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.] ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск : РИПО, 2015. – Вып. 8. – С. 9–26.

35. Законодательные и правовые основы интерпретации феномена «специальный субъект» преступления // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма : сб. науч. тр. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. – Минск : Акад. МВД, 2015. – С. 201–208.

36. Противодействие коррупции : учеб. пособие / В. М. Хомич [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 498 с.

37. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь от 15 июля 2015 года № 305-З «О борьбе с коррупцией» / под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Амалфея, 2017. – 608 с.

38. Концепции уголовной ответственности в теории уголовного права. Уголовная ответственность как правовое явление // Уголовное право Республики Беларусь: научно-методологические основы : учеб. пособие / С. В. Ананич [и др.] ; под общ. ред. Э. А. Саркисовой ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2017. – Гл. 7. – С. 165–193.

39. Криминологическая оценка правового регулирования или к вопросу криминологической экспертизы правовых актов // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – Вып. 10. – С. 358–365.

40. Криминология современного правотворчества (правообразования) // Право.by. – 2017. – № 5 (49). – С. 98–103.

41. Уголовная ответственность: правовое и социальное содержание // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика :

сб. науч. тр. / Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова ; редкол.: В. С. Елисеев (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ, 2017. – С. 282–288.

42. Уголовно-исполнительное право : учеб. пособие / В. М. Хомич, В. И. Бурый, В. И. Степаненко ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018. – 460 с.

43. Законодательство о противодействии преступности на пути консолидации правовых начал уголовной политики // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Издат. центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 255–262.

44. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

45. Уголовное законодательство государств, граничащих с Республикой Беларусь : сравнительный контент-анализ / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; под общ. ред. В. В. Марчука, В. М. Хомича. – Минск : Амалфея, 2019. – 444 с.

46. Уголовное право в обостряющихся условиях социального неравенства должно быть правом защиты и обеспечения безопасной и достойной жизни человека // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сб. науч. тр. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; под ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. – Минск : Акад. МВД, 2019. – С. 339–347.

47. Уголовно-правовая наука и уголовный закон в контексте обеспечения верховенства права в противодействии преступности в эпоху социальных трансформаций // Право.by. – 2019. – № 6. – С. 96–103.

48. Цифровизация социального контроля преступности в контексте руководящих начал уголовного права 1919 года // Юрид. вестн. Кубан. гос. ун-та. – 2019. – № 4. – С. 38–44.

49. Противодействие коррупции : учебник / В. М. Хомич [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 392 с.

50. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь (научно-практический комментарий) / под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Амалфея, 2020. – 992 с.

51. Уголовно-исполнительное законодательство государств, граничащих с Республикой Беларусь (сравнительный контент-анализ) / под общ. ред. В. В. Марчука, В. М. Хомича. – Минск : Амалфея, 2020. – 500 с.

52. Уголовный закон и обеспечение верховенства права в противодействии преступности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники) : Ежегод. науч. изд. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2020. – Вып. 9. – С. 70–82.

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Барков Александр Владимирович

*профессор кафедры судебной деятельности учреждения образования
«Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников
прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного
университета», кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь*

Володя Хомич, выпускник юридического факультета БГУ, осенью 1973 г. был приглашен профессором Иваном Станиславовичем Тишкевичем на кафедру уголовного права. Если не ошибаюсь, это был первый аспирант кафедры после её создания. Ранее я его знал лишь как студента-отличника курса набора 1968 г. На кафедре состоялось наше знакомство и началось последующее многолетнее сотрудничество.

Аспирант прежде всего поразил своим трудолюбием и жадой знаний. Нужно отметить, что в студенческую пору он серьезнейшим образом увлекался проблемами гражданского права, но перед выпуском ему пришлось переориентироваться на уголовно-правовую тематику, что затем стало его научной судьбой. И. С. Тишкевич, его будущий научный руководитель, рекомендовал выпускнику тему дипломной работы по «горячим следам» законодателя. 3 января 1973 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была введена уголовная ответственность за угон воздушного судна. Эта проблема стала предметом исследования выпускника. Каждый молодой ученый знает, как трудно стартовать по вопросам, которые не были кем-либо ранее изучены. Но это испытание Владимир Хомич выдержал. Более того, дипломное исследование стало позднее и частью кандидатской диссертации.

Одновременно формировался будущий замечательный педагог. Это уже был преподаватель Владимир Михайлович Хомич, который как губка впитывал лучшие методы и приемы, манеру преподавания наших маститых учителей на факультете и, конечно же, на кафедре уголовного права. Это и педантичность подачи учебного материала профессором И. С. Тишкевичем и четкость, весомость и обстоятельность лекций профессора И. И. Горелика, это эмоциональность повествования профессора В. А. Шкурко и многих других наших коллег по преподавательскому цеху.

Я удивлялся тому, что Владимир Михайлович долгое время предпочитал преподавание на вечернем отделении факультета. Но объяснение было простое: он день посвящал научной работе, библиотекам. Его выбор научного направления после защиты кандидатской диссертации был, по моему мнению, самым масштабным среди отечественных ученых в области науки уголовного права. Напомню тему докторской диссертации: «Теоретические проблемы уголовной ответственности (концепция и юридическая модель института уголовной ответственности)». Это ядро доктрины уголовного права. Работу над исследованием приходилось сочетать с большой общественной нагрузкой (тогда это было типично) и с обязанностями администратора.

Результат докторской диссертации воплощен в действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь. Впервые, полагаю в мире, непосредственно в уголовном законе дано юридическое определение правовой сущности уголовной ответственности и форм ее реализации. Сформированный правовой институт уголовной ответственности обусловил систему и структуру Кодекса, предопределил толкование многих его положений. Далеко не всякому ученому удастся вдохнуть жизнь в плоды своего научного творчества. Конечно, не все идеи В. М. Хомича реализованы, но это объяснимые издержки процесса законотворчества.

Владимир Михайлович развил свое научное направление с помощью благодарных учеников, создав научную школу исследований правовой природы и практики применения иных мер уголовной ответственности.

Важный вклад в формирование уголовно-исполнительного законодательства профессор внес, представляя в 1996 г. Республику Беларусь в Санкт-Петербурге как член рабочей группы по подготовке Модельного уголовно-исполнительного кодекса для государств-участников СНГ. Результаты этой работы нашли отражение и в действующем Уголовно-исполнительном кодексе нашей страны.

Как исследователь В. М. Хомич приобрел широчайшую известность в кругу специалистов в области уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права. У него теснейшие профессиональные контакты с учеными России, Украины, Казахстана, Польши и других стран.

Одиннадцать лет с 1990 г. по 2001 г. В. М. Хомич работал заместителем декана юридического факультета БГУ по научной работе. Именно тогда у него проявились навыки управленца, организатора научных исследований. В феврале 2001 г. профессор занял должность заместителя директора по научной работе Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ.

Авторитет ученого и организатора позволил ему занять в 2006 г. ответственную должность директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь». Величайшая заслуга профессор В. М. Хомич в становлении НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и формировании замечательного научного коллектива.

Знаменательно, что на вершине профессиональной карьеры по справедливости Владимир Михайлович Хомич был удостоен почетного звания заслуженного юриста Республики Беларусь.

И самое главное: на продолжительном жизненном пути Владимир Михайлович проявил лучшие качества человека и гражданина. Ему всегда присущи уважительное, бережное отношение к студентам, аспирантам и соискателям, корректное и принципиальное обсуждение научных проблем с коллегами, почтительное и доброжелательное отношение к практикующим юристам, каждодневно решающим сложнейшие проблемы бытия. Он замечательный семьянин, образец мужа, отца двух сыновей и дедушки.

В своем мироощущении Владимир Михайлович гуманист с глубоким чувством справедливости, которое воплощает в своих научных трудах.

ПРИМЕР УЧЕНОГО

Годунов Валерий Николаевич

директор учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь

С Владимиром Михайловичем Хомичем мы много лет совместно осуществляем задачи в сфере юридического образования и юридической науки. Но знал я о нем еще со своего студенческого времени.

Владимир Михайлович Хомич чуть раньше меня окончил в 1973 г. юридический факультет Белорусского государственного университета и поступил в аспирантуру по кафедре уголовного права. Тогда на юридическом факультете обучалось лишь несколько аспирантов, и студенты знали о каждом из них.

Начиная с 1975 г. В. М. Хомич работал преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета. В 1977 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Уголовная ответственность за угон транспортных средств».

Я сам после окончания в 1979 г. аспирантуры по кафедре гражданского и семейного права проходил такой же путь. В это время мы постоянно встречались с Владимиром Михайловичем как преподаватели юридического факультета и принимали активное участие в общественной работе.

Наиболее тесно, в одной команде, мы стали работать, когда я в 1989 г. был избран деканом юридического факультета Белорусского государственного университета. В этот период В. М. Хомич с 1990 г. по 2001 г. являлся заместителем декана юридического факультета по научной работе. Здесь раскрылись его качества и как ученого, и как организатора юридической науки. В 1997 г. В. М. Хомич защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Теоретические проблемы уголовной ответственности (концепция и правовая модель института уголовной ответственности)». Очень многое было сделано для развития юридической науки в Белорусском государственном университете и в целом в Республике Беларусь. Ученые-юристы стали активно участвовать в программах научных исследований. Начали постоянно проводиться международные научно-практические конференции по различным направлениям юридической науки и т. д.

С 2001 г. по 2006 г. В. М. Хомич работал в должности заместителя директора по научной работе учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета». Одновременно возглавлял кафедру судебной деятельности данного Института. И здесь нельзя не отметить его большой вклад в становление и развитие Института, повышение квалификации и переподготовку юридических кадров.

В 2006 г. В. М. Хомичу было предложено возглавить создаваемое государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь». Но В. М. Хомич продолжил работать и в учреждении образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета» в качестве профессора кафедры судебной деятельности.

Работая на юридическом факультете Белорусского государственного университета, в учреждении образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», в государственном учреждении «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», В. М. Хомич проявил себя и как ученый, и как педагог, и как руководитель.

Но, по моему глубокому убеждению, Владимир Михайлович Хомич – это прежде всего ученый, ученый с большой буквы, известный далеко за пределами Республики Беларусь. Он один из крупнейших специалистов в области уголовного права и криминологии в Республике Беларусь и на постсоветском пространстве. В то же время его научные интересы охватывают и другие направления юридической науки. В. М. Хомича можно назвать подвижником, его работы определяют развитие юридической науки.

Во всей деятельности В. М. Хомича для него характерны целеустремленность, большая работоспособность, принципиальная научная и гражданская позиция, высокое чувство долга и ответственности.

В связи со знаменательным юбилеем хочу пожелать Владимиру Михайловичу Хомичу крепкого здоровья, благополучия, счастья, дальнейших успехов в профессиональной деятельности, реализации новых творческих планов.

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК МУДРОСТИ И ГЕНЕРАТОР УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Аликперов Ханлар

*директор Центра правовых исследований (Баку, Азербайджан),
доктор юридических наук, профессор*

Для меня большая честь хотя бы посредством печатного слова поздравить с берегов седого Каспия легенду белорусской уголовно-правовой науки, известного далеко за пределами хлебосольной Беларуси своими фундаментальными трудами, заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Владимира Михайловича Хомича с юбилеем.

Впервые с Владимиром Михайловичем я несколько лет назад столкнулся заочно, когда он по рекомендации профессора Ю. В. Голика выступил в качестве одного из экспертов по доктрине «Электронная система определения меры наказания» (сокращенно – «Электронные весы правосудия») для дачи заключения.

До этого профессора В. М. Хомича я знал лишь по его многочисленным научным трудам, посвященным проблемам совершенствования уголовной ответственности, назначения наказания и т. д., которые по сей день часто цитируются в уголовно-правовой литературе на постсоветском пространстве.

Из этих произведений я мысленно составил его портрет, создал для себя определенные представления о его профессиональном уровне, жизненном кредо и исповедуемым им ценностям, в том числе и в криминологии. Эта виртуальная картина получилась достаточно мозаичной, в ней профессор выглядел креативно мыслящим ученым с широким кругозором и энциклопедическими познаниями как в праве, так и в различных областях нашего бытия.

Этот виртуальный образ Владимира Михайловича, созданный мною, вдруг отчетливо возник передо мной, когда встал вопрос об отправке ему рукописи концепции «Электронных весов правосудия». Не скрою, сильно волновался, отправляя ему свое детище. И это при том, что мне за семьдесят, у меня огромный опыт, накопленный в ходе многолетнего блуждания по лабиринтам теории уголовного права и криминологии, подготовки и издания несколько сотен работ и т. д. Но, невзирая на все это, я чувствовал какое-то внутреннее беспокойство, которое стало своего рода пусковым механизмом моей ассоциативной памяти, крылья которой стремительно перенесли меня в студенческие годы: каждый раз перед сдачей экзамена у меня возникали подобные ощущения. Парадокс этого феномена в том, что вообще-то я всегда предмет экзамена знал, причем, мягко говоря, достаточно хорошо...

Так с тех далеких студенческих лет моя пасторальная мозговница всегда выдает сигнал *SOS*, как только я принимаю то или иное важное решение, причем, не только в сфере науки, но и в повседневной жизни. Отправка рукописи «Электронных весов правосудия» Владимиру Михайловичу не стала исключением. Мой ментальный аппарат дал мне четко понять, что предстоит

выдержать суровый экзамен перед мэтром современной уголовно-правовой мысли...

На этом месте я, пожалуй, прерву описание дальнейшего развития сюжетной линии своих переживаний перед отправкой рукописи профессору В. М. Хомичу и перейду к его заключению по «Электронным весам правосудия», иначе придется исписать не одну страницу.

Начну с того, что был приятно удивлен, когда ознакомился с вердиктом профессора Хомича. Не буду описывать все достоинства его заключения, но не могу не отметить одно: он был настолько блестящим и по содержанию, и по архитектонике анализа представленной ему доктрины, что я на международных презентациях «Электронных весов правосудия» в Санкт-Петербурге, Сербии, Азербайджане и т. д. всегда брал за основу вступительной речи его наставления и рекомендации, высказанные им в своем отзыве.

Это заключение разительно отличалось от других экспертных оценок, поступивших от авторитетных криминологов других стран на доктрину «Электронная система определения оптимальной меры наказания» (к примеру, профессора Я. И. Гилинского – Россия; профессора К. Ж. Балтабаева – Казахстан; профессора В. В. Кузнецова – Украина и т. д.). Оно выделялось, во-первых, глубиной и широтой энциклопедических познаний Владимира Михайловича тонкостей проблем, существующих как в храме правосудия, так и в современной теории уголовного права. Во-вторых, в нем содержались настолько конструктивные замечания, ценные предложения и практические рекомендации, что они в своей совокупности открыли для меня новые горизонты для дальнейшего совершенствования «Электронных весов правосудия», благодаря которым сегодня эта технология определения наказания работает безотказно.

Наше очное знакомство с Владимиром Михайловичем состоялось в мае 2019 г. в Сербии, куда мы прибыли для участия в крупной международной научной конференции, которая проходила в живописном уголке Сербии – в Таре.

Представители организаторов конференции встретили нас в аэропорту и на автобусе отвезли в Тару. В пути мы с профессором познакомились поближе, обменялись визитками и начали беседу на непринужденные темы. Он произвел на меня неизгладимое

впечатление не только как крупный ученый с широким жизненным и профессиональным багажом знаний, но и как достаточно доброжелательный и коммуникабельный собеседник, с которым приятно было общаться.

Последующие несколько дней совместного пребывания в Таре не только подтвердили мое первое впечатление о нем, но и дополнили его новыми штрихами. Так, слушая его блестящий доклад на пленарном заседании конференции, я понял, что профессор В. М. Хомич не только масштабно

В. Хомич, Х. Алипперов, К. Миленко.
Тара, Сербия, 2019 г.

мыслящий ученый, но и незаурядная личность, свободная от установочного пафоса и амбиций, от претензий на истину в последней инстанции или непрерываемость сделанных им оценок и выводов. Из его выступления и дальнейшего общения с ним я понял, что он, как и я, является приверженцем аксиомы, согласно которой право, в том числе и уголовное, должно опираться не на шаткие основы и оценочные понятия, а на фундаментальные ценности права и морально-нравственные устои общества,

должно быть изложено ясно и понятно, с четкими дефинициями и разумными ограничениями. При этом Владимир Михайлович справедливо считал, что законодатель не должен вторгаться в круг вопросов науки, так как в противном случае это непременно повлечет за собою плачевные последствия для правоприменительной практики и науки в целом.

Завершая этот небольшой очерк хочу привести выдержку из диалога Мюллера со Штирлицем в х/ф «Семнадцать мгновений весны»:

«Штирлиц, сколько Вам будет лет в 1960 году? – задает ему вопрос Мюллер.

– 70, – отвечает Штирлиц.

– О, это лишь начало расцвета для политика, – отвечает Мюллер».

Если перефразировать эту мысль, то должен сказать, что до семидесяти лет научно-исследовательская деятельность является лишь легкой разминкой для ученого перед его входом в храм фундаментальной науки, которая открывает свои необъятные дали перед исследователем лишь после 70 лет. Проверено! По себе знаю.

Так что, уважаемый Владимир Михайлович, добро пожаловать в большую и дружную семью молодых душой ученых-семидесятников для свершения новых открытий в неизведанных просторах теории уголовного права!

И помните, Вы для меня, как и для многих других Ваших друзей по научному цеху, были и остаетесь не только искренним и бескорыстным другом, но и примером высокой нравственной чистоты и благородства!

С Юбилеем, дорогой Владимир Михайлович!

МОЙ АДНАКУРСНІК І КАЛЕГА

Доўнар Таісія Іванаўна

*прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права
юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
доктар юрыдычных навук, прафесар*

З Уладзімірам Міхайлавічам Хомічам я пазнаёмілася ў перыяд студэнцтва – таго самага незабыўнага, хваляючага часа жыцця, калі здавалася, што ўсё добрае ў нас ужо здзейснілася, але найлепшае яшчэ будзе наперадзе. Амаль адразу ён вызначыўся ў студэнцкім калектыве сваёй энергічнай накіраванасцю на засваенне юрыдычных ведаў. Ужо на першым курсе мы разумелі, што ён абавязкова будзе займацца навукай.

Некалькі пазней, калі Уладзімір Міхайлавіч увайшоў у калектыв кафедры крымінальнага права юрыдычнага факультэта, ён арганічна ўспрыняў факультэцкія традыцыі і з дапамогай знакамітых прафесараў – удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны старанна займаўся навукай крымінальнага права. Пры гэтым не чураўся раіцца па ўзнікшых пытаннях з усімі супрацоўнікамі кафедры. Вынікам гэтага стала паспяховая абарона кандыдацкай, а некалькі пазней доктарскай дысертацый.

Уладзімір Міхайлавіч прайшоў ўсе ступенькі выкладчыцкай дзейнасці – ад выкладчыка да прафесара кафедры. Амаль што адначасова мы з ім абаранілі доктарскія дысертацыі. Хоць і сустракаліся часцей па рабоце і рабочых пытаннях, аднак заўсёды адчувалі, як кажуць, локаць сябра.

Патрэбна адзначыць, што вельмі хваляючымі былі для нас даволі сістэматычныя, праз кожныя пяць гадоў, сустрэчы з аднакурснікамі. Менавіта там мы як бы вярталіся ў наша незабыўнае, маладзёвае, студэнцкае мінулае. Атмасфера гэтых сустрэч, якія пачыналіся спачатку на юрыдычным факультэце і на якія прыязджалі нават былыя аднакурснікі з Расіі, ЗША, Ізраіля, давала нам новы імпульс для работы і творчай дзейнасці.

Працуючы на факультэце, Уладзімір Міхайлавіч імкнуўся унёсці новае ў дзейнасць не толькі кафедры, але ўсяго юрыдычнага факультэта. Гэта тычылася як адукацыйнага працэсу, так і навуковых даследаванняў. З яго ўдзелам адбываліся амаль усе навуковыя канферэнцыі, дзе ён часта выступаў дакладчыкам на пленарных пасяджэннях, пад яго кіраўніцтвам распрацоўваліся новыя вучэбныя спецыяльныя курсы, выдаваліся вучэбныя і вучэбна-метадычныя дапаможнікі і г. д.

Уладзімір Міхайлавіч унес значны ўклад у развіццё юрыдычнай адукацыі і падрыхтоўку прафесійных кадраў юрыстаў. Усёй сваёй выкладчыцкай і навуковай дзейнасцю ён заахвочваў студэнтаў і аспірантаў да юрыспрудэнцыі і навуковай дзейнасці. Як выдатнаму выкладчыку і адметнаму аратару, яму былі характэрны ўзнёсласць, эмацыянальнасць і жаданне адчуваць узаемадзеянне з аўдыторыяй. Студэнты з задавальненнем і вялікай цікавасцю ўспрымалі яго лекцыі. Увогуле ён з'яўляецца таленавітым педагогам, які любіць моладзь

і ў кожным студэнце імкнецца абудзіць самастойнасць мыслення і актыўную жыццёвую пазіцыю.

Уладзімір Міхайлавіч паспяхова сумяшчае выкладчыцкую дзейнаць з вялікай дзяржаўнай і грамадскай працай. На ўсіх пасадах для яго былі характэрнымі дасканаласць ў рабоце, творчая энергія, шырыня поглядаў і імкненне да дасягнення заяўленых мэтай.

Уся навуковая дзейнасць Уладзіміра Міхайлавіча фактычна тычылася ўдасканалення і перспектывы развіцця айчыннага крымінальнага права і заканадаўства. Аб гэтым сведчаць яго шматлікія навуковыя публікацыі – манаграфіі і артыкулы. Акрамя таго, пад яго кіраўніцтвам многія айчынныя навукоўцы паспяхова даследавалі разнастайныя прававыя пытанні ў сферы крымінальнага права, публікавалі манаграфіі, навуковыя артыкулы, абаранялі дысертацыі. Увогуле ён з’яўляецца адным з заснавальнікаў навуковай школы крымінальнага права.

Нельга не падкрэсліць, што Уладзіміру Міхайлавічу належыць значная заслуга ў актывізацыі падрыхтоўкі навуковых работнікаў вышэйшай кваліфікацыі. Непасрэдна пад яго кіраўніцтвам быў абаронены шэраг кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый, што вельмі важна ў кантэксце пераёмнасці і далейшага развіцця юрыдычнай навукі.

Падчас публічных выступленняў, у навуковых дыскусіях Уладзімір Міхайлавіч стараецца не навязваць суразмоўцам уласных меркаванняў, аднак у сваіх перакананнях заўсёды праяўляе цвёрдасць і прынцыповасць. Увогуле ён валодае цвёрдай воляй і паслядоўнасцю ў сваіх перакананнях і рэалізацыях тых навуковых і навукова-практычных ідэй, якія лічыць дакладнымі. Менавіта таму бывае, што ва ўзнікшых дыскусіях ён з надзвычайнай апантанасцю і занадта эмацыянальна адстойвае ўласныя пазіцыі. Вось гэтая асабістая ўласцівасць часам вызывае адмоўную рэакцыю ў некаторых людзей.

Асаблівую павагу сярод юрыстаў – выкладчыкаў, навукоўцаў, практычных работнікаў вызываюць яго высокі прафесіяналізм, неверагодная працаздольнасць, а таксама гатоўнасць да ўзаемадзеяння з калегамі па працы і навуковай дзейнасці. Пры гэтым добразычлівасць ва ўзаемаадносінах сумяшчаецца ў ім з патрабавальнасцю і прынцыповасцю адносна работы. Усе рабочыя пытанні ён імкнецца вырашаць інтэлігентна, памяркоўна і ў дружалюбнай атмасферы.

Увогуле Уладзімір Міхайлавіч з годнасцю ідзе па жыццю, заўсёды захоўвае аптымізм і належным чынам прымае розныя жыццёвыя абставіны. У адносінах да сябе ён вельмі сціплы і мала патрабавальны. Ён з’яўляецца добрым сем’янінам, які любіць сваю сям’ю і ганарыцца ёю. На мой погляд, яму вельмі пашчасціла з жонкай і многія яго жыццёвыя дасягненні – гэта пэўныя яе заслугі.

Пажадаем Уладзіміру Міхайлавічу моцнага здароўя і спадзяемся на новыя творчыя поспехі і дасягненні!

О ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА В. М. ХОМИЧА

Мартыненко Игорь Эдуардович

*заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,
доктор юридических наук, профессор*

С Владимиром Михайловичем Хомичем впервые встретился в августе 1999 г., когда вместе начали работать в Институте переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ в качестве двух заведующих кафедрами. Почти два года, проведенные в этом учреждении, позволили увидеть в нем крупного ученого, масштабную личность, высоко порядочного человека. В дальнейшем нас связали долгие годы научного сотрудничества, увенчавшиеся подготовкой и защитой в 2014 г. докторской диссертации, выполненной при научном консультировании со стороны нашего юбиляра.

Именно Владимир Михайлович сформулировал мне тему – «Историко-культурное наследие как объект правоохранительной деятельности», разглядев ее актуальность, важность и значимость для государства. Вспоминая это время, хочется отметить, что всегда находил у Владимира Михайловича ответы на самые сложные концептуальные вопросы, касающиеся методологии исследования, применения научного инструментария. Поражала его эрудиция, знание источников и авторов, полное владение проблематикой.

Бывая в командировках, обратил внимание, что профессор В. М. Хомич высоко котируется среди ученых СНГ как ведущий специалист в области уголовного права. И это придавало гордость за своего научного консультанта.

Для любого юриста, преподавателя, особенно научного работника, полезным будет умение профессора В. М. Хомича организовывать работу (и это хорошо видно на успешных примерах функционирования упомянутого выше ИППК БГУ и НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь), мыслить системно (о чем свидетельствуют реализованные проекты фундаментальных исследований), что позволяет использовать этот опыт уже в собственной работе.

И, конечно, отдельная тема – это выступления Владимира Михайловича на конференциях. Он всегда «держит зал», отличаясь среди докладчиков глубиной постановки вопроса, точностью и продуманностью преодоления научной проблемы. Поэтому он так востребован научной общественностью.

Для меня Владимир Михайлович Хомич не только научный консультант, ученый, но и друг, с которым можно обсудить и житейские вопросы, посоветоваться, поговорить о жизни. И такие беседы велись подолгу, несмотря на то, что в этот период проживали уже в разных городах. Вместе мы преодолели трудности, которые были на пути. В итоге все получилось и за это – отдельная благодарность. Можно говорить, что в Беларуси сформировалась научная школа профессора В. М. Хомича.

МОЙ ДРУГ В ТЕОРИИ ПРЕСТУПНОСТИВЕДЕНИЯ

Шестаков Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор,

*Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный президент
Санкт-Петербургского международного криминологического клуба*

Профессор Владимир Михайлович Хомич – известный криминолог. Он относится к числу немногих специалистов, которые глубоко и динамично вникают в развивающуюся преступноведческую теорию.

Его несомненной заслугой, помимо прочих заслуг, стала постановка в Беларуси на государственную основу криминологической экспертизы законопроектов.

В Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе высоко ценят профессора В. М. Хомича за гуманистическую приверженность в теории преступноведения.

От души поздравляю Владимира Михайловича с юбилеем! Желаю здоровья и дальнейших творческих успехов!

О РАЗРАБОТАННОЙ В. М. ХОМИЧЕМ КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ФОРМАХ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Новикова Екатерина Викторовна

*заведующий кафедрой судебной деятельности учреждения образования
«Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников
прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного
университета», кандидат юридических наук, доцент*

Двадцатилетний период действия, прошедший с момента принятия Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), позволяет с уверенностью констатировать жизнеспособность, востребованность и эффективность разработанной, теоретически обоснованной и закрепленной в уголовном законе концепции уголовной ответственности. Ее автор, профессор В. М. Хомич, впервые предложил видение сущности уголовной ответственности в осуждающем акте совершенного преступления и преступника. Именно Владимир Михайлович обосновал идею о том, что осуждение выражает и определяет сущностную основу мер реализации уголовной ответственности, которые применяются на основе осуждения и в связи с ним.

Особое место в рамках разработанной профессором концепции уголовной ответственности занимают правовые формы ее реализации, альтернативные реальному применению наказания – иные меры уголовной ответственности (ст. 77–81 УК). Научные исследования данных мер были продолжены в рамках диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук учениками В. М. Хомича, одной из которых была и я, защитившая в 1999 г.

работу на тему «Осуждение с условным неприменением назначенного наказания как форма реализации уголовной ответственности». По прошествии двадцати одного года с благодарностью и теплотой вспоминаю помощь учителя в процессе написания диссертации. Непросто было вчерашней студентке пробираться в научных лабиринтах. И только мудрое руководство и поддержка Владимира Михайловича, его наставления и терпение при объяснении непростого материала, его умение заинтересовать, убедить, подсказать, подбодрить, позволили преодолеть этот нелегкий путь и добиться желаемого результата. И сегодня, являясь продолжателем идей профессора, подчас приходится убеждать правоприменителя в целесообразности и необходимости более широкого применения таких форм реализации уголовной ответственности как осуждение с отсрочкой исполнения наказания, осуждение с условным неприменением назначенного наказания, осуждение без назначения наказания, осуждение с применением принудительных мер воспитательного характера. Хотя мало кто не согласится с тем, что сведение факторов уголовной ответственности только к применению наказания, предусмотренного уголовно-правовой санкцией, ошибочно, недопустимо и даже вредоносно. «Задача криминологической науки состоит в том, чтобы находить нормативно-приемлемые формы трансформации сугубо карательных элементов уголовной ответственности, сформулированные в санкции, в стройную систему мер уголовно-правового воздействия, неоднозначных по характеру, но в комплексе выражающих содержание системы мер данного вида ответственности. Уголовно-правовая санкция не ограничивается словами «наказывается...» ...» [1, с. 285].

Современный мир путем проб и ошибок укрепился в идее о том, что при привлечении преступников к уголовной ответственности нельзя ограничиваться использованием исключительно карательного потенциала наказания, особенно, если речь идет о лишении свободы за нетяжкие преступления. Как справедливо написал в свое время Виктор Гюго: «Каторга создает каторжника». Несмотря на то, что ни одно государство в мире не отказалось и вряд ли когда-нибудь откажется от применения наказаний, связанных с изоляцией от общества, необходимость существования разумных альтернатив очевидна. Поиск таких альтернатив привел к появлению того, что во многих странах мира получило название «пробация». В научной литературе нередко утверждается, что в мире нет универсальной модели probation, и что в каждой стране, где она существует, свои подходы к ее пониманию и организации. Это и так, и не так одновременно. Во всех устоявшихся моделях есть объединяющий их фундаментальный признак – это режим испытания (англ. probation – испытание). Этот термин прижился в странах постсоветского пространства без перевода и даже вошел в лексикон законодателя Казахстана, Украины, Молдовы, Кыргызстана, стран Прибалтики. На базе испытания выстраивается различный по характеру и объему режим, сроки, акцентируется внимание на контроле или помощи, наполняются содержанием ресоциализирующие программы, выстраивается степень ориентированности

на восстановительное правосудие, устанавливается возможность или невозможность повторной probation, решаются вопросы наличия и ведомственной принадлежности специальных служб probation. Разнятся подходы и в понимании природы данного института: в одних странах его относят к наказанию, в других наделяют иными сущностными свойствами, используя не всегда единообразную терминологию.

В Республике Беларусь термин «probation» получил широкое распространение в научных кругах. Однако белорусский законодатель его не использует. Нет и специального закона о probation. Вместе с тем в УК заложена правовая основа для дальнейшего развития и успешной реализации уголовно-правовых мер, основанных на механизме испытания осужденных. Это своеобразные аналоги probation – осуждение с отсрочкой исполнения наказания и осуждение с условным неприменением назначенного наказания. Насколько широко белорусский правоприменитель обращается к данным институтам? Прежде чем продемонстрировать некоторые цифры обратимся к документу, ставшему в какой-то степени хрестоматийным, – Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 23 декабря 2010 г. Одной из основных задач, предусмотренных данным документом, провозглашалось дальнейшее расширение применения альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности, усиление предупредительного воздействия отсрочки исполнения наказания, условного неприменения наказания, осуждения без назначения наказания. В 2019 г. из 38 726 осужденных к 1 602 была применена ст. 77 УК (4,2 % от общего количества). Статья 78 была применена к 1 023 осужденным (2,6 % от общего количества). В целом по ст. 77, 78, 79, 117 УК в 2019 г. были осуждены 5 523 человека, что составило 14,3 % от общего числа осужденных. К наказаниям в виде ареста, лишения свободы, пожизненного заключения и смертной казни было приговорено 16 804 человека, что составило 43,4 % от общего количества. Для сравнения можно привести цифры, касающиеся примерного соотношения лиц, приговоренных к изоляционным видам наказания и находящихся под надзором служб probation в Странах Европы – 15 и 85 %; США – 31 и 69 %; Казахстане – 55 и 65 %.

Несмотря на все доводы, касающиеся необходимости широкого применения альтернатив наказаниям, в первую очередь лишению свободы, на прямое указание со стороны законодателя, закрепленное в ч. 2 ст. 62 УК, на комплекс негативных последствий их применения, данная форма реализации уголовной ответственности (осуждение с применением наказания) доминирует. Более того, в 2019 г. среди осужденных к лишению свободы преобладали лица, совершившие не тяжкие преступления (69 % осужденных к лишению свободы за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжкие). Конечно, большая часть этих лиц ранее привлекалась к уголовной ответственности, что и предопределило решение суда. Тем не менее, данный факт не в коей мере не нивелирует актуальность вопроса о несоразмерности избранной

судом меры характеру общественной опасности содеянного. На фоне преобладающего числа осужденных к лишению свободы деформируется восприятие иных мер уголовной ответственности.

2006 г. стал определенным рубежом в контексте изменения тенденций применения осуждения с отсрочкой исполнения наказания и условным неприменением наказания. Внесение радикальных изменений в ст. 55 УК повлекло за собой то, что суды стали активно применять новый вид ограничения свободы – ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа. В связи с чем сложилась устойчивая практика сокращения применения ст. 77 и 78 УК.

Применение мер probation есть в какой-то степени проявление доверия к осужденному. А доверие к людям всегда содержит в себе элемент риска. Это своеобразный прыжок в неизвестность. Прогноз достижения целей уголовной ответственности всегда носит вероятностный характер. В связи с этим требуется достаточный уровень контроля специальными органами за организацией исполнения данных мер, подкрепленного мотивацией самого осужденного и той реальной социальной помощью, которая ему может быть оказана. Если сравнивать организацию такого контроля при осуждении с отсрочкой исполнения наказания и при ограничении свободы, то последняя явно проигрывает. Система ограничений при отбывании наказания в виде ограничения свободы «на дому» реализуется и при осуждении с отсрочкой исполнения наказания. Но в этом случае контроль за соблюдением осужденными таких ограничений более актуализирован и мотивационно обеспечен угрозой применения назначенного наказания в виде лишения свободы. Это подтверждает и статистика уклонения наказания в виде ограничения свободы и статистика совершения новых преступлений во время отбывания этого наказания по сравнению с цифрами совершения преступления в период испытательного срока. Так, в 2019 г. к ограничению свободы было осуждено 7 245 человек (5 471 из них без направления в исправительное учреждение открытого типа). Из них в период отбывания наказания новое преступление совершили 2 393 осужденных (33 % от количества осужденных к ограничению свободы). За уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы по ст. 415 УК осудили 1 518 человек (21 % от общего количества). В то же время в 2019 г. в период отсрочки исполнения наказания новое преступление было совершено 1,1 % осужденных с применением ст. 77 УК и 0,8 % осужденных с применением ст. 78 УК. Полагаем, что высокий уровень фактического и латентного уклонения от ограничения свободы связан с необеспеченностью организационно-исполнительских требований отбывания данного вида наказания. А это, в свою очередь, еще один довод в пользу необоснованности сокращения применения более эффективных иных мер уголовной ответственности.

Проблема применения иных мер уголовной ответственности напрямую связана и с наличием соответствующих органов, которые бы профессионально, целенаправленно, не отвлекаясь на иные обязанности, вели работу с осужденными. В стране до сих пор отсутствуют подобные службы, хотя данный

вопрос давно и неоднократно обсуждается. Все понимают и все соглашаются с тем, что для эффективной работы механизмов, связанных с режимом испытания, требуются специально подготовленные люди, высокопрофессиональные, в том числе психологи, педагоги, медицинские работники.

В заключении повторю главное. Являясь представителем научной школы доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Беларусь В. М. Хомича, с гордостью и уверенностью могу констатировать неординарность, эффективность, работоспособность и универсальность разработанной им и реализованной в УК концепции уголовной ответственности. И добавить слова Л. Толстого: «Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель».

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. Уголовная ответственность: правовое и социальное содержание / В. М. Хомич // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика : сб. науч. ст. – Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2017. – С. 282–288.

ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ И ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Серёда Галина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент

Мне представилась прекрасная возможность поздравить с замечательным юбилеем известного ученого и прекрасного человека, доктора юридических наук, профессора Хомича Владимира Михайловича.

Сегодня Владимир Михайлович является одним из самых грамотных специалистов в сфере уголовного права, известен как в Республике Беларусь, так и за рубежом. Он – автор многих научных исследований, посвященных вопросам уголовной ответственности. Результаты его научных трудов нашли отражение в действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь и прочно заняли свое место в теории уголовного права. О признании таланта ученого и научных заслуг Владимира Михайловича свидетельствует также избрание его членом научно-консультативных советов при Конституционном Суде Республики Беларусь и Верховном Суде Республики Беларусь, при Генеральной прокуратуре Республики Беларусь, членство в редколлегиях известных отечественных и международных научных журналов.

Следует отметить большой вклад Владимира Михайловича в становление государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь». Благодаря его заслугам государственное учреждение заняло почетное место в структуре Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, принимает активное участие в реализации возложенных на органы прокуратуры задач и функций, стало известным в международных научных кругах.

Много лет Владимир Михайлович преподавал на юридическом факультете Белорусского государственного университета. Именно здесь он подготовил

большое количество квалифицированных специалистов в области уголовного права, которые на сегодняшний день занимают руководящие должности в правоохранительных органах.

Преподавательской деятельности Владимира Михайловича всегда сопутствовала научная деятельность. Он не только сам занимался наукой, но и приветствовал это стремление в других. Под руководством Владимира Михайловича защитили кандидатские диссертации и теперь преподают в высших учебных заведениях республики многие известные ученые. Огромный вклад в уголовно-правовую науку со стороны этого ученого неоспорим.

Кроме высокого профессионального уровня, глубоких знаний, большой трудоспособности и ответственности Владимиру Михайловичу характерна невероятная доброжелательность в отношениях с людьми, порядочность, неиссякаемые энергия и оптимизм.

Мне, в прошлом студентке юридического факультета БГУ и соискателю ученой степени кандидата юридических наук кафедры уголовного права, всегда приятно вспоминать годы учебы, сотрудничества с Владимиром Михайловичем в научной сфере и совместной работы с ним в НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

С большой искренностью и теплотой хочу пожелать Владимиру Михайловичу в день его юбилея крепкого здоровья и долгих лет жизни, продолжать заниматься наукой и радовать нас новыми результатами научных трудов!

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Хилота Вадим Владимирович

*доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Гродненского государственного университета им. Я. Купалы,
кандидат юридических наук, доцент*

Впервые Владимира Михайловича я увидел в 1999 г. на юридическом факультете Белорусского государственного университета. Тогда он был заместителем декана по науке, если не ошибаюсь. А я был студентом 3 курса и приехал из Гродно на конференцию. Мне тогда на всю жизнь запомнились слова Владимира Михайловича, и по сей для меня они остаются загадкой. Подводя итоги студенческой конференции, Владимир Михайлович сказал: «Ребята, как говорили древние греки, никогда не стоит говорить всю правду, но пусть все что Вы скажете, это и будет являться правдой ...».

Жизнь так сложилась, что примерно через пятнадцать лет вновь свела нас. И на этот раз круг наших научных, да и что скрывать, жизненных интересов, сблизился. Я по праву с гордостью называю теперь Владимира Михайловича своим Учителем. И возможно, одна из самых важных вещей, которую я понял за не такие уж долгие годы общения с мастером, состоит в том, что никогда

невозможно предугадать, как отзовутся в собеседнике твои слова, что возьмет он от тебя, если возьмет что-либо вообще. В этой связи я очень часто вспоминаю слова Владимира Михайловича, обращенные к нам, вчерашним его ученикам, а сегодня уже состоявшимся юристам и педагогам: «Учитель старается сделать все для ученика, но рано или поздно он пойдет по жизненному пути сам».

Конечно, у каждого свой путь, он тернист и не усыпан розами. И в этой связи нельзя не вспомнить, что первых христиан тоже называли учениками, но не все те, кому была предоставлена возможность, избрали путь истинный, и было бы большей интеллектуальной и духовной гордыней рассчитывать на больший результат. И тем не менее, мы знаем, что именно благодаря всего лишь нескольким апостолам, т. е. ученикам, сохранившим верность своему Учителю, до нас дошли Его слова.

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

ЧТО НАДО ЖДАТЬ ОТ УГОЛОВНОГО ПРАВА (небольшие очерки из авторского обозрения уголовного права)

Хомич Владимир Михайлович

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь*

Как не парадоксально, но интерес к уголовному праву у человечества во многом обусловлен тем, что в нем сфокусированы в единстве человеческие и общественные пороки, то что мы обычно и называем *стремлением к преступлению и наказанию*, и одновременно *желание избавиться от этих пороков*. В этом глубокое противоречие, выход из которого видится по-разному. Тем не менее, исхожу из того, что *желание человечества избавляться* от стремления к преступлению и наказанию, в том числе посредством так называемого инструментально-либерального подхода к формированию уголовного права и уголовной политики, бесконечно, не завершено и будет продолжаться. Все более убеждаюсь в этом после прочтения вышедшей в 2019 г. книги известного советского и российского криминолога Д. А. Шестакова «Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики»¹.

В строго научном контексте инструментально-правовое обновление содержания уголовного права на стандартах либерального подхода предполагает, *во-первых*, постоянное и социально контролируемое поддержание состояния исключительности применения функций преступления и уголовной ответственности и, *во-вторых*, создание криминологических программ для контроля и определения эффективности действия уголовной юстиции.

Сегодня в концептуальном плане *белорусское уголовное право* (имеется, прежде всего, уголовный закон) системно, предметно, институционально, а, посему и содержательно, и инструментально *выигрышно продвинуто в его грядущее предназначение*.

В 2019 г. исполнилось 20 лет со дня принятия Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), к разработке концептуально-инновационных нормативных институций которого я имел самое непосредственное отношение. К его юбилею были подготовлены два большие издания: новая версия комментария УК² и сравнительный контент-анализ уголовного законодательства

¹ Шестаков, Д. А. Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики / Д. А. Шестаков. – СПб. : Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2019. – 206 с.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

государств, граничащих с Республикой Беларусь³. С краткой характеристики этих новаций и начнем.

Интерпретация новаций Уголовного кодекса в применении

На фоне пока далеко неоднозначных социальных процессов и перемен, признанная официально и пока непризнанная преступность демонстрирует серьезные вызовы социальным системам жизнеобеспечения и безопасности человека, вынуждая переосмысливать социальные подходы к пониманию преступления и реакции общества на его совершение.

Состоявшийся в июне 2019 г. международный круглый стол, посвященный 20-летию принятия Уголовного кодекса суверенной Беларуси, был хорошим поводом к тому, чтобы посмотреть, насколько национальный закон воспринял в своих новациях надвигающие криминальные угрозы, реальные и вымышленные, давно известные и искусственно создаваемые.

Сегодня, несмотря критические выпады некоторых представителей уголовно-правовой науки⁴, можно однозначно сказать, что в национальном уголовном законе (УК) были учтены в максимальном виде инновационные решения уголовно-правовой и криминологической науки в осмыслении преступности и преступления, создана система дифференцированной реакции на преступность со стороны общества и государства.

Базовые уголовно-правовые законоположения УК ориентируют общество на отказ от назначения уголовного закона (уголовного права) как *равнозначного с другими отраслями права средства правового регулирования (разрешения) социальных коллизий и конфликтов, на признание охранительной функции уголовного закона в качестве исключительного средства защиты безопасности человека, его прав и свобод, экономических и социальных отношений, национальной государственности на принципах верховенства (приоритета) прав человека.*

Принципиально по-новому УК Беларуси разрешает проблему основания уголовной ответственности, отказываясь от традиционного понимания «состава преступления». В качестве основания уголовной ответственности определяются объективные и субъективные свойства уголовной противоправности деяния, как *общественно опасного и поэтому запрещенного уголовным законом.* Основание уголовной ответственности в онтологическом и правовом отношении сориентировано на состав признаков, идентифицирующих наличие **в поведении** физического лица объективного основания, каковым является **запрещенное уголовным законом «деяние»**, и субъективного основания, заключающегося в том, чтобы совершение запрещенного деяния (*правонарушающего деяния*)

³ Уголовное законодательство государств, граничащих с Республикой Беларусь (сравнительный контент-анализ) / под общ. ред. В. В. Марчука, В. М. Хомича. – Минск : Амаффея, 2019. – 444 с.

⁴ См. об этом: Хомич, В. М. ПРЕДИСЛОВИЕ (К вопросу о формировании уголовно-исполнительного права XXI века) / В.М. Хомич // Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск: Амаффея, 2020. – С. 7–13.

было следствием (результатом) **вины** физического лица, совершившего это «**деяние**». Это и есть преступление в социально-правовом (в общем) и в конкретном его понимании как основание уголовной ответственности. Именно эта простая формула закреплена в ст. 10 УК⁵.

При этом УК исходит из презумпции, что уголовно-противоправными объявляются в законе только общественно опасные деяния, *если не установлено иное*. И возможность такового (иного) установления (оспаривания) предусмотрена в системе уголовного преследования и правосудия (в уголовном и уголовно-процессуальном законах). В этих целях УК (ч. 4 ст. 11) определяет понятие малозначительного деяния исключительно с материально правовых позиций, как деяния, не являющегося по характеру опасности и (или) опасности причиняемых последствий преступным деянием.

Впервые на постсоветском пространстве в УК устанавливается в нормативном виде правовая конструкция уголовной ответственности, и система мер (включая наказание), составляющих и адекватно выражающих объективную реальность данной ответственности⁶. На протяжении вот уже 20 лет она доказывает свою функциональную и правовую работоспособность, определенность в практическом применении, универсальность в совершенствовании мер и форм ее реализации с учетом изменяющейся современной типологии преступников и преступности⁷.

В числе новаций, которыми УК был дополнен в 2015 г., следует обратить внимание на «уголовно-правовую компенсацию» и «общественно-полезные работы». Оба понятия имеют институциональный характер в рамках применения норм, связанных с дифференциацией мер и форм реализации уголовной ответственности и обеспечением принципа неотвратимости ответственности при освобождении виновного в преступлении лица от уголовной ответственности.

Сохраняя выверенные практикой положения института соучастия в определении таких соучастников, как исполнитель и организатор преступления, а также форм соучастия, УК предусматривает ряд правовых положений, имеющих существенное значение для практики оценки

⁵ См.: Хомич, В. М. Преступление как основание уголовной ответственности (о социально-правовой сущности преступления в уголовно-наказательном праве) / В. М. Хомич // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 30 сент. – 1 окт. 2019 г. / под ред. Н. А. Лопашенко ; [ред. А. В. Голикова] ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – С. 382–387.

⁶ См.: Хомич, В. М. Концепции уголовной ответственности в теории уголовного права. Уголовная ответственность как правовое явление // Уголовное право Республики Беларусь: научно-методологические основы : учеб. пособие / С. В. Ананич [и др.]; под общ. ред. Э. А. Саркисовой ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 165–193.

⁷ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.]; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – С. 109–208.

преступлений, совершаемых в соучастии⁸. Так, указывая в ч. 3 ст. 16 УК, что исполнителем признается лицо, которое непосредственно совершает преступление, либо непосредственно участвует с другим лицом в его совершении, уголовный закон фактически и юридически допускает соисполнительство в преступлениях со специальным субъектом со стороны лиц, не отвечающих признакам такового субъекта. Это возможно, если преступление в основе предполагает специального субъекта, но заключается в совершении комбинации взаимосвязанных действий, часть из которых в принципе, либо при определенных условиях может быть совершена и не специальным субъектом. Исключается соисполнительство со стороны лиц, не отвечающих признакам специального субъекта, только при совершении преступлений, основу которых составляет деяние, обусловленное исключительно нарушением или злоупотреблением статусной обязанностью, возлагаемой на соответствующее лицо (должностное лицо, военнослужащий, при измене государству граждан Республики Беларусь).

Двадцатилетний период действия УК, однако, нельзя признать безоблачным в реализации его заявленных позитивных начал. Причин здесь очень много, но главная, которая, по нашему мнению, традиционно обуславливает инфляционные процессы в системе уголовно-правовой защиты общества от реальных криминальных угроз и сопровождается злоупотреблением уголовно-правовым инструментарием в поддержании в обществе достойного правопорядка – это *криминологическая избыточность* уголовного права. Как всегда, и везде, упускается вопрос о легитимности уголовного закона, который должен фокусироваться не на колебаниях интересов властвующих элит, а на интересах обеспечения достойной и безопасной жизни людей. В таком контексте и следует интерпретировать (понимать) и преступление, и наказание, и не только в уголовно-правовой и криминологической науке, но и в социальной практике нормотворчества уголовного закона и его применения⁹.

Нельзя не заметить, что за последние 10 лет развитие объективного уголовного права и, как следствие, его применение смещалось в сторону решения практических проблем, возможно и заслуживающих внимания со стороны уголовного закона, но не в той мере, в какой это право может и должно их разрешать. Система уголовного права и института уголовной ответственности и наказания вольно и невольно начинала работать на принципах эффективности организационно-экономического оборота. Возникающие симптомы социально-опасного отклонения сразу же пытались разрешать введением уголовно-правовых запретов и уголовной ответственности,

⁸ Хомич, В. М. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации / В. М. Хомич // Судебная практика в контексте принципов права и законности : сб. науч. тр./ редкол. В. М. Хомич (гл. ред.) – Минск : Тесей, 2006. – С. 36–48.

⁹ Легитимность права : коллективная монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб. : Алетей, 2019. – С. 8–10.

игнорируя возможность принятия социальных решений. Криминологическое наблюдение за практикой применения основных институтов уголовного права в аспекте коммуникативного метода его действия свидетельствуют также о забвении в законодательстве и правоприменении гуманитарного аспекта уголовного права, как исключительно-вынужденного, но правового средства защиты человека и человеческого достоинства от общественно опасного произвола субъектов социальной деятельности. Соглашусь с тем, что сегодня нам необходимо осуществлять серьезный криминологический разбор внешних и внутренних причин общественно опасного произвола и на основе осознания духовной принадлежности к своему народу, его культуре, исторических истоков национальной государственности задуматься о разработке единого права противодействия преступности¹⁰.

Об экономическом (деловом) риске

Перед экономической и уголовно-правовой наукой в 2006 г. возникла проблема определения обоснованности допускаемого в экономической деятельности предпринимательского риска, когда принимаемые управленческие решения сопряжены с риском неудачи (ущерба), но не могут рассматриваться как правонарушающие деяния с точки зрения уголовного закона.

Уяснение базовых позиций правомерности и, соответственно, адекватного понимания риска в экономической (предпринимательской) деятельности в условиях рыночных отношений усложнялось в республике отсутствием на организационно правовом уровне в системе государственного управления фактического разделения управленческих *функций собственника* имущественного комплекса и *функций непосредственного управления* предпринимательской деятельностью на основе этого имущественного комплекса. Как известно, процесс приватизации в Республике Беларусь, в отличие от остальных постсоветских стран, не был столь массовым. Значительная часть предприятий осталась полностью государственной даже после преобразования их в акционерные общества, а во многих предприятиях сохранилась в той или иной степени доля собственности государства. Все они составляют государственный портфель для осуществления экономической (предпринимательской) деятельности, подлежащий императивному контролю со стороны государства. Само же ведение и осуществление предпринимательской деятельности (бизнеса) с ориентацией на успех в условиях конкурентности содержит и риск неуспеха – имущественных (материальных) потерь и даже полного банкротства. Все зависит не только от объективных обстоятельств, обуславливающих положительную или отрицательную конъюнктуру ведения того или иного бизнеса, но и от экономической

¹⁰ См.: Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования. Коллективная монография / отв. ред. А. Е. Мизанбаев. – Казань, 2012. – С. 111–113; Шестаков, Д. А. От преступной любви до преступного законодательства. Статьи по криминологии, интервью / Д. А. Шестаков. – СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2015. – С. 8–11.

профессиональности систем управления бизнесом (экономической деятельностью) со стороны собственника и нанятого (назначенного) собственником руководителя. Конечно, назначенные руководители могут допускать управленческие решения, приводящие к негативным последствиям в экономической деятельности. Если это сделано умышленно вопреки интересам успешности бизнеса или вследствие невежественной некомпетентности руководителя, то с точки зрения уголовного закона это правонарушающие деяния против интересов службы (злоупотребление или служебная халатность). А как быть, если решение руководителя было осознанным, экономически обоснованным на достижение успеха, хотя и сопряжено с рисками неудачи, и эти неудачи обусловлены объективными обстоятельствами отрицательной конъюнктуры ведения данного вида бизнеса и / или, как это часто бывало, связаны и с неудачными распорядительными действиями государственных органов. Здесь нет уголовно-правонарушающего злоупотребления властью или служебными полномочиями, независимо от тяжести наступивших экономических последствий со стороны руководителя, принимавшего рискованное управленческое решение, если это решение объективно и субъективно (прежде всего, экономически и социально) принималось в интересах службы. Но, к сожалению, не все оказалось так просто *с пониманием и распределением* интересов службы, а, следовательно, и ответственности в системе государственного контроля и управления экономической деятельностью. Система экономически обоснованных, но нестандартных (а поэтому заведомо сопряженных с риском неудачи) инициативных решений руководителей государственных предприятий строго отслеживалась, и, в случае неуспеха (возникновения ущерба), ставился вопрос об уголовной ответственности за совершение руководителем действий (принятие и осуществление решений) по службе с использованием должностных полномочий *вопреки интересам службы*, что и повлекло ущерб. С высоты государственного интереса и при административной обремененности полномочий руководителей хозяйствующих субъектов доказать, что интересы службы не соблюдены, было не сложно¹¹. Так появилось коллективное обращение руководителей государственных предприятий к руководству государства. Вначале для разрешения указанной ситуации было предложено правоохранительным органам *более объективно* в таких случаях подходить к оценке служебных действий на предмет их соответствия или несоответствия интересам службы, для чего была даже исключена уголовная ответственность за злоупотребление служебными полномочиями, повлекшими причинение крупного ущерба при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности. Но добиться однозначно необходимого и объективно правильного понимания интересов службы в контексте принятия руководителем

¹¹ См.: Хомич, В. М. Институционализация делового риска в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключающего преступность злоупотребления профессиональным правом на предпринимательский риск для решения значимой экономической задачи / В. М. Хомич // Право.by. – 2015. – № 5(37). – С. 24–31.

рискованного экономического решения не удалось, хотя это было возможно и было бы правильно в правовом контексте. То есть позиция, что в таких случаях отсутствуют объективные и субъективные признаки уголовной противоправности деяния, предусмотренные ст. 424 УК, *не сработала*. Поэтому и было принято решение разрешить указанную проблему путем законодательного закрепления экономического (делового) риска в ст. 39 УК как *обстоятельства, исключающего преступность деяния*. По существу, ставилась задача определиться с условиями обоснованности рисков-решений, при соблюдении которых уголовная противоправность соответствующих деяний (решений) должна исключаться в силу их объективной правомерности. Как следствие, ст. 39 УК была дополнена ч. 2-1, которой и была введена норма об экономическом (деловом) риске.

Деловой риск не имеет никакого отношения к бесхозяйственности, нарушениям технологии производства, а также к принятию экономических решений на основе групповых корыстных и индивидуальных интересов. Практикой подтверждено, что проблема делового риска связана с обоснованием экономического решения на основе учета всех аспектов и интересов службы со стороны лица, принимающего такое решение.

В этой связи, особое внимание следует обращать на выяснение условий наличия экономического (делового) риска в контексте соответствия решения руководителя интересам службы и причин, вследствие которых данное рискованное решение оказалось все-таки неуспешным и повлекло нежелательные (ущербные) последствия¹².

О специальной конфискации

Специальная конфискация в системе уголовного законодательства сейчас, как и до исключения из числа видов наказания так называемой общей конфискации, является мерой безопасности уголовно-правового характера. В таком уголовно-правовом формате специальная конфискация имущества, полученного преступным путем, доходов от него, орудий, средств и предметов преступления рассматривается по существу всеми государствами в качестве необходимого и эффективного средства противостояния преступности. Однако институционализация в УК Республики Беларусь специальной конфискации столкнулась с очевидным непониманием необходимости установления правовых стандартов применения данного института. Социальное и уголовно-правовое назначение специальной конфискации – устранить экономическую основу преступности, приобретающей все более организованный, технологически-корыстный и коррупционный характер при одновременном недопущении превращения ее в своеобразное орудие экспроприации собственности.

Республика Беларусь долгое время была, пожалуй, единственной страной на постсоветском пространстве, где так называемая общая конфискация имущества сохранялась как вид уголовного наказания в классическом

¹² См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – С. 89–93.

для советского уголовного права виде, вплоть до принятия Закона от 9 января 2019 г. № 171-З, которым она была исключена из системы видов наказания. Вместо общей конфискации в УК вводится специальная конфискация с четко обозначенным предметно уголовно-правовым содержанием и назначением в рамках функционирования системы уголовной юстиции. Специальная конфискация (конфискация имущества, добытого преступным путем, орудий и средств совершения преступления и т. д.) хорошо и давно известна уголовному законодательству большинства стран мира, равно как советскому и постсоветскому законодательству государств, образовавшихся после распада СССР. Правда, в постсоветских государствах при сохранении общей конфискации специальная конфискация существовала и применялась в избирательном и далеко не всегда правовом формате, что, однако, не вызывало особых упреков, поскольку все фискальные издержки ее применения закрывались потенциалом общей конфискации. Естественно, что исключение общей конфискации потребовало правовой четкости в определении места и назначения специальной конфискации в системе уголовного законодательства, равно как и процессуально судебных (правосудных) форм ее применения. Странно, что указанные правовые истины пока не находят однозначного понимания у практиков и некоторых представителей уголовно-правовой науки, которые продолжают дискутировать относительно якобы неясной правовой природы специальной конфискации. Очевидно же, что специальная конфискация никогда, как в бытность ее существования наряду с общей конфискацией (ст. 61 УК), так и после принятия Закона от 9 января 2019 г. № 171-З не являлась и не признавалась наукой и практикой наказанием. Так, специальная конфискация в УК РФ вместо общей конфискации (общая конфискация исключена Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162) была введена в 2006 г. Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153 и помещена в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» наряду с принудительными мерами медицинского характера, которые известны давно и мерами уголовной ответственности не являются (в УК Беларуси они называются принудительными мерами безопасности и лечения). Под специальную конфискацию была создана новая специальная глава УК РФ (гл. 15.1) и переименован раздел 6 Общей части на «Иные меры уголовно-правового характера». Таким образом, конфискация была обозначена как иная мера уголовно-правового характера. Основная трудность для систематики конфискации в УК РФ заключалась в том, что ни самого понятия *иных мер уголовно-правового характера*, ни признаков, отличающих эти меры от всех иных, содержащихся в УК мер, не относящихся к числу наказаний, законодатель не определял. В ст. 2 УК РФ было сказано, что для решения задач, стоящих перед уголовным законодательством, УК устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера. Тем самым законодатель включал уголовное наказание в меры уголовно-правового характера. Не разрешался в УК РФ и вопрос о соотношении иных мер уголовно-правового характера с мерами уголовной ответственности, поскольку понятие таковой ответственности

в УК РФ отсутствует. В соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323 в этот раздел включен и судебный штраф. В общем, в указанный раздел УК РФ помещены меры уголовно-правового воздействия *различного содержательного и функционального характера*, но не являющиеся наказанием. Так, если принудительные меры медицинского характера направлены *на обеспечение как общей безопасности, так и безопасности самих лиц*, совершивших в состоянии невменяемости общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, либо заболевших психическим заболеванием после совершения преступления и поэтому не способных в таком состоянии нести уголовную ответственность, то специальная конфискация направлена на нейтрализацию (поражение) имущественного статуса лица, совершившего преступление, посредством лишения его имущества, полученного или задействованного в процессе преступления. Вне сомнения, все это есть меры уголовно-правового воздействия, и направлены они, соответственно, на нейтрализацию личностных или материально-инструментальных факторов развития преступной деятельности, но не на ресоциализацию уголовного правонарушителя, что является неперенным функционально-содержательным свойством мер уголовной ответственности. Указанные меры уголовно-правового воздействия (принудительные меры безопасности и лечения, специальная конфискация) в своей исходной и функциональной основе являются *криминологическими*, применяются, соответственно, по факту совершения преступления (предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния), то есть реализуются в правовом поле уголовного закона, являются мерами обеспечения уголовно-правовой безопасности, напрямую связаны с фактом совершения преступного деяния.

В этой связи обратим внимание, что предметно система правового регулирования мер уголовно-правового характера в ст. 1 УК Республики Беларусь обозначена принципиально по-иному: «Уголовный кодекс Республики Беларусь определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, закрепляет основания и условия уголовной ответственности, **устанавливает наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления**, а также **принудительные меры безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния**». Это существенно упрощает систематизацию отнесения специальной конфискации, как и принудительных мер безопасности и лечения, к числу *иных мер уголовно-правового воздействия*, не относящихся по своим основаниям, содержанию и функциям к наказанию и иным мерам уголовной ответственности.

Конечно, нельзя сказать, что после упразднения конфискации в качестве вида наказания в УК РФ, как и у нас, сложилась оптимальная правовая модель объектов специальной конфискации, оснований и порядка ее применения. По мнению П. А. Скобликова, даже после принятия 14 июня 2018 г. Пленумом Верховного Суда РФ постановления № 17 «О некоторых вопросах, связанных

с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» сохраняются серьезные правоприменительные проблемы относительно адекватного правового регулирования данной меры уголовно-правового характера¹³. Причина этому в том, что правовые системы постсоветских государств формировались и продолжают формироваться на социалистической платформе приоритета государственной собственности, а, следовательно, уязвимости частной собственности в системе ее правовой защиты. Отсюда долгое сохранение в УК конфискации как вида уголовного наказания, а после исключения данного наказания – предметная и процедурная растерянность и невнятность относительно объектов специальной конфискации и относительно правовой позиции о судебном порядке ее применения в рамках уголовного судопроизводства.

Содержательное и функциональное назначение специальной конфискации, введенной в УК Законом от 9 января 2019 г. № 171-З, в системе уголовного законодательства очень удачно и глубоко определила Н. А. Голованова: «Общепризнано, что в основе такой конфискации криминальных доходов лежит двойная логика. Во-первых, тем, кто совершает незаконное деяние, нельзя позволять обогащаться за счет преступления, а доходы от преступной деятельности следует изымать и направлять на компенсацию ущерба, причиненного потерпевшему, будь то государство или частное лицо. Во-вторых, преступление не должно повториться, поэтому конфискации должна подлежать не только экономическая выгода от преступления, но и орудия преступления, что позволяет предотвратить их дальнейшее использование в криминальных целях»¹⁴.

Введение специальной конфискации в качестве **особого**, наряду с уголовной ответственностью, уголовно-правового инструментария противодействия преступности было давно ожидаемым событием. Фактически нормативная модель специальной конфискации была скопирована из ч. 2 ст. 61 УК, частью 1 статьи которой предусматривалось наказание в виде конфискации имущества. Что же касается пересмотра и переосмысления всего комплекса правовых позиций, которые напрямую связаны с введением специальной конфискации и принятием адекватных правовых решений, то здесь не было ясности и определенности на момент разработки и принятия Закона от 9 января 2019 г. № 171-З, которым из УК была исключена ст. 61 (конфискации) и одновременно введена специальная конфискации (ч. 2 ст. 46 и ст. 46-1 УК). Сейчас важно то, что указанными законодательными решениями подтверждена **материальная (уголовно-правовая) природа специальной конфискации, как и имущества, относимого к объектам специальной конфискации** (имущество, добытое преступным путем, и доходы, полученные

¹³ Скобликов, П. А. Постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам конфискации имущества: критический анализ / П. А. Скобликов // Закон. – 2018. – № 9. – С. 122–132.

¹⁴ Голованова, Н. А. Конфискация как реакция на корыстное преступление / Н. А. Голованова // Журн. рос. права. – 2015. – № 7. – С. 78.

от использования такого имущество; имущество (вещи) как орудия и средства совершения преступления и т. д.).

В УК специальная конфискация и ее правовая природа определены однозначно, и это соответствует общим международным правовым стандартам. По своей правовой природе специальная конфискация представляет собой **уголовно-правовую меру безопасности вещественно-имущественного характера**, преследует восстановительную и обеспечительную функции в общей системе поддержания безопасности общества от воспроизводства и консервации угроз криминального характера, не является ни наказанием, ни какой-либо иной мерой уголовной ответственности, но являет собой, как и принудительные меры безопасности и лечения, систему *иных уголовно-правовых мер воздействия на преступление (преступность)* наряду с уголовной ответственностью и мерами, ее выражающими.

По этой причине на специальную конфискацию (на объекты, подлежащие специальной конфискации) не распространяется *институт давности ее исполнения*, имеются *особенности в применении положений об обратной силе уголовного закона в случае декриминализации деяний*, при совершении которых были выявлены объекты, подлежащие специальной конфискации. Так, вопрос об обратной силе уголовного закона в отношении применения специальной конфискации в связи с *декриминализацией деяния* может возникать только в отношении предметов вещественно-имущественного характера, выступавших в качестве **орудий и средств** совершения преступления. При этом независимо от декриминализации (устранения преступности деяния), *имущество, полученное посредством его совершения*, а равно *доходы, полученные от использования этого имущества*, подлежат конфискации. Такое имущество ни при каких условиях, в том числе при декриминализации соответствующего преступного деяния не может и не должно признаваться законно приобретенным и поэтому обращается в доход государства. Что касается иных объектов конфискации, указанных в ч. 1 ст. 46-1 УК, то в отношении них применяются общие правила об обратной силе уголовного закона (за исключением вещей, изъятых из оборота).

Сложным для правоприменительной и судебной практики остается вопрос о соотношении объектов специальной конфискации и ущерба, причиненного преступлением потерпевшему (физическому или юридическому лицу, государственной казне), который всегда возмещается по правилам гражданского судопроизводства и по общим основаниям возмещения причиненного вреда, что соответствует гражданско-правовой ответственности (восстановительной и компенсационной по сути). Введение специальной конфискации в качестве самостоятельной уголовно-правовой меры воздействия по случаю совершения преступления поставило вопрос об однозначном *разграничении и сертификации* в процессе доказывания при совершении преступлений наличия *объектов*, подлежащих конфискации в строгом соответствии с их перечнем данным в ч. 1 ст. 46-1 УК. Ясно только то, что объекты специальной конфискации – это предметы вещественно-имущественного свойства, исходящие от преступления,

но разные по характеру происхождения – в них разные основания доказывания и правосудной оценки. К сожалению, долгие годы в правоприменительной деятельности всему этому не придавалось особого значения.

Так, имущество, *добытое преступным путем*, как объект специальной конфискации следует однозначно и определенно идентифицировать по отношению к имущественному ущербу, причиненному преступлением потерпевшему, например, когда виновное в определенном преступлении лицо обогащается за счет похищения чужого имущества или причиняет ущерб потерпевшему путем обмана или злоупотребления доверием с целью сбережения своего имущества. Похищенное имущество может вообще оцениваться в трех правовых позициях: как имущество, добытое преступным путем; как предмет преступления (хищения); как ущерб, причиненный потерпевшему (владельцу или собственнику этого имущества). Обратим внимание, что за *счет имущества, подлежащего специальной конфискации*, при отсутствии достаточных средств у обвиняемого (осужденного), возмещается ущерб, причиненный преступлением потерпевшему, осуществляется компенсация причиненного потерпевшему физического и морального вреда. Есть опасения в трактовке такого объекта специальной конфискации как *предмет преступления*, который позаимствован из доктрины уголовного права об объекте преступного посягательства. По нашему мнению, такой упоминаемый в ст. 46-1 УК объект специальной конфискации как *предмет преступления* «перекрывается» либо имуществом, добытым преступным путем, либо (чаще всего) «средством» совершения преступления. В последнем случае имеются в виду случаи, когда имущество, иные материальные ресурсы технологически задействованы в механизме осуществления преступного деяния, предусмотренного уголовным законом, то есть их фактическое употребление является способом объективного выражения преступного посягательства (например, материальные ресурсы, вовлекаемые виновным в осуществление незаконной предпринимательской деятельности).

От средств совершения преступления в таком понимании при совершении некоторых преступлений (в частности, незаконной предпринимательской деятельности) следует отделять *преступную прибыль*, которая должна оцениваться как *имущество, добытое преступным путем*. **Обусловлено это очень важным правовым положением, которое закреплено в ч. 2 ст. 46-1 УК. Оно состоит в том, что если конфискация имущества, приобретенного преступным путем, а также дохода, полученного от использования этого имущества, на момент принятия решения о конфискации невозможна вследствие утраты, израсходования, уничтожения, реализации либо по иным причинам (в частности, если это имущество соответствует перечню, данному в Приложении к УПК), сосужденного в доход государства взыскивается денежная сумма, соответствующая стоимости имущества, приобретенного преступным путем, и (или) размеру дохода, полученного от использования этого имущества. В отношении иных объектов специальной конфискации это допустимо, если имущество как объект специальной**

конфискации (например, автомобиль, признанный орудием совершения преступления) реализован добросовестному приобретателю¹⁵.

Часть 2 ст. 46 УК, идентифицируя *иную уголовно-правовую природу специальной конфискации* по отношению мерам уголовной ответственности, предусматривает, что при совершении преступления она применяется как *наряду с уголовной ответственностью*, так и *при освобождении лица от уголовной ответственности* по основаниям, предусмотренным УК. Из буквального смысла данной нормы также следует, что *специальная конфискация* является уголовно-правовым последствием совершенного преступления, представляет собой принудительную меру уголовно-правового характера (воздействия), поскольку обусловлена совершением преступления, **обязательно должна быть связана с доказанным обвинением и (или) осуждением лица** (поэтому и предусмотрена УК, а не УПК), а порядок ее применения процессуально и процедурно должен соответственно и адекватно регламентироваться УПК и УИК, то есть в рамках уголовного судопроизводства. Имущество как предмет специальной конфискации, несмотря на то, что оно связано с преступлением, является **элементом права собственности**, неприкосновенность которой гарантируется ст. 44 Конституции в том смысле, что любое отчуждение собственности допускается только по закону и **согласно решению суда**.

Не наблюдается пока желания синхронизировать правовые позиции уголовного закона о специальной конфискации с конфискацией в административно-деликтном законодательстве, о чем свидетельствуют соответствующие положения принятого в первом чтении проекта нового Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь¹⁶.

Об «иной государственной организации» в статье 433 УК

Вопрос о понятии *государственной организации* для национальной правовой системы не является новым. В советское время все организации (казенные и хозяйствующие, за некоторым исключением) были государственными, иное просто не допускалось. Необходимость уточнения этого понятия (так будет правильно) возникла в начале 90-х в связи появлением наряду с государственной собственностью института частной собственности (собственности физических лиц – Закон от 11 декабря 1990 г. № 457-XII «О собственности в Республике Беларусь») и принятием Закона от 19 января 1993 г. № 2103-XII «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь».

¹⁵ См.: Хомич, В. М. Специальная конфискация – уголовно-правовая мера безопасности в системе уголовной юстиции: сравнительно-правовой анализ / В. М. Хомич // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2020. – Вып. 5. – С. 339–346.

¹⁶ См.: Хомич, В. М. Специальная конфискация или что изменилось и должно измениться в системе деятельности уголовной юстиции / В. М. Хомич // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : сб. ст. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: Т. А. Савчук (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – С. 14–16.

Процесс разгосударствления (а он касался, прежде всего, государственных хозяйствующих организаций (предприятий) – *государственных унитарных предприятий*) неизбежно означал перевод их в разряд **негосударственных организаций**. Право оперативного и непосредственного управления разгосударствленными организациями (его имущественными активами, коллективами работников) *со стороны государства* (так называемая публично-составляющая функция управления от государственной власти) полностью или частично должно было утрачиваться (или существенно ослабляться, то есть заменяться общим контрольно-правовым регулированием), становясь *корпоративной обязанностью и правом* учредителей (участников) этой организации. Это один из **главных моментов (признаков)** понимания того, что есть государственная и негосударственная организация с точки зрения трансформации политико-правового режима государственного управления соответствующими организациями.

В этом смысле, и это хорошо известно, развитие белорусской экономики и правового поля приватизации и разгосударствления имеет много уникальных черт. В то время как большинство постсоветских государств с разной долей экономической и общесоциальной эффективности завершили этап массового разгосударствления активов, в Республике Беларусь государство продолжает контролировать основной объем национального богатства и производственных мощностей. Государство на протяжении всего периода приватизации пыталось сохранять публично-правовые начала государственного управления и контроля как процессом приватизации, так и имущественным комплексом независимо от государственной доли в его образовании по итогам приватизации. Конечно, это была непростая в правовом отношении задача для государства, о чем свидетельствуют многочисленные изменения концептуального характера, сопровождавшие Закон от 19 января 1993 г. № 2103-ХІІ «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь» и завершившиеся принятием Закона от 16 июля 2010 г. № 172-З [4], которым дана новая редакция Закона от 19 января 1993 г. № 2103-ХІІ и новое название этого Закона – **«О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества»**.

Формально государство как собственник и частные акционеры обладают равными правами в акционерном обществе. Это следует как из общего принципа, провозглашенного ст. 13 Конституции, согласно которой «государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности», так и из общих норм Гражданского кодекса и Закона от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХІІ «О хозяйственных обществах», не предусматривающих каких-либо преимуществ для отдельных категорий акционеров в связи с формой их собственности. Акционеры в зависимости от размера своего пакета обладают разными возможностями получения благ от владения собственностью

и гарантированно могут надеяться только на доход в виде дивидендов и рост курса ценных бумаг. Обладатели крупных пакетов, кроме перспектив доходности, имеют определенную возможность контроля над акционерным обществом. Государство как инвестор обладает рядом специфических черт, которые остальным акционерам нужно принимать во внимание, как решаясь на вложение денег в акционерное общество с долей государственной собственности, так и участвуя в дальнейшем в управлении таким обществом.

На сегодня в белорусской экономике доля ОАО с государственным участием в общем объеме ОАО составляет более 70 процентов. Это объясняется тем, что в соответствии с законодательством, в частности Законом от 19 января 1993 г. № 2103-ХІІ в его последней редакции, реорганизация **государственных унитарных предприятий** как форма разгосударствления для последующей приватизации применяется именно в виде преобразования указанных субъектов в ОАО. Тем самым, подавляющее большинство ОАО, акции которых принадлежат Республике Беларусь или ее административно-территориальным единицам, – это бывшие государственные унитарные предприятия. Сам вид ОАО присутствует в белорусской экономике, скорее, *не из-за потребностей этой экономики в аккумулировании свободных денежных средств субъектов, которые не предрасположены к предпринимательской деятельности*, а вследствие желания государства сохранить приоритеты публично-правового администрирования, прежде всего, над органами и системой корпоративного управления. Вместе с тем, по социально-правовому статусу приватизированные (разгосударствленные) государственные унитарные предприятия путем их преобразования в открытые акционерные общества, которые осуществляют свою хозяйственную (предпринимательскую) деятельность при долевом участии субъектов частной формы собственности, нельзя считать государственными предприятиями (организациями), даже учитывая сохраняющийся высокий стандарт публичности в управлении такими организациями вследствие значительной уставной доли государства в этой корпоративной организации.

В контексте обоснования публично-правового статуса *государственной организации* лежит абсолютное право государственной собственности на материальные ресурсы, посредством которых обеспечивается деятельность такой организации (для государственных органов и государственных учреждений, обеспечивающих деятельность государственных органов, – финансирование из государственного бюджета; для коммерческих государственных организаций – за счет государственных имущественных активов, переданных им в оперативное управление). Изначальное сосуществование и правовое регулирование деятельности юридического лица, имеющего публично-правовой характер, не зависят от воли его членов и коллектива (работников). Для всех членов таких организаций (независимо от того, являются они должностными лицами в этих организациях или простыми служащими, работниками) устанавливаются дифференцированные, но **единые императивно-публичные стандарты и критерии** для определения рамок дозволенного поведения, равно как и объективных, и субъективных оснований

публичной противоправности служебных (трудовых) проступков и ответственности.

Поэтому, в строго правовом смысле, юридические лица (коммерческие организации), деятельность которых основана **и на негосударственных** формах собственности, **не являются уже государственными**, независимо от доли государства в уставном капитале данного юридического лица (более или менее 50 процентов)¹⁷. Из этого следовало и должно исходить при толковании понятия «иная государственная организация» в ст. 433 УК.

Для работников негосударственных организаций, не обладающих полномочиями властного администрирования, формирование спектра публичных правонарушений и ответственности требует учета **частного интереса, а отсюда и частного (корпоративного) обременения** публичного права государства наказывать от имени государства работников негосударственных организаций (конечно же, в разной степени – в зависимости от характера опасности правонарушающего деяния). Применительно к ст. 433 УК это означает, что в негосударственных организациях принятие работником вознаграждения за совершение им в пределах его служебных полномочий (трудовых обязанностей) деяний или выполняемую работу в интересах заказчика **дополнительно, то есть** помимо причитающейся ему как работнику заработной платы, установленной в данной организации, **хотя и незаконно, но не содержит объективных и субъективных признаков уголовной противоправности деяния**, предусмотренного указанной статьей УК. При этом частное **обременение уголовной противоправности этого деяния** и невозможность уголовной ответственности работников негосударственных организаций за такого рода деяния объективно и субъективно осуществлено уголовным законом **императивно на уровне криминализации данного деяния в качестве преступления** (а не путем предоставления потерпевшему права определять возможность наступления уголовной ответственности за совершение деяния).

О системности совершенствования уголовного закона

Заявленная в мае 2020 г. **системная** реформа законодательства об уголовной ответственности приближается к своему экватору. Новацией этой реформы провозглашалось не просто очередное совершенствование уголовного закона с учетом проблем и запросов правоприменительной практики, а его **системное обновление**. Между тем, вопрос о системном совершенствовании уголовного законодательства, как мне кажется, может ставиться и разрешаться на законодательном уровне, если **система институтов**, выражающих правовой и функциональный механизм уголовно-правового воздействия на преступление и преступность, не обеспечивает институционально в отдельности и (или)

¹⁷ См.: Хомич, В. М. Государственная организация – исключительно публично-казенное образование (к вопросу понимания «иной государственной организации» в статье 433 УК) / В. М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – Вып.13 – С. 240–254.

в институциональной их совокупности устойчиво контролируемый государством уровень защиты общества от традиционных и возникающих новых криминальных угроз. Эта задача решалась исторически всегда и всеми обществами одинаково: посредством точно выверенной (конечно, не всегда с позиции объективного криминологического обоснования) криминализации общественно опасных деяний в качестве преступных и установления адекватно-дифференцированного опасности деяния наказания лиц, их совершающих. Решение этой задачи всегда осложнялось и осложняется сейчас далеко непростым и однозначным социальным опытом публично-принудительного разрешения того, что же должно быть преступлением и наказанием за него. Не секрет, что уголовный закон (уголовное право) постулирует и легитимирует *в целях избавления нас от стремления к преступлению* необходимое для общества насилие в виде наказания человека за совершенное преступление. То есть суть правовой и общечеловеческой обоснованности и справедливости уголовного закона, как утверждает А. Э. Жалинский, лежит в практической плоскости и состоит в уяснении вопроса о том, кто и за что, и на каком основании вправе подвергать граждан наказанию¹⁸.

Учитывая сказанное, в строго научном и практическом отношении системность уголовного законодательства определяется, *во-первых*, социальной определенностью и *исключительностью* уголовно-правового запрета (невозможностью иначе как) того, что признается преступлением и, *во-вторых*, функционально эффективной наказуемостью преступников, ориентированной преимущественно на предупреждение рецидива.

Что касается **первого** контента уголовно-правовой системности закона (политики и оснований криминализации, признаков противоправности преступных деяний как деяний общественно опасных, классификации преступлений по степени их опасности и дифференциации по разделам и главам Особенной части УК Республики Беларусь), то здесь на протяжении 20-летнего периода наблюдался избыточный, а, порой, и хаотический подход к определению преступления на основе законодательного запрета в ущерб требованиям исключительной опасности преступного деяния¹⁹. Да, преступление – это социально правовой конструкт, создаваемый законодателем (*нет преступления, если это прямо не предусмотрено законом*) на основе общесоциальной оценки девиантного поведения человека как общественно опасного, прежде всего, для самого человека и большинства (сообщества) людей, и определяемый в уголовном законе. Преступление, действительно, порождение законодательной воли, *но далеко не искусственное*,

¹⁸ Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 21.

¹⁹ См.: Хомич, В. М. Социальный контроль преступности безгранично хаотичен и нуждается в криминологической нормализации / В. М. Хомич // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития: сб. науч. ст.: в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2018. – Ч. 2. – С. 40–43.

а **правовое**, основанное на публичной договоренности о запрете деяний человека, как общественно опасных, самоуничтожающих, прежде всего, его (человека) и ему подобных под вывеской «преступление». Но очевидно и то, что за долгие годы накопились определенные излишества использования уголовного права (закона) в борьбе с социально нежелательными девиациями, которые далеки по опасности массовости, статистической устойчивости и установочно-мотивационной криминогенности, свойственной преступлению. Это не случайные симптомы криминологической болезни уголовного закона и уголовной политики, а результат исторического злоупотребления насильственными возможностями уголовного права в поддержании общественной безопасности и правопорядка. Мы против того, чтобы рассматривать преступление как исключительно мыслительную конструкцию, имеющую исторически изменчивый характер, которая в основном определяется властно-контролирующими институтами общества посредством предания определенным девиациям преступного значения²⁰. При таком подходе не надо убеждать общество, что преступление – это деяние общественно опасное, поскольку важно и достаточно, что это деяние запрещено уголовным законом. И хотя советское и постсоветское уголовное законодательство последовательно определяет **преступление как деяние общественно опасное** и предусмотренное уголовным законом (ст. 11 УК), в правоприменительной практике не так просто доказать от обратного: что совершенное лицом деяние, *предусмотренное уголовным законом*, не является преступлением, поскольку оно фактически не общественно опасно.

На эту, как мне кажется, уже основательно законсервированную ситуацию уголовного закона и законодателя откровенно указал А. Э. Жалинский. По его мнению, подобное употребление уголовного закона «может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»²¹.

Аналогическую озабоченность высказывает В. И. Плохова, проанализировавшая позиции Конституционного Суда РФ о месте уголовного права в системе права. «Особую значимость, пишет автор, требования определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм-запретов и их согласованности в системе общего правового регулирования приобретают применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей социальной природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях

²⁰ См.: Hess, H. Was ist Kriminalität? / H. Hess, S. Scheerer // Kriminologische Journal. – 1997. – Heft 2. – S. 13–19.

²¹ См.: Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 15, 18, 68.

охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности»²².

По мнению авторитетного советского и российского криминолога А. В. Наумова, «основная беда применения уголовного права в уголовном правосудии заключается вовсе не в недостатках уголовного законодательства, а в нашей сложившейся уже в постсоветское время судебной системе. И именно ее реформирование, а также уголовно-процессуального законодательства (в части преодоления при этом присущего ему обвинительного уклона) во сто раз важнее изменения законодательства уголовного»²³.

Конечно, глобальный гуманитарный кризис социальных и экономических систем взаимодействия и национального выживания народов и государств, современное развитие информационных технологий в постиндустриальных обществах, свидетелями чего мы сейчас являемся, изменили формы криминальной коммуникации как внутри, так на межгосударственном уровне. Тем не менее, системное совершенствование уголовного закона возможно и необходимо на «основе познания социально-полезных и *социально-инструментальных качеств* уголовного права, реально способных и ориентированных на разрешение определенных социальных проблем, имея в виду, что право всегда исходит из необходимости внешне волимого (социально волимого) целеполагания в регуляции субъектов социальной деятельности»²⁴.

Одним из звучных последних предложений является введение в уголовный закон категории **уголовного проступка** в качестве *пятой классификационной группы преступлений*. Не знаю, зачем и для чего это нужно. Внятных объяснений и обоснований этому со стороны инициаторов нет **и не может быть**. Не может быть потому, что при нашей систематике дуализма законодательства (УК и КоАП) о публичных правонарушениях и ответственности за них – это социально противоестественно. Введение в УК такого классификационного вида преступлений с целью большего смягчения наказуемости уголовных правонарушителей (например, не считать применяемые к ним наказания уголовными наказаниями, а самих таких правонарушителей – осужденными... – это из российского проекта, судьба которого известна) разрушительна для сформированной с советских времен двухуровневой дифференциации публичных правонарушений на *преступления* и *административные правонарушения*. Несмотря на то, что эти системы правонарушающих деяний относятся к пенальной сфере, оснований для их объединения сегодня пока нет и,

²² Плохова, В. И. Конституционный Суд РФ о месте уголовного права в системе права / В. И. Плохова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 23–24 янв. 2020 г. / МГЮА. – М. : РГ-Пресс, 2020. – С. 5–6.

²³ Наумов, А. В. О «ключевых» аспектах реформы УК РФ / А. В. Наумов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 23–24 янв. 2020 г. / МГЮА. – М. : РГ-Пресс, 2020. – С. 41–42.

²⁴ Хомич, В. М. Цифровые технологии не должны ограничивать право и пределы его социально-ценностной функциональности / В. М. Хомич // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 23–24 янв. 2020 г. / МГЮА. – М. : РГ-Пресс, 2020. – С. 789–793.

по всей видимости, объединение не рассматривается и не предвидится. Поэтому путь смягчения наказуемости следующий – **декриминализация** уголовных правонарушений (разумеется, криминологически обоснованная) путем их перевода в категорию административных правонарушений или ненаказуемых вообще в публично-правовом порядке. В равной степени декриминализация должна коснуться системы и видов административных правонарушений. Это должен быть единый криминологически обоснованный и синхронизированный процесс. Но пока этого не видно, отсюда постоянные нестыковочные правовые и системно-правовые проблемы в осуществлении пенальной политики и практики.

Надо полагать, что введение в УК пятой классификационной группы преступлений в виде уголовного проступка предполагается осуществить за счет *группы преступлений, не представляющих большой общественной опасности*, то есть за счет той группы преступлений, которая в системе классификации преступлений в УК европейских государств традиционно обозначается как **уголовные проступки**. При этом в отличие от нас используется менее дробная группировка преступлений по степени опасности (тяжести) – не более чем трехчленная (*уголовный проступок, уголовное правонарушение и преступление*), и к тому же нейтральная, не вызывающая чувства необоснованной кары-возмездия в контенте общего понятия преступления и отношения к нему. Это очень важно для обеспечения толерантности правосудия, правовой и фактической индивидуализации ответственности.

У нас четырехзначная классификация преступлений (обращаю внимание на выделение в ней группы **тяжких и особо тяжких** преступлений). Это и хорошо, и плохо (диалектика!). Плохо, потому что, закрепляя такую дробную классификацию преступлений на *общем* законодательном уровне с выделением указанных двух групп тяжких преступлений (в УК 1960 г. давался лишь перечень таких преступлений и без указания пределов их наказуемости, то есть не изменялся максимальный порог наказуемости лишением свободы, установленный в УК), мы не смогли обеспечить разумную предельность наказуемости на уровне классификации преступлений (ст. 12 УК). Отсюда, отчасти, был задан завышенный уровень наказуемости по всем видам преступлений, а вследствие этого – необходимость обеспечения и дифференциации этого завышенного уровня при назначении наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров, при применении института освобождения от уголовной ответственности и наказания, погашении и снятии судимости, более того, блокирована установка уголовного закона на приоритетное применение альтернативных наказанию (прежде всего лишению свободы) мер уголовной ответственности и т. д.²⁵ Поэтому вторгаться в систему классификации преступлений путем снижения максимальных

²⁵ См.: Хомич, В. М. Неоправдавшиеся надежды уголовной политики в постреформенный период / В. М. Хомич // Экономика и преступность : сб. материалов междунар. научн.-практ. конф., 28–29 мая 2012 г. / БИЭПП-БИИЯМС. – СПб., 2012. – С. 147–154.

пределов наказуемости нежелательно, поскольку это повлечет недопустимую и не нужную в нынешней ситуации нагрузку на систему уголовной юстиции и, самое главное, криминологически неэффективную по ожидаемому социальному результату. Решать проблему придется постепенно путем корректировки судебной практики – «очеловечивания» процесса индивидуализации наказания и уголовной ответственности в каждом отдельном (индивидуальном) случае.

Одним из базовых положений при конструировании объективных и субъективных признаков преступлений является обеспечение *их правовой и, как следствие, квалификационной определенности*. Это может быть обеспечено, если законодатель будет *избегать* конструкций составных преступлений (необходимо ориентироваться на правовые ситуации и конструкции множественности преступлений), *исключать* конструирование преступных деяний в качестве самостоятельных преступлений на основе признаков неоконченного преступления (приготовление и покушение), соучастия (склонение, вовлечение и т. д.), последовательно *систематизировать* перечень квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков путем их объективной привязки к поражаемому преступным деянием объекту посягательства.

В этой связи пора прекратить из года в год повторяющиеся предложения по исключению таких объективных и субъективных признаков преступного деяния как *«тяжкие последствия»*, *«существенный вред»*, *«иная личная заинтересованность»*, *«вред национальной безопасности»* в виду их оценочного характера. Да, они оценочные, но сертифицируемые и определяемые предметно и содержательно, если при их оценке исходить из криминальной сущности общественно опасного деяния, его криминальной поражаемости (вредоносности), положенной в основу защиты и уголовной противоправности соответствующего деяния, зафиксированной в уголовном законе.

Конечно, необходимо комплексно работать в направлении либерализации ответственности за экономические преступления путем чрезмерных уголовно-правовых ограничений экономической свободы²⁶. В качестве предстоящего реформирования обратим внимание на ст. 243 УК – «уклонение от уплаты сумм налогов, сборов» и поставим простой вопрос, что имеет значение для факта совершения данного преступления – **факт** уклонения-неуплаты или **способ** уклонения-неуплаты. Ответ очевиден, тогда зачем в ст. 243 УК определять способы уклонения и таким образом неосновательно ограничивать пределы уголовной противоправности факта-уклонения от уплаты налогов. Или еще один вопрос из области криминализации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Речь идет об уголовной ответственности за так называемую незаконную предпринимательскую

²⁶ Хомич, В. М. Уголовно-правовое ограничение свободы экономической деятельности – путь к системной самоорганизации преступности / В. М. Хомич // Социальный контроль над преступностью: что делать? (Social Control over Crime: What Has to Be Done?) : материалы XXXII Междунар. Балтийской криминол. конф., Санкт-Петербург, 21–22 июня 2019 г. / под ред. Я. И. Гилинского. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 214–219.

деятельность (ст. 233 УК), которая была существенно реконструирована Законом от 9 января 2019 г. № 171-З и теперь установлена за занятие предпринимательской деятельностью, если она осуществляется без специального разрешения (лицензии). Ранее **уголовная противоправность** (незаконность) предпринимательской деятельности определялась тремя факторами: отсутствием регистрации или лицензии, или императивным запретом на занятие определенным видом предпринимательской деятельности, а также получением дохода в крупном размере. Соответственно занятие при указанных обстоятельствах предпринимательской деятельностью с получением дохода не в крупном размере влекло административную ответственность. После декриминализации предпринимательской деятельности, осуществляемой без государственной регистрации и так называемой запрещенной, наказуемость этих видов предпринимательской деятельности сохранилась в полном объеме на уровне КоАП и от этого малому и среднему предпринимательству не стало легче. Кроме того, возникли проблемы с определением и отнесением определенных видов предпринимательской деятельности к лицензируемой в виду того, что лицензирование в нашей постсоветской системе применительно к предпринимательской деятельности не сертифицировано и применяется в том числе как средство *запрета для определенных субъектов* заниматься некоторыми видами деятельности и при этом по соображениям, не связанным с обеспечением общественной безопасности.

В соответствии с действующей редакцией ст. 233 УК уголовно-противоправной (преступной) признается только предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно и предполагаемый субъект соответствующей предпринимательской деятельности может (имеет право) истребовать такую лицензию у государственного органа. Наличие или отсутствие такого права должно определяться уровнем, а равно функциональным и содержательным контекстом ограничений, которые устанавливаются государством для субъектов на занятие соответствующими видами предпринимательской деятельности. В этом контексте и в рамках сложившейся системы правового регулирования предпринимательской деятельности следует и **предметно**, и (или) **субъектно** разграничивать (*при этом дифференцировано в отношении физических и юридических лиц*) и выделять две правонарушающие формы занятия предпринимательской деятельностью: **незаконное занятие субъектом предпринимательской деятельностью вследствие отсутствия лицензии, которую данный субъект мог истребовать и получить, но не сделал это** (*такая предпринимательская деятельность для соответствующих субъектов должна признаваться лицензируемой, а не запрещенной*), и **незаконное занятие субъектом предпринимательской деятельностью, на занятие которой он не может (не имеет права) получить разрешение (лицензию)**. Занятие таковой предпринимательской деятельностью следует рассматривать как занятие **запрещенной**,

а не лицензируемой предпринимательской деятельностью. Так, в действиях **физических лиц**, осуществляющих незаконные валютно-обменные операции, реализацию непивной спиртосодержащей продукции, табачных изделий, заготовку (закупку) в целях реализации лома и отходов черных и цветных металлов, при условии получения предусмотренного ч. 1 ст. 233 УК дохода, не усматривается оснований для привлечения их к уголовной ответственности, поскольку указанные предпринимательские действия для *физических лиц* являются **запрещенным видом предпринимательской деятельности**. Физические лица, включая индивидуальных предпринимателей, не имеют права испрашивать лицензию на занятие этими видами деятельности.

Вообще с правовой конструкцией криминализации незаконного предпринимательства надо серьезно разбираться как на уровне УК, так и КоАП. По мнению российских специалистов, наказание (как уголовное, так и административное) за осуществление коммерческой (предпринимательской) деятельности без регистрации (в том числе лицензионной) не является эффективным инструментом для вывода бизнеса из тени²⁷. Поэтому в большинстве государств (США, Соединенном Королевстве, Германии и др.) уголовная ответственность в таких случаях наступает за уклонение от уплаты налогов. Само по себе предпринимательство (продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг и т. п.) – деятельность общественно полезная, никакого ущерба никому не причиняет, если при этом уплачиваются налоги и соблюдаются правила (требования) **безопасности**, объективно необходимые для занятия определенными видами предпринимательскими деятельности. Поэтому предпринимательская деятельность как таковая *не обладает правовой определенностью* для введения уголовно-правового и даже административно-деликтного запрета²⁸. Публично-правовую ответственность (и прежде всего, уголовную) в контенте собственно предпринимательской деятельности следует ограничить ответственностью за *неуплату налогов и сборов и за занятие теми видами деятельности*, для осуществления которых требуется ее лицензирование в целях обеспечения общественной безопасности.

В завершение первого контента *уголовно-правовой системности закона* не могу не обратить внимание на необходимость реконструкции ответственности за дачу–получение взятки с ориентацией ответственности должностного лица **за факт его подкупа**, а не за получение вознаграждения как средства подкупа, а также установления уголовной ответственности за использование должностным лицом **своего служебного положения и связанных с ним возможностей** в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц.

Теперь, что касается **второго контента уголовно-правовой системности закона** (обеспечение функционально эффективной наказуемости преступников,

²⁷ См.: Клепицкий, И. А. Начало бизнеса: риск наказания / И. А. Клепицкий // Право. Журн. Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 132.

²⁸ Там же. – С. 137.

ориентированной преимущественно на предупреждение рецидива посредством применения к осужденным наряду с наказанием и иных мер уголовной ответственности социально восстановительного и реабилитационного характера). К счастью данный уголовно-правовой контент системности национального УК более всего был подвергнут инструментальным новациям в ходе последней его реформы. В нем на нормативном уровне, в отличие от УК других государств постсоветского пространства, предусмотрена система института уголовной ответственности в противовес институту наказания как правовому последствию совершения преступления. Наказание рассматривается как объективно необходимая карательная (но не единственная) мера уголовной ответственности. Предусматривается широкий спектр не только видов наказаний (очевидна даже их избыточность), призванных стать альтернативой лишению свободы в отношении лиц, совершивших нетяжкие преступления, но и собственно альтернативных реальному наказанию форм реализации уголовной ответственности (ст. 46 УК). На уровне законодательного норматива и на практике уголовная ответственность и система мер, ее выражающих и реализующих, стала **реально** и материалистически оцениваться и рассматриваться как обусловленная взаимными правами и обязанностями относительно *автономная мерная правовая реальность* функционального и содержательно-воздействующего свойства, простая и понятная для совершенствования и нормативного описания, для дифференцированного применения и индивидуализации, наконец, для использования общесоциальных инструментариев в целях эффективного противодействия преступности и социальной реабилитации уголовных правонарушителей. На уровне уголовного закона в рамках правового поля возложенной на правонарушителя уголовной ответственности создана возможность *внедрять* и применять широкий спектр мер профилактического и социально-реабилитационного воздействия на правонарушителей. Наконец, заложенная в УК правовая конструкция института уголовной ответственности позволяет, не нарушая базовых элементов системности уголовного закона, *предметно и функционально* расширять *криминологическую составляющую* уголовной ответственности за счет мер безопасности уголовного правового характера, к числу которых относятся специальная конфискация и принудительные меры безопасности и лечения, которые не являются мерами уголовной ответственности и наказанием. В этой связи нами предлагалось расширить предмет уголовно-правового регулирования указанием в ст. 1 УК на меры уголовно-правового воздействия, не являющиеся мерами уголовной ответственности. Не лишним было бы закрепление в ст. 3 УК положения: «Никто не может быть подвергнут уголовной ответственности, иным мерам уголовно-правового воздействия иначе как по судебному постановлению и в соответствии с законом».

Задача сегодня состоит в том, чтобы обеспечить посредством правосудия правовые начала законности в применении уголовного права, формировать на уровне судебных прецедентов ограничительные правовые механизмы против

злоупотребления репрессивными началами уголовного права в поддержании социального правопорядка.

НОРМАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В. М. ХОМИЧА

Афонченко Татьяна Петровна

*проректор по воспитательной работе учреждения образования
«Белорусский торгово-экономический университет потребительской
кооперации», кандидат юридических наук, доцент*

Кучвальская Ирина Викторовна

*доцент кафедры права и экономических теорий учреждения образования
«Белорусский торгово-экономический университет потребительской
кооперации», кандидат юридических наук*

Республика Беларусь вступила в новое тысячелетие на пике реформирования законодательства. На данном этапе был введен в действие новый Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) и связанные с ним кодифицированные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в уголовно-правовой сфере. По мнению экспертов, по многочисленным отзывам представителей научной среды и практических работников, одной из самых значимых новелл уголовного закона, вступившего в силу с 1 января 2001 г., стало появление в Общей части УК нового раздела «Уголовная ответственность». Основные новшества были сконцентрированы в первой главе указанного раздела, озаглавленной «Общие положения об уголовной ответственности». Их сущность заключалась в реализации идеи трансформации института уголовного наказания в более широкое понятие уголовной ответственности, включающей в себя помимо традиционного понимаемого наказания и иные формы реализации уголовной ответственности. Основная идея новой концепции была изложена в определении самого понятия уголовной ответственности. Структурное построение УК отражало произошедшие изменения и соответствовало логике инновационного подхода.

В первой статье раздела III УК давалось определение понятия уголовной ответственности. Как следовало из содержания соответствующей нормы, уголовная ответственность выражалась в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности (ч. 1 ст. 44 УК). В ранее действовавшей редакции завершала главу 8 раздела III норма, закрепляющая формы реализации уголовной ответственности (ст. 46 УК). В рассматриваемой главе закреплялся также принципиально новый подход к пониманию судимости, вытекающий из содержания предшествующей нормы. В отличие от распространенного толкования судимости как последствия наказания, состояние судимости определялось в качестве правового состояния

осуждения (судимости), заключающегося в возможности применения к осужденному наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с приговором суда. В этом контексте важным было определение момента, с которого состояние осуждения начинает свой отсчет: как следовало из текста нового УК – с момента вступления в законную силу приговора суда, а не отбытия основного наказания, как считалось ранее.

Важной составляющей новой концепции являлась предусмотренная законодателем возможность в течение срока осуждения (судимости) осуществлять в отношении осужденного профилактическое наблюдение и превентивный надзор.

Один из основных участников разработки проекта УК с 1989 по 1999 гг. А. В. Барков, описывая процесс формирования идеи, а затем и концептуальных основ кодифицированного документа, отметил роль В. М. Хомича как автора новых подходов, не имеющих аналогов в уголовном законодательстве других стран. В этом плане, по его мнению, наиболее показательна концепция уголовной ответственности и форм ее реализация, теоретически обоснованная В. М. Хомичем первоначально в своих многочисленных статьях, а затем и в монографиях [1, с. 28].

Отдавая дань уважения В. М. Хомичу как талантливому ученому-исследователю, автору множества фундаментальных учебно-методических разработок и научному руководителю, оказавшему влияние на формирование взглядов и становление многочисленных учеников и последователей, нельзя не отметить его личные качества: целеустремленность, безмерные работоспособность и трудолюбие, неутолимую жажду исследования и познания действительности.

Сопоставление сведений из биографии В. М. Хомича с историей развития выбранной им для последующей разработки фундаментальной темы уголовной ответственности складывается в причудливую сюжетную линию. Фаталисты могли бы усмотреть в некоторых жизненных обстоятельствах ученого доказательство предопределенности судьбы: время введения в научный оборот самого понятия уголовной ответственности совпадает с детством В. М. Хомича. Продвижение сюжета далее позволило бы обосновать в подобном русле мысль о том, что время становления в качестве ученого соотносится с разгаром дискуссии по теоретическим проблемам уголовной ответственности как основополагающего института науки уголовного права.

В отличие от сторонников фатализма, мы придерживаемся научного подхода и взглядов, основанных на свободе воли человека. В. М. Хомич, как истинный ученый, анализируя массив исследованных источников и сопоставляя многообразные взгляды на сущность и содержание уголовной ответственности, принял непростой вызов и разрешил на концептуальном уровне сложнейшую, но принципиально важную для определения будущего направления развития всей науки уголовного права проблему уголовной ответственности. Результаты масштабной и долговременной работы были в системном виде изложены В. М. Хомичем в диссертационном исследовании на соискание ученой степени

доктора юридических наук по теме: «Теоретические проблемы уголовной ответственности (концепция и правовая модель института уголовной ответственности)» (1997) [2].

Исходной посылкой, на которой базировалась обоснованная В. М. Хомичем теоретическая конструкция уголовной ответственности, выступает факт осуждения правонарушителя, степень которого определяется тяжестью совершенного правонарушения. Момент «включения» режима осуждения за совершенное преступление и реального возникновения уголовной ответственности для конкретного лица начинается с того времени, когда осужденный начинает нести бремя мер ее воздействия.

В дискурсе утверждения о том, что в доктрине уголовного права учение о преступлении и наказании представляет собой предмет перманентных дискуссий, нельзя не отметить смелость ученого, способного выйти за рамки формировавшегося столетиями традиционного подхода. В историческом аспекте, когда наказание традиционно рассматривалось в контексте его карательного воздействия, и до выхода в свет известной работы Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», взаимосвязь двух названных понятий казалась нерушимой [3]. Последовавшая под влиянием просветителей XVIII века (Вольтера, Д. Дидро, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо) трансформация целей наказания с акцентом на предупреждение преступности и гуманизацию применяемых мер воздействия не смогла видоизменить устоявшуюся веками схему, согласно которой за преступлением неизбежно должно последовать наказание. В подобном ретроспективном контексте тем более значимым представляется вклад ученого, сформировавшего инновационное и перспективное направление, значимое для дальнейшего развития всей науки уголовного права, продуцирующее креативные решения в сфере совершенствования мер воздействия на правонарушителя, соответствующее вызовам времени.

Сегодня, как отмечает В. М. Хомич, имманентно повышается роль институтов публичной власти государства в обеспечении национальной безопасности, а, следовательно, и в правовой ее защите [4, с. 259–260], то есть защите правовыми инструментами. Сказанное логично подводит нас к мысли о необходимости смещения акцентов с избыточного уголовно-правового воздействия в сторону реабилитационного, индивидуально ответственного социализирующего воздействия. Прикладным результатом современных юридических и научно-социологических изысканий должна выступать детальная легальная регламентация не только контрольно-надзорных мер социального уголовно-правового воздействия, но и восстановительного сегмента контроля с учетом инновационных идей коммуникативной теории права Ю. Хабермаса, когда право воспринимается не с позиции одностороннего государственного волеизъявления, принуждения, включающего санкцию, а как отношения между людьми, установленные в согласии с их представлениями о должном [5, с. 7]. Право определяет пределы свободы индивида, формализованного равенства и требований социальной справедливости.

Если право есть справедливость, как полагает В. Г. Графский, то в случае обнаружения в практическом его воплощении дефицита гарантированной ответственности оно лишается свойства и права, и справедливости [6, с. 24]. По мнению В. М. Хомича, одной из главных проблем комплекса законодательства в области противодействия преступности являются наметившиеся и постоянно обостряемые проблемы, вызванные, помимо прочего, инфляцией (избыточностью) уголовно-правовой защиты посредством уголовно-правового запрета [7, с. 136]. В подобном случае наказание само по себе признается средством профилактирования противоправного поведения, не нуждаясь в каких-либо дополнительных мерах воздействия на осужденного, что, на наш взгляд, является принципиально ошибочной позицией. Содержательная сущность уголовного наказания более неспособна эффективного противостоять регрессу личности именно в силу его некоторой «привычности» и «обыденности», типового его исполнения. По мнению С. Ю. Бытко, существующая сегодня система санкций в целом сформирована в большей степени в соответствии с субъективными конъюнктурными оценками общественной опасности деяния на этапе его криминализации, что не может соответствовать требованиям индивидуализации при назначении наказания конкретному лицу. Следовательно, не может, на наш взгляд, гарантировать адекватных результатов уголовно-правового воздействия, в том числе на основе реализации уголовной ответственности.

С точки зрения гуманистических позиций представляется, что реализация любой меры уголовной ответственности, предусмотренной УК, должна сопровождаться дополнительным уровнем социального контроля, системно конструируемого в расчете на данного осужденного с учетом его персональных характеристик и нацеленного, в первую очередь, на стимулирование готовности к добровольной социальной адаптации. Данная уголовно-правовая социальная конструкция, созданная в русле целей ресоциализации и отвечающая темпам динамично развивающихся общественных формаций, способна более гибко реагировать на отклонения в поведении лица, стимулируя добровольное и осознанное правоподчинение.

Список цитированных источников

1. Барков, А. В. Десять лет Уголовному кодексу Республики Беларусь: история разработки и принятия / А. В. Барков // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск : БГУФК, 2010. – С. 26–41.
2. Хомич, В. М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (концепция и правовая модель института уголовной ответственности) : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. М. Хомич ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1997. – 36 с.
3. Беккариа, Ч. Рассуждение о преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа ; пер. с франц. Д. Языкова. – СПб. : При Губернском Правлении, 1803. – 307 с.
4. Хомич, В. М. Законодательство о противодействии преступности на пути консолидации правовых начал уголовной политики / В. М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.:

В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 255–262.

5. Поляков, А. В. Юрген Хабермас и Бьярн Мелкевик: коммуникативный вызов российской юридической науке / А. В. Поляков // Юрген Хабермас и коммуникативная теория права / Б. Мелкевик ; пер. с франц. Е. Г. Самохиной ; науч. ред. А. В. Поляков. – СПб. : ООО Изд. дом «Алеф-Пресс», 2018. – 95 с.

6. Графский, В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции / В. Г. Графский // Журн. рос. права. – 2017. – № 7. – С. 19–24.

7. Хомич, В. М. Отсутствие равновесной модели взаимодействия уголовного закона и экономики – путь к системной самоорганизации преступности / В. М. Хомич // Тенденции развития юридической науки и практики совершенствования правовых институтов в условиях формирования инновационного общества : сб. науч. ст. : в 2-х ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2019. – Ч. 1. – С. 130–135.

ВЛИЯНИЕ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НОРМЫ О МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ

Ананенко Антон Анатольевич
помощник прокурора г. Витебска

Обязательным условием малозначительности является отсутствие в совершенном деянии общественной опасности, свойственной преступлению. При формулировании в ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) такого условия малозначительности деяния, как отсутствие общественной опасности, присущей преступлению, законодатель ограничился лишь указанием на то, что его установление следует производить с учетом того, не причинило ли и по своему содержанию и направленности не могло ли причинить содеянное существенный вред охраняемым уголовным законом интересам.

Большинство исследователей полагают, что при определении общественной опасности требуется учитывать как объективные, так и субъективные признаки, характеризующие совершенное деяние [1, с. 6; 2, с. 96; 3, с. 39; 4, с. 76–77; 5, с. 53].

Стоит заметить, что на правильность данного утверждения не раз обращали внимание правоприменительные органы. Так, в письме Председателя Следственного комитета Республики Беларусь и Министра внутренних дел Республики Беларусь от 21 января 2016 г. «О практике рассмотрения заявлений (сообщений) о правонарушениях, связанных с уничтожением (повреждением) имущества», согласованном с Генеральным прокурором Республики Беларусь, указывается, что при решении вопроса о применении нормы о малозначительности следует учитывать не только размер причиненного ущерба, но и иные обстоятельства [6]. В обзоре судебной практики, произведенном Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, говорится

о малозначительности деяния по объективным признакам, что позволяет судить о возможности влияния на применение ч. 4 ст. 11 УК и иных признаков [7].

Решение о том, какие признаки в рамках объективной и субъективной сторон учитывать, принимается правоприменителем, что приводит к нечастому использованию нормы о малозначительности. Так, в письме Председателя Следственного комитета Республики Беларусь и Министра внутренних дел Республики Беларусь от 21 января 2016 г. «О практике рассмотрения заявлений (сообщений) о правонарушениях, связанных с уничтожением (повреждением) имущества», согласованном с Генеральным прокурором Республики Беларусь, говорится о редком использовании ч. 4 ст. 11 УК, а также указывается на необходимость ее более частого применения [6].

Интерес вызывает вопрос о том, какие признаки объективной стороны деяния следует принимать во внимание при определении отсутствия общественной опасности, так как их установление, ввиду их внешнего проявления, вызывает меньше трудностей в отличие, например, от признаков субъективной стороны. В теории уголовного права большинство ученых предлагают при установлении анализируемого условия руководствоваться всеми признаками объективной стороны, не раскрывая роли и влияния каждого из них.

Обращение к правоприменительной практике показывает, что при принятии решения о малозначительности обоснование отсутствия общественной опасности, присущей преступлению, чаще всего происходит с помощью признаков объективной стороны. Самым распространенным признаком, учитываемым при применении ч. 4 ст. 11 УК, являются последствия. Ввиду малозначительности 17 июля 2006 г. было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении Н., который, зайдя к своей знакомой Т. с целью попросить у последней одолжить денег, похитил у неё 3 кг сала [8].

Возможность принятия подобных процессуальных решений по данной категории дел была ограничена принятием Закона Республики Беларусь от 17 июля 2006 г. № 147-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь и кодексы Республики Беларусь об административных правонарушениях». Вместе с тем, следовало бы пересмотреть подход относительно размера ущерба, изменив содержание ч. 4 примечаний к главе 24 УК. В частности, представляется необходимым разрешать вопрос об уголовной ответственности за отдельные виды хищений (ст. 205, 209, 210, 211, 212 УК) с учетом мнения физического лица, которому принадлежит похищенное имущество. При этом необходимо оставить нижний предел, при котором наступает уголовная ответственность, чтобы лица, у которых было похищено имущество, не просили привлечения к ответственности за хищение в мизерном размере.

Необходимо понимать, что при установлении общественной опасности учету подлежат не только объективные и субъективные признаки, наличие которых обуславливает формальное наличие в совершенном деянии признаков, предусмотренных конкретной уголовно-правовой нормой, но и те, которым законодателем не придан конститутивный характер. Об этом, в частности,

свидетельствует правоприменительная практика. С целью попросить у своего знакомого В. бутылку подсолнечного масла, С. пришел к его дому, в котором в тот момент времени В. не оказалось. Тогда С. разбил стекло оконной рамы, проник в дом В. и взял из холодильника бутылку подсолнечного масла. После этого С. направился к себе домой. В действиях, совершенных С., как указывается в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, формально содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205 УК, однако в силу малозначительности причиненного ущерба они не обладают общественной опасностью, присущей преступлению [9]. В приведенном случае на определение общественной опасности содеянного влияние оказал такой признак, как последствия, который конститутивным не является.

Было отказано в возбуждении уголовного дела по ч. 2 ст. 212 УК в связи с малозначительностью в отношении Г., которая, работая продавцом в магазине, передала своему знакомому В. забытую покупателем на кассе банковскую платежную карту. При этом Г. передавала карту под видом своей. По карте была проведена лишь одна операция на сумму 19 копеек, после чего она была передана Г., которая в последующем возвратила ее держателю [10].

Об отсутствии общественной опасности, присущей преступлению, может свидетельствовать характер совершенного деяния. Так, например, если лицо без законных оснований, ограничило свободу другого лица путем запираания его в помещении, но это было непродолжительно, то можно вести речь о малозначительности содеянного [11, с. 178]. Также характер деяния, как указывает И. С. Тишкевич, может учитываться при определении того, обладают ли общественной опасностью, присущей преступлению, деяния, которые формально подпадают под покушение или приготовление к преступлению [12, с. 80].

Причинная связь между деянием и последствиями, время, место, обстановка, способ, орудие, средства не могут самостоятельно предreshать вопрос об отсутствии в содеянном общественной опасности, присущей преступлению, характеризуя деяние, дают дополнительное представление об объекте, характере деяния, последствиях, субъективной стороне.

Так, например, доводами для отмены приговора и прекращения производства по делу в отношении М., незаконно приобретшего и хранившего четыре патрона, которые он нашел на обочине железнодорожного пути, а затем подобрал их с целью последующего использования для изготовления зажигалок, стало то, что совершенное им деяние формально обладает признаками состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК Российской Федерации, однако степень их выраженности незначительна, что, учитывая отсутствие у М. умысла, который не был направлен на причинение значительного вреда или угрозы причинения такого вреда, свидетельствует о том, что содеянное не представляет достаточной общественной опасности. В данной ситуации помимо способа получения патронов, учитывались также последствия и цель [13].

Определением судебной коллегией по уголовным делам отменен приговор в отношении Д., совершившего открытое хищение из магазина коробки

мармелада, производство по делу с учетом предмета, последствий и способа совершения было прекращено за малозначительностью содеянного. В приведенном примере помимо способа на решение вопроса о малозначительности повлияли предмет и последствия [14].

С учетом изложенного следует сделать вывод, что в зависимости от влияния объективных признаков деяния на общественную опасность при определении малозначительности содеянного их можно условно подразделить на две группы: признаки, которые могут самостоятельным образом предрешать вопрос об общественной опасности, присущей преступлению (характер деяния, последствия), и признаки, которые не могут оказывать самостоятельного влияния на установление общественной опасности, присущей преступлению.

Список цитированных источников

1. Багиров, Ч. М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ч. М. Багиров ; Тюмен. юрид. ин-т МВД России. – Тюмень, 2005. – 18 с.
2. Дорохов, Н. А. Правовое явление «малозначительные деяния» / Н. А. Дорохов, А. Н. Безрук // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. – 2012. – № 1. – С. 95–99.
3. Ковальчук, А. В. Малозначительность деяния как средство определения границ преступного: правовая природа, проблемы правоприменения и законодательного закрепления : монография / А. В. Ковальчук. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 118 с.
4. Пархоменко, Д. А. Усмотрение при оценке малозначительности деяния / Д. А. Пархоменко // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2012. – № 9. – С. 74–78.
5. Петров, А. В. Признаки преступления как элемент основания для возбуждения уголовного дела / А. В. Петров // Законность. – 2012. – № 8. – С. 51–55.
6. О практике рассмотрения заявлений (сообщений) о правонарушениях, связанных с уничтожением (повреждением) имущества [Электронный ресурс] : письмо Председателя Следственного комитета Респ. Беларусь и М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 21 янв. 2016 г., № 12/1253/10/1905, согласованное 2 февр. 2016 г. с Генер. прокурором Респ. Беларусь // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
7. О постановлении оправдательных приговоров, прекращения судами кассационной и надзорной инстанций производства по уголовным делам по реабилитирующим основаниям [Электронный ресурс] : обзор Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, 18 февр. 2013 г. // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Архив ОВД Сенненского райисполкома. – Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 17 июля 2006 г.
9. Архив ОВД Сенненского райисполкома. – Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 4 марта 2007 г.
10. Архив Витеб. ГОСК Респ. Беларусь. – Материал об отказе в возбуждении уголовного дела № 2853 за 2020 г.
11. Барков, А. В. Преступления против личной свободы / А. В. Барков // Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / П. А. Андрушко [и др.] ; отв. ред. А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2014. – С. 160–192.
12. Тишкевич, И. С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву (понятие и наказуемость) / И. С. Тишкевич // Избранные труды. – Минск : Редакция журн. «Промышленно-торговое право», 2014. – С. 23–240.
13. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия от 30 марта 2011 г. по делу № 22-461/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-verxovnyj-sud-respubliki-mordoviya-respublika-mordoviya-s/act-105482285/>. – Дата доступа: 23.10.2020.

14. Справка о результатах обобщения Иркутским областным судом судебной практики применения положений части 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (малозначительность деяния) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=431. – Дата доступа: 23.10.2020.

МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

Бабий Николай Алексеевич

*ведущий научный сотрудник Института правовых исследований
Национального центра законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент*

1. Изучение массива литературы по теории ответственности свидетельствует о множественности ее определений, число которых стремится к количеству их авторов. Между тем, вооруженные единым методологическим арсеналом, применяемым к одному и тому же социальному явлению, ученые должны получать единый результат, чего, к сожалению, не наблюдается.

Одним из проблемных мест формулирования понятия социальной и юридической ответственности является отсутствие единой методологии формулирования понятий вообще. Общепринятым полагается определение понятия как совокупности существенных признаков, характеризующих конкретное явление и позволяющих отграничить его от других сходных явлений. Но что есть существенные признаки, остается не проясненным.

2. Насущной научной проблемой является необходимость создания своего рода матрицы формирования понятий, которая бы предусматривала признаки, необходимые и достаточные для характеристики объекта отражения, а также содержательное наполнение каждого из указанных признаков.

3. При формулировании признаков всякого понятия необходимо пользоваться философскими категориями «сущность» и «явление», а также «форма» и «содержание» для формирования понятия об объекте или явлении действительности, составляющем предмет исследования.

Методологической основой анализа ответственности, в том числе юридической, является учение о самоорганизованных и саморазвивающихся системах в их интерпретации теорией функциональных систем П. К. Анохина и системно-диалектическим подходом Э. Г. Винограя.

4. Изначально следует определить место исследуемого объекта в его естественной среде обитания, в объективной реальности и всеобщей взаимосвязанности объектов и явлений. Для этого необходимо отталкиваться от общеизвестных и единообразно определяемых системных образований, составной частью которых является исследуемый объект, на что прямо указывает теория функциональных систем.

Особое внимание следует обратить на то, что системные объекты рассматриваются не как отдельные и независимые образования, а как составные

части иных более общих систем, и что именно эти общие системы задают или определяют функции составляющих их элементов. По этой причине в понятии должны подвергаться конкретизации не только место, но и функции исследуемых системных образований в общих для них системах.

5. С позиции места своего существования ответственность может быть определена как функциональная составляющая механизма регулирования поведения элементов социальной системы. Нормы об ответственности независимо от форм их выражения всегда включены в общую систему регулирования социального поведения. Поведение членов общества определяется регулятивными предписаниями, указывающими, что можно или нужно делать, и предписаниями запретительными, указывающими, чего делать нельзя, а нарушение запретов влечет за собой ответственность, что, собственно, и определяет место ответственности в системе социального регулирования поведения.

6. Общество людей как системное образование может эффективно функционировать тогда и только тогда, когда слаженно функционируют все составляющие его элементы (человек, общество, государство). Именно система задает порядок функционирования своим элементам и для выживания в суровых условиях окружающей среды система обязана обеспечить и обеспечивает функционирование своих элементов в соответствии с установленным ею порядком. Как средство самозащиты общества ответственность отражает функцию соответствующих элементов социальной системы по принуждению нарушителей установленного в обществе порядка общественных отношений к его соблюдению. Защита существующего уклада общественных отношений составляет сущность ответственности.

7. Как явление действительности ответственность представляет собой процесс принудительного воздействия мерами исправительно-профилактического характера на субъектов, причинивших вред личным или общественным интересам путем нарушения установленных в обществе запретов.

8. Содержанием ответственности являются принудительные меры исправительного и профилактического воздействия, выражающиеся в ограничении и лишении личных и имущественных прав и свобод нарушителей порядка поведения.

9. В ракурсе формы ответственность должна рассматриваться как внешне определенная социальная подсистема или социальное структурно-функциональное системное образование, являющееся частью механизма регулирования поведения в социуме. В процессе развития человеческого общества произошла правовая и организационно-структурная институционализация государственной функции принуждения к соблюдению правил поведения в обществе, т. е. произошла институционализация этой функции в единую государственно-правовую систему, именуемую ныне правоохранительной системой, выполняющей роль иммунной системы социального организма.

10. Как и всякое социальное системное образование система ответственности, в том числе юридической, имеет свою структуру, состоящую из определенных элементов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой в рамках урегулированных общественных отношений.

Форма реализации юридической ответственности строго определена нормативными правовыми актами. В силу этого представляется обоснованным анализ юридической ответственности проводить сквозь призму её формально-правового существования – возникновения, реализации и завершения правоотношения ответственности в соответствии с нормами материального и процессуального права.

11. Правоотношения по поводу ответственности за учинение правонарушения имеют весьма сложный характер, что объясняется объективной и неразрывной взаимосвязью правонарушения и ответственности. В своем развитии отношения юридической ответственности проходят последовательно сменяемые этапы, содержание которых изменяется в соответствии с решаемыми задачами и результатами их решения.

Основанием возникновения правоотношений ответственности является наличие юридического факта – правонарушения.

Под правонарушением понимается совершенное виновно деяние (действие или бездействие), причиняющее вред интересам человека, общества или государства и запрещенное актами законодательства под угрозой применения принудительных мер исправительно-профилактического воздействия, т. е. мер юридической ответственности.

Содержание правоотношений ответственности на начальном этапе развития определяется обязанностью правонарушителя держать ответ перед уполномоченным органом или лицом за причинение соответствующего вреда, а указанные орган или лицо обязаны установить наличие в содеянном всех предусмотренных законодательством признаков правонарушения и определить справедливую меру ответственности за его учинение.

12. Объектом правоотношения ответственности является деятельность уполномоченных органов или лиц по применению к правонарушителям установленных законодательством мер исправительно-профилактического воздействия.

13. Сторонами отношения юридической ответственности являются:

– правонарушитель – лицо, обладающее установленными правом признаками и совершившее предусмотренное действующим законодательством правонарушение (преступление, административный или дисциплинарный проступок и пр.);

– государственные или иные органы или лица, уполномоченные применять меры ответственности за правонарушение.

14. *Юридическая ответственность* – деятельная функция механизма правового регулирования поведения элементов социальной системы по охране установленного правом порядка общественных отношений путем принуждения к его соблюдению, выражающаяся в применении к правонарушителям

установленного порядка исправительно-профилактических мер воздействия за учинение правонарушения.

Непривычность рассмотрения ответственности сквозь призму теории функциональных систем и системно-диалектического подхода, тем не менее, не должна стать аргументом в отрицании того очевидного факта, что принуждение к соблюдению правового порядка путем применения исправительных или наказательных по своему содержанию мер является составной частью государственного механизма правового регулирования поведения субъектов общественных отношений. Не менее очевидным является и тот факт, что сей механизм имеет свою структуру из соответствующих органов со своими полномочиями, и что правонарушитель включен в функционирование этой системы от момента привлечения к ответственности через применение исправительных мер вплоть до истечения правовых последствий их применения. Ни государственные органы не реализуют ответственность без правонарушителя, ни правонарушитель не несет ответственность без функционирования специальных государственных органов. Только в системе все названные структурные элементы и их функции могут в полной мере характеризовать юридическую ответственность как единое социально-правовое явление или как составную часть живого социального организма. В противном случае есть риск продолжать определение ответственности по тем или иным частностям, наподобие обязанности понести наказание, претерпевания лишения, применения ограничений, осуждения и т.п. и много далее.

15. Категория «ответственность» является родовым понятием, в обобщённой форме отражающим основные черты, присущие различным ее проявлениям, именуемым видами ответственности. При этом для обозначения родового понятия должен использоваться термин «ответственность», а не «социальная ответственность».

В понятии «социальная ответственность» слово «социальная» в смысле принадлежности социуму лишено смысла, поскольку все происходящее в обществе является социальным и вне социума нет никакой ответственности. Возможным является использование слова «социальная» применительно к самостоятельному виду ответственности, если социальная ответственность употребляется, например, в значении ответственности за решение каких-либо социальных проблем (помощь бизнеса медицине, образованию, спорту и т. п.). Однако в этом случае социальная ответственность должна рассматриваться как один из видов ответственности с указанием критерия систематизации при построении видовой классификации.

Юридическая ответственность является видом ответственности. Однако данный вид оказался настолько емким, что неизбежно вслед за делением права на отрасли юридическая ответственность в свою очередь стала родовым понятием для множества видов юридической ответственности – конституционной, гражданско-правовой, и т. п.

В указанном ряду видов юридической ответственности пребывает и уголовная ответственность. Однако по отношению к иным видам юридической

ответственности уголовная ответственность, как и ответственность административная, имеет свою специфику. Суть этой специфики состоит в том, что в иных отраслях права ответственность является составной частью логической нормы права и отражается в санкции этой нормы, а уголовное и административное право представляют собой моноотрасли ответственности, можно даже назвать их охранительными отраслями, что отражает их специфику. К их ведению относятся исключительно вопросы ответственности за причинение публичным или частным интересам вреда: общественно опасного – для уголовного права и общественно вредного – для права административного.

**ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНО-ВОЗРАСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМЫХ НА ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ
ВИДОВ НАКАЗАНИЙ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СООТНОШЕНИЯ
ОТСРОЧКИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ
СВОБОДЫ)**

Бахур Олег Иванович

*начальник кафедры уголовного права и криминологии учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент*

Согласно ст. 62 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) суд при назначении наказания учитывает обстоятельства совершения преступления, перечень которых приведен в данной и других нормах УК, в том числе и «личность виновного». Традиционно из личностных характеристик при назначении наказаний учитываются, прежде всего, гендерно-возрастные признаки правонарушителя. К ним относятся: возраст (несовершеннолетний, взрослый, престарелый), пол (женский, мужской), а также другие социально-демографические и правовые признаки (семейное положение, наличие малолетних детей, наличие престарелых родителей). Кроме этого, в ч. 2 ст. 62 УК указано, что лишение свободы может назначаться только в случаях, если иные наказания не позволяют иным путем достичь цели наказания. Вместе с тем, как свидетельствует правоприменительная практика, существенным недостатком современной уголовно-правовой политики является крайне низкий уровень применения иных мер уголовной ответственности. Так, в 2018 г. уровень применения отсрочки исполнения наказания составил 4,6 % (тогда как до 2015 г. этот уровень был стабильно выше 6 %, а в среднем за пять лет с 1996 г. по 2000 г. составлял 11,84 %), а другие виды такой ответственности еще реже. Так, уровень применения условного не применения назначенного наказания составил 3,1 %, а осуждения без назначения наказания – 0,2 %. Такая же тенденция сохранялась в 2019 г. и в начале 2020 г.

Основными факторами, влияющими на снижение практической востребованности отсрочки исполнения наказания, а также и иных мер уголовной ответственности, явились: 1) ужесточение условий их применения; 2) наличие в УК такого вида наказания, как ограничение свободы. Ограничение свободы, как вид наказания, не только представляет реальную альтернативу лишению свободы, но и в случае его назначения без направления в исправительное учреждение открытого типа серьезнейшим образом конкурирует с отсрочкой исполнения назначенного наказания.

В связи с этим обстоятельством важно провести сравнительный анализ ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа и отсрочки исполнения назначенного наказания. Так, уровень применения ограничения свободы в 3 раза выше, чем уровень применения отсрочки исполнения наказания.

Условия назначения ограничения свободы закреплены в ч. 3, 4 ст. 55 УК, они по своему сущностному содержанию в полной мере соответствуют условиям применения отсрочки исполнения наказания, закрепленным в ч. 1 ст. 77 УК. Кроме того, применяя отсрочку, суд также должен учитывать особенности личности осужденного и возможность его исправления без реального отбывания им назначенного наказания, поскольку убежденность суда в этом может иметь место только, если личность виновного не обладает высоким уровнем общественной опасности. Отсрочка исполнения наказания, так же, как и ограничение свободы, не может быть назначена иностранному гражданину и не проживающему постоянно в Республике Беларусь лицу без гражданства. В отличие от ограничения свободы, отсрочка может быть назначена военнослужащему срочной военной службы, что делает отсрочку более универсальной мерой уголовно-правового воздействия.

В соответствии с ч. 2 ст. 77 УК отсрочка исполнения наказания может также применяться и в случае осуждения лица за совершение тяжкого преступления. Вместе с тем, это не позволяет на практике существенным образом расширить применение отсрочки в указанном случае, поскольку предусматривается весьма узкий круг лиц и условий ее применения. Она применяется: к несовершеннолетним; лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста; инвалидам I или II группы; лицам, впервые осуждаемым за совершение тяжкого преступления, не сопряженного с посягательством на жизнь или здоровье человека, при условии полного возмещения причиненного преступлением ущерба (вреда), возврате неосновательного обогащения, уплате дохода, полученного преступным путем.

Ограничение же свободы может быть назначено и при совершении тяжкого преступления, согласно санкции соответствующей статьи, без каких-либо дополнительных условий.

Проведенный анализ содержания правового режима отбывания ограничения свободы и режима ограничений, устанавливаемых при отсрочке исполнения наказания показал, что по своему содержанию они обладают весьма существенным сходством.

Вместе с тем, при отсрочке исполнения наказания законодательством предусматривается более широкий перечень обязанностей, например – выполнение общественно полезных работ и устранение причиненного вреда. Кроме того, отдельные из обязанностей, устанавливаемых при отсрочке исполнения наказания, являются более строгими. Так, при ограничении свободы осужденный обязан лишь уведомить уголовно-исполнительную инспекцию (далее – УИИ) о планируемом изменении места жительства, в то время как при отсрочке осужденного могут обязать не менять места жительства без согласия УИИ.

Наиболее же существенное правоограничение, составляющее центральное ядро наказания в виде ограничения свободы, касается конституционного права на свободу передвижения – в свободное от работы, учебы время постоянно находиться в своем жилище или на территории, прилегающей к дому.

Следовательно, отсрочка исполнения наказания позволяет индивидуализировано применять достаточно эффективные дополнительные обязанности, способствующие исправлению. О ее предупредительном потенциале свидетельствует и анализ порядка ее досрочной отмены. Так, отсрочка может быть отменена уже после второго случая уклонения от выполнения возложенных обязанностей.

В сходной ситуации при ограничении свободы, в соответствии с ч. 5 ст. 55 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК), осужденный признается лицом, злостно нарушающим порядок и условия отбывания наказания в виде ограничения свободы, и ему может быть вынесено официальное предупреждение об уголовной ответственности за уклонение от отбывания данного наказания, после совершения осужденным не менее трех нарушений порядка и условий отбывания наказания. При этом такое возможно только тогда, когда за совершенные нарушения осужденный подвергался взысканиям, указанным в ч. 2 и ч. 3 ст. 55 УИК, в противном случае нарушение условий отбывания ограничения свободы не признается злостным уклонением от отбывания и влечет лишь применение мер дисциплинарной ответственности. Только совершение нового нарушения после вынесения официального предупреждения лицу, злостно нарушающему порядок и условия отбывания наказания в виде ограничения свободы, влечет уголовную ответственность по ст. 415 УК.

Следует обратить внимание еще на такой аспект, придающий отсрочке исполнения наказание более строгие свойства. В частности, при отмене отсрочки, в случае уклонения от исполнения возложенных на осужденного обязанностей, суд направляет осужденного для реального отбывания назначенного судом наказания в полном объеме, при этом не учитывается истекший срок испытания. При осуждении за злостное уклонение от отбывания ограничения свободы фактически отбытый срок наказания подлежит зачету по правилам сложения наказаний разных видов, т. е. сокращает срок лишения свободы.

Необходимо отметить, что лишение свободы является единственным видом наказания, указанным в санкции ст. 415 УК, предусматривающей ответственность за уклонение от ограничения свободы, что усугубляет проблемы исполнения такого вида наказания, как лишение свободы. Формально, в данной ситуации имеются законные основания для применения отсрочки исполнения наказания к лицу, осужденному по ст. 415 УК. Однако это не является обоснованным и логичным решением проблемы, поскольку исправительный потенциал меры, по сути, практически идентичен ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа.

Таким образом, ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа серьезнейшим образом конкурирует с отсрочкой исполнения назначенного наказания.

Контент анализ указанных мер уголовно-правового воздействия показал, что данные меры уголовно-правового воздействия являются весьма схожими как по условиям назначения, так и по содержанию правового режима отбывания / исполнения.

Статистические данные показывают, что обе эти меры в основном применяются к лицам, совершившим менее тяжкие преступления. Вместе с тем, они могут применяться и при совершении тяжких преступлений, что свидетельствует о том, что законодатель исходит из возможности исправления виновных в их совершении, не обладающих высоким уровнем общественной опасности, посредством применения достаточно мягких уголовно-правовых средств. При этом не учитываются гендерно-возрастные признаки подсудимых.

Отсрочка исполнения наказания обладает несколько большим исправительным потенциалом. Обусловлено это тем, что при отсрочке предусматривается более широкий спектр обязанностей, позволяющий обеспечить больший исправительный потенциал и индивидуализацию. Кроме того, более строгими являются основания отмены в связи с уклонением от исполнения возложенных обязанностей.

Все это создает более существенные предпосылки для достижения целей уголовной ответственности при применении отсрочки исполнения наказания. В связи с этим целесообразно расширить возможность применения отсрочки исполнения наказания путем дополнения ч. 2 ст. 77 УК указанием после слов инвалидам 1 и 2 группы «женщинам и одиноким мужчинам, воспитывающим детей в возрасте до 14 лет или детей-инвалидов».

О недостаточно высокой эффективности применения ограничения свободы свидетельствует то, что в соответствии со статистическими данными, практически каждый третий осужденный к ограничению свободы в период отбывания наказания совершил новое преступление (в основном – это уклонение от отбывания данного наказания). Все это существенно повышает уровень рецидива. При этом необходимо учитывать, что санкция в ст. 415 УК, предусматривающая ответственность за уклонение от отбывания ограничения свободы, предусматривает только один вид наказания – лишение свободы, что

явно не способствует достижению цели современной уголовно-правовой политики по снижению уровня его применения.

ИМУЩЕСТВЕННЫЙ УЩЕРБ КАК ПРИЗНАК, РАЗГРАНИЧИВАЮЩИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

Бильдейко Алексей Александрович

начальник отдела прокуратуры Брестской области

Преступление представляет собой особый вид правонарушения. Оно отличается от административных, дисциплинарных и иных правонарушений специфическими, присущими только ему признаками. По сравнению с другими правонарушениями преступление имеет большую общественную опасность, что обуславливается целым рядом объективных и субъективных признаков. Иногда правонарушения признаются преступлением только тогда, когда причинен крупный или особо крупный ущерб [1, с. 31].

подавляющее большинство нарушений законодательства о закупках товаров (работ, услуг) являются административными правонарушениями. Такой подход является верным, так как справедливо отмечается, что должно быть достигнуто разумное соотношение пропорциональности между применяемыми государством уголовно-правовыми средствами для обеспечения социальной безопасности и поддержания ее стабильности и целью, преследуемой применяемой мерой, которая лишает человека определенных прав [2, с. 77]. Исходя из анализа следственно-судебной практики можно сделать вывод, что наиболее часто встречающимся признаком, при наличии которого административное правонарушение в сфере закупок товаров (работ, услуг) «перерастает» в преступление, является причинение ущерба в крупном или особо крупном размере (наступление тяжких последствий).

В связи с изложенным весьма актуальным вопросом для правоприменителей является установление причинной связи между нарушением законодательства о закупках и наступившими вредными последствиями, а также обоснованности (необоснованности) экономического (делового) риска при принятии решений в ходе закупочного процесса.

Зачастую должностные лица осознанно идут на рискованные действия при осуществлении закупок товаров (работ, услуг), иногда даже с сознательными нарушениями требований законодательства, объясняя свои поступки оптимальным выбором решения значимой сложной экономической задачи (избежать остановки производства, предотвращения аварии и т.д.). При этом следует иметь в виду, что даже при наличии положительного результата, достигнутого действиями, прямо запрещенными нормативными правовыми актами, имеется нарушение правовой нормы и, как следствие этого,

– вред правопорядку. В таком случае формальное нарушение нормы окупается положительным результатом, но такое нарушение все равно является общественно опасным и виновным в юридическом смысле этих терминов [3, с. 318], соответственно применительно к рассматриваемой проблематике влекущим административную ответственность за несоблюдение порядка проведения закупок товаров (работ, услуг). Однако если указанное формальное нарушение еще и повлекло отрицательные последствия, предусмотренные как признак уголовно-наказуемого деяния (в частности причинение имущественного ущерба в крупном или особо крупном размере), следует говорить о наличии состава должностного преступления.

В этой связи профессором В. М. Хомичем справедливо отмечается, что в подобных случаях обоснованность делового риска, несмотря на возникшие последствия ущерба характера, должна определяться на основе функционально-экономической оценки принятого нестандартного решения с учетом базовых и рыночно-ситуационных стандартов управления экономической деятельностью в целях получения заявленного при принятии решения экономического результата [4, с. 29].

Не соблюдение выработанных наукой уголовного права рекомендаций приводит к следственным ошибкам.

Предъявляя заместителю директора ОАО «С» Б. обвинение по ч. 3 ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), орган предварительного расследования исходил из того, что Б. вопреки интересам службы без исследования конъюнктуры рынка организовал приобретение ОАО бывшего в употреблении станка на общую сумму 24,8 тыс. рублей, в котором ОАО не нуждалось, что повлекло для ОАО тяжкие последствия в виде причинения ущерба в особо крупном размере. Вместе с тем, согласно имевшемуся в деле заключению эксперта, рыночная стоимость данного станка составила 12,5 тыс. рублей. Из показаний свидетелей следовало, что указанное оборудование после его поставки ОАО использовалось по назначению, то есть в результате его приобретения достигнут определенный экономический результат. При таких обстоятельствах суд, определяя размер ущерба, причиненного преступными действиями Б., исходил из разницы между указанной в заключении эксперта рыночной ценой приобретенного оборудования, стоимость которого составила 12,5 тыс. рублей, и его завышенной стоимостью в общей сумме 24,8 тыс. рублей, по которой оно было приобретено. Таким образом, ущерб, причиненный Б., составил 12,3 тыс. рублей, что на момент совершения уголовно-наказуемого деяния образовывало крупный размер, поэтому суд Быховского района 20 февраля 2019 г. переквалифицировал действия обвиняемого Б. с ч. 3 ст. 424 УК на ч. 2 данной статьи [5].

Следственным комитетом Республики Беларусь обращается внимание на то, что вывод о том, что в случае проведения в установленном порядке конкурентной процедуры можно было бы заключить договор с другим поставщиком на более выгодных условиях и по меньшей стоимости, носит, как правило, вероятностный характер, поскольку факт участия в конкурентной

процедуре других поставщиков является допустимым, а не обязательным. Кроме этого, зачастую размер ущерба, как разница между стоимостью, по которой товар был приобретен, и стоимостью, по которой он мог бы быть приобретен, является лишь предполагаемой экономией, которую не представилось возможным достичь в силу того, что при выборе поставщика (продавца) во внимание принимались помимо стоимости и другие критерии оценки: условия оплаты и расчета, условия поставки, постоянное наличие определенных моделей в необходимом количестве и т.д. [6].

Заместитель директора ОАО «М» Б. обвинялся в том, что, достоверно зная о необходимости закупки товаров (работ, услуг) за счет собственных средств на сумму свыше 1 000 базовых величин путем проведения конкурентных процедур, а также о том, что по результатам открытого конкурса принято решение о приобретении средств индивидуальной защиты (далее – СИЗ) у ООО «Ю», в нарушение установленных процедур заключил договоры поставки с ООО «Э» и ЧУП «С». Так, Б. прекратил осуществление поставок СИЗ от ООО «Ю», а также, достоверно зная о наличии на белорусском рынке иных потенциальных поставщиков аналогичных товаров по количественно-качественным характеристикам, имея возможность выбора поставщика с наилучшими ценовыми предложениями (ООО «М», ООО «П» и других, у которых, по мнению органа уголовного преследования, можно было приобрести СИЗ за 37,2 тыс. рублей), отказался от такого выбора в пользу ООО «Э» и ЧУП «С», приобретя у них СИЗ на общую сумму 62 тыс. рублей, что привело к завышению стоимости закупки на 24,8 тыс. рублей (ущерб в особо крупном размере). В судебном заседании установлено, что условия поставки (отсрочка платежа либо предоплата, самовывоз или доставка за счет поставщика, объем товара, наличие товара и его качество), а также временной период, платежеспособность покупателя влияли на формирование цены приобретаемого товара. С достоверностью установить, по какой цене ОАО «М» могло приобрести товар у того или иного поставщика в определенное время, не представилось возможным, поскольку цена формируется индивидуально в зависимости от поставщика и его условий, а также от временных рамок. Поскольку стоимость СИЗ с учетом вышеуказанных существенных условий поставки, по которой ОАО «М» могло приобрести их в конкретный период времени у ООО «М», ООО «П» и других организаций, установить не представилось возможным, суд Кричевского района пришел к выводу о недоказанности причинения ОАО «М» действиями Б. ущерба в особо крупном размере и 30 декабря 2019 г. оправдал его по ч. 3 ст. 424 УК [5].

Таким образом, если вывод о возможности приобретения товаров (работ, услуг) по более низким ценам при тех же условиях поставки носит вероятностный характер, должностному лицу не может вменяться причинение ущерба в крупном (особо крупном) размере применительно к преступлениям в сфере закупок товаров (работ, услуг), предусмотренным главой 35 УК.

Из изложенного следует, что вывод о наличии ущерба по уголовным делам о должностных преступлениях в сфере закупок (разница между закупленными

товарами (работами, услугами) и их реальной стоимостью) может быть сделан только тогда, когда сопоставлены все условия заключенного договора на приобретение товаров (работ, услуг) с условиями, которые могли предложить иные контрагенты, то есть бесспорно доказано, что аналогичные товары (работы, услуги) можно было приобрести в то же самое время при тех же (или лучших) условиях (технические характеристики, условия поставки, оплаты, гарантийные сроки и т. д.) у других поставщиков (исполнителей), но по более низкой цене.

Главный инженер КУП «Б» Е., будучи председателем конкурсной комиссии данного предприятия, достоверно зная, что в Республике Беларусь единственным производителем железобетонных конструкций определенной марки (далее – ЖБК) является ОАО «О», умышленно минуя обязательную конкурентную процедуру проведения закупок за счет бюджетных средств (торги), составил ряд подложных документов о якобы проведенной процедуре переговоров, не подлежащей применению в данном случае, по результатам которой единолично принял решение о выборе в качестве поставщика ЖБК ООО «Э». При этом ООО «Э» приобрело ЖБК у ОАО «О» за 66,5 тыс. рублей, транспортировало к месту установки за 5 тыс. рублей, перепродал КУП «Б» уже за сумму 111,8 тыс. рублей. По итогам расследования Е. предъявлено обвинение в том, что он, превышая свои полномочия путем непроведения в установленном порядке процедуры закупки, незаконно увеличил затраты бюджета на сумму 40,3 тыс. рублей (разница между суммой, выплаченной из бюджета, и стоимостью ЖБК, приобретенных ООО «Э» у производителя, с учетом фактических расходов ООО «Э» по их доставке), что повлекло тяжкие последствия в виде причинения ущерба горисполкому, профинансировавшему закупку, в особо крупном размере (2 235 базовых величин). В судебном заседании достоверно установлено, что у КУП «Б» имелась возможность приобрести ЖБК у ОАО «О» на тех же условиях, что и ООО «Э», в связи с чем Е. обоснованно осужден по ч. 3 ст. 426 УК [7].

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.
2. Хомич, В. М. Уголовный закон и обеспечение верховенства права в противодействии преступности / В. М. Хомич // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе. – 2020. – № 9. – С. 70–81.
3. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ. – Т. 10 : Обстоятельства, исключающие преступность деяния. – 2016. – 512 с.
4. Хомич, В. М. Институционализация делового риска в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключающего преступность злоупотребления профессиональным правом на предпринимательский риск для решения значимой экономической задачи / В. М. Хомич // Право.by. – 2015. – № 5. – С. 24–31.
5. Архив прокуратуры Брестской области за 2020 г. – Письмо Генеральной прокуратуры Республики Беларусь от 21 сент. 2020 г. № 1203-09д/1099 «О следственно-судебной практике определения общественно опасных последствий преступлений против службы».

6. Архив прокуратуры Брестской области за 2016 г. – Письмо Следственного комитета Республики Беларусь от 28 июня 2016 г. № 5-186ДЗ «О результатах анализа практики привлечения должностных лиц к уголовной ответственности за превышение власти или служебных полномочий».

7. Архив прокуратуры Брестской области за 2019 г. – Копия приговора суда Бобруйского района и города Бобруйска от 20 дек. 2018 г. № 1-691/18.

ODPOWIEDZIALNOŚĆ KARNA – POJĘCIE, PODSTAWY, ZAKRES

Bojarski Tadeusz

em. prof. zw. UMCS w Lublinie, em. prof. zw. UTH w Radomiu

Pojęcie odpowiedzialności, w tym odpowiedzialności prawnej, jest od dawna przedmiotem dyskusji także w polskiej nauce prawa i filozofii. Przypomnę w tym miejscu pracę Wiesława Langa – Spór o pojęcie odpowiedzialności prawnej, znaczącą dla dyskusji naukową w Polsce w latach 60-tych. Toczyła się ona przy udziale takich Autorów jak Czesław Znamierowski, Jan Zieleniewski, Tadeusz Kotarbiński¹. Jest aktualna nadal, bowiem faktem jest multiplikacja znaczeń odpowiedzialności: możemy mówić o odpowiedzialności „w ogóle”, odpowiedzialności „moralnej”, odpowiedzialności prawnej, w jej ramach o odpowiedzialności karnej. Otwiera to możliwość rozważań na wielu kierunkach poznania rzeczywistości. Krąg ważnych i interesujących zagadnień jest szeroki: znaczenie, podstawy, możliwe formy, zakres odpowiedzialności.

1. W tych kilku uwagach, które kreślę z okazji Jubileuszu Profesora Włodzimierza Michajłowicza Chomicza interesuje nas prawnokarny aspekt zagadnienia. Na tym odcinku badań Jubilat ma szczególnie znaczący udział, poświęcając tej problematyce szereg prac naukowych², opublikowanych także w polskim piśmiennictwie prawniczym. Rozumienie odpowiedzialności karnej było w przeszłości i jest nadal dość niejednolite, niekiedy może nawet uproszczone. Utożsamiano niekiedy odpowiedzialność wprost z karą – „Gdy mówię o odpowiedzialności, chodzi mi po prostu o karę...” – pisał Autor³. Istotę odpowiedzialności prawnej dostrzegano też w stosowanych sankcjach albo w obowiązku poddania się karze⁴. W szerszym ujęciu przyjmowano, że odpowiedzialność karna zawiera się w transmisji emocji płynących z faktu popełnienia przestępstwa do świadomości kolektywnej wytwarzając tam reakcje, które w sumie składają się na istotę (naturę) odpowiedzialności karnej⁵. Formułowano też pogląd, że odpowiedzialność karna to stosunek państwa do przestępcy, roszczenie państwa do ukarania przestępcy⁶. Można przyjąć, że każde z tych sformułowań zawiera jakąś część prawdy. W literaturze polskiej interesująco ujmuje zagadnienie odpowiedzialności L. Lernell. Autor nie podaje wprost definicji lecz wskazuje na ważne, jak się wydaje, jej cechy i przesłanki: odpowiedzialność ma sens humanistyczny (może być odniesiona tylko do zachowania ludzkiego), indywidualny (jednostka ponosi odpowiedzialność właśnie jako jednostka), personalny (zakotwiczona jest w osobowości jednostki) oraz autonomiczny (inicjacja

odpowiedzialności mieści się na jakimś skrawku wolności jednostki), implikuje wolny wybór postępowania, które nie jest bez reszty zdeterminowane działaniem sił heteronomicznych⁷. Wyraźny jest w tym spojrzeniu na cechy odpowiedzialności aspekt subiektywny, odpowiedzialność ma być odpowiedzialnością podmiotową. W tym punkcie można dostrzec zbieżność ze stanowiskiem Jubilata. Profesor W. Chomicz ujmuje odpowiedzialność karną jako obiektywną (prawną) realność, reżim osądzenia osoby (kończący się zniesieniem lub wygaśnięciem podsądnosci), dopuszczający zastosowanie w stosunku do osądzonych określonych wyrokiem sądu środków oddziaływania. Stan osądzenia zawiera, podkreśla Jubilat, reżim przymusu w stosunku do skazanego, możliwość zastosowania w granicach takiego stanu środków, które określają wraz ze skazaniem treść odpowiedzialności karnej⁸. W innym miejscu Autor podkreśla, że moment nałożenia odpowiedzialności karnej poprzedza prawomocne potwierdzenie ponoszenia winy osoby w popełnieniu przestępstwa⁹. Oznacza to opowiedzenie się za podmiotowym rozumieniem odpowiedzialności karnej, co współcześnie jest zrozumiałe i oczekiwane. Odpowiedzialność ma mieć charakter podmiotowy. Ważne byłoby dowiedzenie się, czy Jubilat aprobowałby inne cechy sformułowane przez L. Lernella.

2. Podstawą odpowiedzialności karnej jest czyn popełniony przez sprawcę i winą. Niewątpliwie jesteśmy tu zgodni co do wagi tych zasad. Znalazły one wyraźne określenie w kodeksach karnych polskim i białoruskim. Jest oczywiste, że współczesne ustawy karne muszą w swych założeniach podstawowych odpowiadać standardom ogólnym. Chodzi o czyn, który jest określony w ustawie oraz ustalenie zawinienia tego czynu. Oznacza to stwierdzenie więzi pomiędzy zaistniałym czynem a konkretną osobą jako sprawcą (element przedmiotowy) oraz pomiędzy działaniem tego człowieka a sferą jego sterujących procesów świadomości i woli (element podmiotowy). Dla odpowiedzialności karnej niezbędne jest ustalenie związku przyczynowego pomiędzy jakimś podmiotem a ocenianym zdarzeniem ale też stwierdzenie niezbędnej więzi psychicznej. Takie pojmowanie odpowiedzialności (nie odpowiedzialność tylko obiektywna) akcentowane było już w wieku XIX¹⁰. Należy zaznaczyć, że nie stanowią czynu „zachowania” mimowolne nie pozostające w zasięgu kontrolujących procesów świadomości i woli człowieka. Szczegółów w tej kwestii rozważać tu nie możemy. Należy też pominąć problem sporu co do wyboru koncepcji winy – jakiejś koncepcji psychologicznej lub jakiejś koncepcji normatywnej. Musimy ograniczyć się w tym miejscu do stwierdzenia, że dla odpowiedzialności karnej niezbędna jest wina. Interesujące, zasługujące na szerszą analizę jest stanowisko kodeksu karnego Republiki Białoruś w kwestii ujmowania odpowiedzialności karnej. Kodeks białoruski z 1999r. zawiera ważne postanowienia w tej sprawie, wyróżniając się wśród kodeksów europejskich. Często w ustawach karnych zagadnienia odpowiedzialności karnej są ujmowane jakby skrótowo, bardziej formalnie, może przy jakimś założeniu, że nie jest niezbędne szersze regulowanie tego problemu. Tak jednak nie jest, zwraca więc uwagę szerokie, oparte na przyjętej pełnej koncepcji, regulowanie zagadnienia odpowiedzialności karnej w kodeksie białoruskim¹¹. Poświęcono dużo uwagi pojęciu, zasadom i środkom realizowania odpowiedzialności karnej. Ważne jest tu wyjaśnienie (art. 3) zasad odpowiedzialności karnej, z zaakcentowaniem reguł *nullum crimen sine*

lege i nullum crimen sine culpa. Art. 3 w ust. 1 wskazuje, że odpowiedzialność karna w Republice Białoruś opiera się na zasadach ustawowych i osobistej zawinionej odpowiedzialności. W części 5 rozdziału II (art. 27 i n.) wskazano na warunki odpowiedzialności karnej, a w art. 10 tegoż rozdziału mocno zaakcentowano podstawę odpowiedzialności karnej w zawinionym działaniu przestępnym ze wskazaniem, co jest interesujące, na jego możliwe formy. Natomiast w rozdziale III „Odpowiedzialność karna”, określono zasadę sądowego rozpatrywania spraw o przestępstwa (art. 44). Zarazem określono (art. 46) formy realizacji odpowiedzialności karnej. Interesujące jest kompleksowe określenie sytuacji wyłączających odpowiedzialność karną i karę (cz. 12 roz. III)¹². Widoczna jest w tych rozwiązaniach, częściowo tu tylko wskazanych, wyraźna jednolita koncepcja odpowiedzialności karnej, traktowana jako coś ważnego dla wymiaru sprawiedliwości. Ukształtowanie takiej kompleksowej koncepcji odpowiedzialności karnej zasługuje na szersze rozważenie na tle innych kodeksów karnych, opartych na ogół na formalnej tradycji¹³. Już te spostrzeżenia uprawniają do oceny tego kodeksu, w szczególności w zakresie jego części ogólnej, jako akt legislacyjny wyraźnie nowoczesny. Zwraca uwagę rozumienie winy bliskie psychologicznej koncepcji (art. 21), podczas gdy w wielu krajach, wyraźny jest już wpływ normatywnych koncepcji winy¹⁴. Z kwestią odpowiedzialności karnej wiąże się ściśle ujęcie w ustawie środków reagowania na czyny zabronione. Trafnie zostało podkreślone, że stworzono w kodeksie w ramach odpowiedzialności karnej alternatywne w stosunku do kary środki oddziaływania, pozwalające na zróżnicowany dobór tych środków, wzbogacających politykę karną¹⁵. Sprzyja to indywidualizacji odpowiedzialności karnej, uczynieniu reakcji karnej bardziej sprawiedliwą i bardziej adekwatną do celów kary.

Można na koniec tych uwag powiedzieć, że podstawy odpowiedzialności karnej tworzy układ: człowiek – czyn (bezprawny i zawiniony), ustawowo określona i przewidziana za ten czyn kara. Ale wiemy, że historia prawa karnego zna nieodosobnione przypadki karania ludzi bez podstaw materialnych (czyn bezprawny i zawiniony). To również dowodzi, że nie należy utożsamiać odpowiedzialności karnej wprost z faktem ukarania „człowieka”.

3. Powyższe uwagi dotyczące pojęcia i podstaw odpowiedzialności karnej należałoby uzupełnić rozważaniami o wielu kwestiach szczegółowych. Zakreślone dla uczestników konferencji warunki pozwalają zwrócić uwagę na niektóre tylko zagadnienia. Są to: a) odpowiedzialność karna a inne formy odpowiedzialności; b) traktowanie nieletnich z punktu widzenia prawa karnego; c) odpowiedzialność bez stwierdzonej winy w zakresie danego czynu zabronionego; d) odpowiedzialność podmiotów zbiorowych; e) zagadnienie stabilizacji odpowiedzialności; f) przedmiotowy zakres odpowiedzialności. To znaczy, można je wskazać jako problemy do dyskusji.

W kwestii odpowiedzialności karna a inne formy odpowiedzialności (cywilna, administracyjna, wykroczeniowa) powstaje pytanie w czym tkwi różnica. Formalnie można odpowiedzieć, że odpowiedzialność karna kojarzy się z przestępstwem jako bezprawnym faktem zagrożonym karą – karą kryminalną. Kary przewidziane w prawie karnym stanowią szczególną formę konsekwencji wywołanego stanu bezprawia ale

u podłoża tego zróżnicowania konsekwencji leży niewątpliwie czynnik merytoryczny – ujemne społeczne znaczenie czynu – nie wolny jednak od pewnego stopnia relatywizmu. To ostatecznie człowiek według swej oceny decyduje o tym czy jakieś zachowanie jednostki ludzkiej stanowi bezprawie karne, czy bezprawie innego rzędu z odpowiednimi konsekwencjami, np. odpowiedzialność karna i odpowiedzialność cywilna.

Problemem od dawna zaznaczającym się w dyskusjach i rozwiązaniach prawnych jest kwestia odpowiedzialności za wykroczenia. W prawie polskim od 1932 r. przyjmuje się, że odpowiedzialność za wykroczenia nie mieści się w pojęciu odpowiedzialności karnej sensu stricto – mówimy więc, że jest to odpowiedzialność karna sensu largo (bez konsekwencji w postaci uznania sprawcy za karanego). W prawie białoruskim określa się wykroczenia jako delikty administracyjne, jest kwestia czy ta odpowiedzialność mieści się w ramach nawet szeroko rozumianej odpowiedzialności karnej. W prawie polskim mamy narastający problem odpowiedzialności za tzw. delikty administracyjne, które nie są przestępstwami, nie są też wykroczeniami a stosowane przez organy administracji kary pieniężne są niejednokrotnie wyższe niż kary przewidziane za wykroczenia¹⁶.

Inna kwestia, to sprawa odpowiedzialności nieletnich. W prawie polskim przyjęło od 1932 r., że odpowiedzialność karna rozpoczyna się od ukończenia przez człowieka w chwili czynu 17-tu lat. Do 1970r. (poza możliwością zamiany zakładu poprawczego na karę zwykłą z uwagi na wiek sprawcy przekraczający tę granicę) nie była możliwa odpowiedzialność karna. Aktualnie możliwy jest wyjątek od tej zasady (art. 10 k.k. z 1997 r.), pozwalający odpowiedzialność karną nieletniego za niektóre przestępstwa już po ukończeniu lat 15-cie. Poza tymi przypadkami osoba poniżej 17 roku życia odpowiedzialności karnej nie ponosi¹⁷. Może być pytanie, czy w prawie białoruskim stosowane środki reakcji na czyn nieletniego mieszczą się w pojęciu odpowiedzialności karnej¹⁸.

Kolejny problem dotyczy odpowiedzialności bez stwierdzonej winy. Współczesne prawo karne redukuje do minimum takie przypadki ale ich nie usuwa zupełnie. Zwracają uwagę dwie sytuacje: a) odpowiedzialność osoby znajdującej się w stanie odurzenia spowodowanego alkoholem lub innym środkiem (art. 31 §4 k.k.pol.), b) odpowiedzialność osoby, która w chwili czynu było nieletnią ale w fazie wykonywania orzeczonego już umieszczenia w zakładzie poprawczym ukończyła lat 18-cie. Powstaje pytanie czy przy zamianie zakładu poprawczego na karę zwykłą sąd powinien niejako wstecznie badać sprawę zawinienia.

Inna kwestia z kręgu zagadnień form odpowiedzialności to „odpowiedzialność podmiotów zbiorowych”. Prawo polskie w skromnym zakresie dopuszcza odpowiedzialność takich podmiotów, nie nazywając jej wprost odpowiedzialnością karną, i warunkując tę odpowiedzialność od ukarania sprawcy fizycznego¹⁹.

Rozważenia wymagałyby problem stabilności odpowiedzialności. Wiele czynników może tej stabilności sprzyjać lub ją osłabiać. Wysuwają się dwa kierunki poszukiwania tych czynników: po pierwsze techniczna jakość typizacji, po drugie instytucje formalnoprawne z zakresu prawa materialnego i procesowego kształtujące zakres odpowiedzialności. W pierwszym przypadku chodzi o realizację zasady *lex*

certa, w drugim o rozwiązania prawne faktycznie decydujące o zakresie odpowiedzialności lub nawet jej braku. Są to: materialne ujęcie przestępstwa, warunkowe umorzenie postępowania, warunkowe zawieszenie wykonania kary, uwolnienie od kary, niepodleganie karze, umorzenie absorpcyjne postępowania (art. 11 k.p.k.pol.), umorzenie rejestrowe (art. 325f k.p.k.pol.). Powstaje pytanie, czy nie deformują one w jakimś stopniu odpowiedzialności karnej²⁰. Wiemy jednak, że współcześnie prawo karne nie zdecyduje się na unikanie różnych form uelastycznienia odpowiedzialności karnej a powszechnie uważa się to za osiągnięcie współczesnego prawa karnego.

Pozostaje ważna kwestia zakresu przedmiotowego odpowiedzialności karnej ale to już sprawa odrębna – systematyki części szczególnej ustawy karnej w każdym kraju.

Przypisy

1. [1-s. 51 i n., 61-63] Z lubelskiego ośrodka naukowego przypomnieć można pracę Z.Cackowskiego [2-s. 145-146]. Również w latach 90-tych pojęcie odpowiedzialności było przedmiotem zainteresowania wielu autorów – zob. M.Rodzinkiewicz [3-s. 5 i n.]; W kwestii pojęcia i możliwych aspektów odpowiedzialności zob. też R.Ingaden [26-s. 73 i n.]

2. Zob. [4-s. 6 i n.]

3. [5-s. 485; 10-s. 184]

4. [6-s. 268, 271; 7-s. 10 i n.]

5. [8-s. 1, 4-5, 248 i n.; 10-s. 197-198]

6. [9-s. 11]

7. [10-s. 202]

8. [11-s. 20]

9. [12-s. 77]

10. [13-s. 35 i n.; 14-s. 229]

11. Zob. bliżej [16-s. 191 i n.]

12. Zob. [17-s. 53 i n.]

13. Trzeba zaznaczyć, że proces przygotowywania koncepcji odpowiedzialności karnej w kodeksie Republiki Białoruś nie był krótkotrwały, wymagał dyskusji i opracowania, zob. [18-s. 93 i n.]

14. Zwraca uwagę oparcie na zasadzie winy nie tylko odpowiedzialności karnej ale także administracyjnej, zob. [16-s. 195]

15. [15-s. 431 i n.]

16. Zob. [19-s. 392 i n.; 20-s. 53 i n.]

17. Zob. bliżej [21-s. 46 i n.; 27-s. 16 i n., 225 i n.]

18. Pytanie na tle rozważań W.Chomicza o traktowaniu nieletnich – [22-s. 162, 164, 167, 169, 274]

19. Zob. bliżej [23-s. 421 i n.]

20. Zob. bliżej [24-s. 30 i n.; 25-s. 335]

Wykaz wykorzystanych źródeł

1. Lang, W. Spór o pojęcie odpowiedzialności prawnej / W. Lang. – Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, Nauki Humanistyczne, 1968, z. 37, Prawo IX, s. 51–70.

2. Cackowski, Z. Odpowiedzialność / Z. Cackowski. – Przegląd Humanistyczny, 1988, nr 32/3, s. 145–158.

3. Rodzinkiewicz, M. Fenomen odpowiedzialności w refleksji filozoficznej a prawnokarne zasady odpowiedzialności / M. Rodzinkiewicz. – Przegląd Prawa Karnego, 1997, z. 16, s. 5–26.

4. Chomicz, W. M. Formy realizacji ugołownej odpowiedzialności / W. M. Chomicz, Mińsk, 1998, s. 132.

5. Bein, A. Les émotions et la volenté / A. Bein Paris, 1885, s. 485 – według L. Lernella, Podstawy nauki polityki kryminalnej. Studia z zagadnień przestępstwa, odpowiedzialności i kary / L. Lernell, Warszawa, 1967, s. 509.
6. Joffe, D. S. Szargorodski, M. D., Zagadnienia teorii prawa / D. S. Joffe, M. D. Szargorodski, – Warszawa, 1963, s. 341.
7. Brajnin, J. J. Ugołównaja otwietstwiennost' i jejo osnovanije w sowietskomo ugołownom prawie / J. J. Brajnin. – Moskwa, 1963.
8. Fauconnet, P. La responsabilité / P. Fauconnet, Paris, 1924. – za L. Lernell, op. cit., s. 197–198.
9. Gerats, H. Die strafrechtliche Verantwortlichkeit in der Deutschen Demokratischen Republik / H. Gerats. – Berlin, 1952.
10. Lernell, L. Podstawy nauki polityki kryminalnej. Studia z zagadnień przestępstwa, odpowiedzialności i kary / L. Lernell, Warszawa, 1967, s. 509.
11. Chomicz, W. M., Istota i treść odpowiedzialności karnej (Suszczność i sodierżanie ugołownoj otwietstwiennosti) / W. M. Chomicz. – Annales UMCS, vol. XXXIX, sec. G., 1992, s. 15–23.
12. Chomicz, W. M. Prawootnoszenia ugołownoj otwietstwiennosti / W. M. Chomicz, Prawo i Demokratia, B. 5, Mińsk, 1992, s. 76–89.
13. Bojarski, A. Zasady nauki o poczytaniu / A. Bojarski – Kraków, 1872, s. 176.
14. Makowski, W. Prawo karne. Cześć ogólna. Wykład porównawczy... / W. Makowski. – Warszawa, 1920, s. 431.
15. Chomicz, W. M. Nowy kodeks karny Republiki Białoruś (1999): System sankcji karnych / W. M. Chomicz. – Przemiany państwa i prawa, Lublin, 1999, t. 1, s. 431–441.
16. Chomicz, W. M., Orłowska, L. Ujęcie systemowe dotyczące odpowiedzialności za przestępstwa i wykroczenia w prawie białoruskim, [w:] Rozwój nauk penalnych w sześćdziesięciolecie Wydziału Prawa i Administracji UMCS / W. M. Chomicz, Orłowska L., Lublin, 2009, s. 191–200.
17. Barkow, A. W., Chomicz, W. M. Ewolucja instytucji uwolnienia od odpowiedzialności karnej w kontekście reformy prawa karnego Republiki Białoruś, [w:] Nowe regulacje prawne. Zmiany w systemie prawa Białorusi i Polski, Annales UMCS, vol. XLI, 1994 / A. W. Barkow, W. M. Chomicz, Lublin, 1994, s. 53–62.
18. Chomicz, W. M. Koncepcyjne zmiany w treści odpowiedzialności karnej i kary w projekcie kodeksu karnego Białorusi, [w:] Problemy reformy prawa karnego / W. M. Chomicz, Lublin, 1993, s. 93–101.
19. Radecki, W. Przestępstwa wykroczenia i delikty administracyjne w prawie polskim, czeskim i słowackim, [w:] Na styku prawa karnego i prawa o wykroczenia. Zagadnienia materialnoprawne i procesowe. Księga Jubileuszowa dedykowana profesorowi Markowi Bojarskiemu, red. A. Łucarz, J. Sawicki / W. Radecki, t. 1, Wrocław, 2016, s. 392–408.
20. Radecki, W. Zastępowanie odpowiedzialności karnej odpowiedzialnością administracyjną na przykładzie prawnej ochrony środowiska, [w:] Teoretyczne i praktyczne problemy współczesnego prawa karnego. Księga Jubileuszowa dedykowana profesorowi Tadeuszowi Bojarskiemu, red. A. Michalska-Warias, I. Nowikowski, J. Piórkowska-Flieger / W. Radecki, Lublin, 2011, s. 531–544.
21. Bojarski, T., Kruk, E., Skrętowicz, E. Postępowanie w sprawach nieletnich. Komentarz / T. Bojarski, E. Kruk, E. Skrętowicz, Warszawa, 2016, s. 327.
22. Chomicz, W. M. Problemy różnicowania i humanizacji odpowiedzialności niepełnoletnich w Republice Białorusi / W. M. Chomicz, Annales UMCS, vol. XLIII, Lublin, 1996, s. 161–175.
23. Witkowski, P. Pojęcie i istota odpowiedzialności karnej – problematyka odpowiedzialności karnej podmiotów zbiorowych w dobie reformy prawa karnego, [w:] Polska lat dziewięćdziesiątych. Przemiany państwa i prawa / Witkowski P., Lublin, 1997, t. 3, s. 421–432.

24. Gostyński, Z. Umorzenie postępowania na podstawie art. 11 nowego k.p.k. odstępowstwo od zasady legalizmu / Z. Gostyński, Prokuratura i Prawo, 1997, nr 12, s. 29–43.
25. Bojarski, T. Odpowiedzialność karna. Zagadnienia zakresu i stabilizacji, [w:] Polska lat dziewięćdziesiątych. Przemiany państwa i prawa / T. Bojarski, t. 1, Lublin 1999, s. 321–341.
26. Ingarden, R. Odpowiedzialność i jej podstawy ontyczne [w:] Książeczka o człowieku / R. Ingarden, Kraków 1987, s. 175.
27. Grześkowiak, A. Prawo nieletnich / A. Grześkowiak, Warszawa, 2020, s. 280.

ОБ УНИФИКАЦИИ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ХИЩЕНИЙ)

Браусов Александр Михайлович

начальник управления правовой информатизации

Национального центра правовой информации Республики Беларусь

Цифровые технологии сегодня являются неотъемлемой составляющей личной и социальной жизни человека. Очевидные преимущества применения информационных технологий при организации взаимодействия граждан с государственным сектором, сектором банковских услуг, медицинской, социальной и иными сферами имеют и обратную сторону. Недостатки цифровизации являются продолжением ее достоинств. Скорость оказания различных видов услуг, их доступность и простота основана на переводе в мир цифровых символов реальных объектов, например, документов, накоплении, учете и хранении больших объемов разнообразной информации в отношении конкретных лиц, развитии и использовании соответствующих каналов сбора, учета, обработки и передачи данных. Такая «оцифровка» человека делает уязвимым для криминального воздействия многие общественные отношения.

Правовым средством противодействия негативным проявлениям должно являться уголовное законодательство. Однако насколько его нормы адаптированы к противостоянию криминальным проявлениям в наступающей цифровой эпохе? Рассмотрим ситуацию на примере классических имущественных отношений и начнем с понятия хищения в киберпространстве.

В отечественном уголовном законодательстве в ст. 212 Уголовного кодекса (далее – УК) предусмотрена ответственность за хищение имущества путем использования компьютерной техники, под которым понимается: «Хищение имущества путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации».

В рамках традиционного понимания хищения такое определение преступления вызывает ряд вопросов, прежде всего, с позиции предмета преступления, которым выступает чужое имущество.

В соответствии с гражданским законодательством к объектам гражданских прав относятся: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага.

Из изложенных объектов гражданских прав к предмету хищения относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права. Иными словами, предмет преступления – имущество – может выражаться в вещах, деньгах и ценных бумагах, имущественных правах.

Деньги и ценные бумаги сами по себе имуществом не являются, но приравнены к имуществу, поскольку легко обратимы в имущество. Сущность же денег и ценных бумаг состоит в том, что они являются определенными знаками или символами, которые выполняют роль мерила объема и стоимости имущества. Можно сказать, что деньги – это знаковый эквивалент имущества. Обратим внимание на тот факт, что эти знаки имеют материальную или вещественную основу.

С появлением компьютеров у денежных знаков появились свои знаки в виде электронных записей, обрабатываемых в компьютерной системе. С учетом используемой системы безналичных платежей обращение денег может осуществляться исключительно внутри компьютерных систем без выхода непосредственно в вещественную форму в виде наличных денег.

Могут ли электронные записи в компьютерных системах выступать в качестве предмета хищения в его законодательном определении как имущества?

Вопрос этот не праздный, поскольку имеет непосредственный выход на определение не только понятия хищения, но и на определение содержания хищения с использованием компьютерной техники, а также момента окончания преступления.

Движение денежных средств в безналичном виде традиционно рассматривается как покушение на хищение. Оконченным такое преступление признавалось лишь в момент получения наличных средств или зачисления безналичных денег на личный счет похитителя. В случаях, когда средства остаются на счетах юридических лиц, хищение не считается завершенным.

Таким образом, если из одного банка средства ушли на счет предприятия, принадлежащего похитителю, то признать это хищением не представляется возможным. Но возникает вопрос, как объяснить это владельцу банка?

Кроме того, компьютерные манипуляции могут использоваться и для похищения не виртуальных, а вполне материальных предметов (например, компьютерная подделка оплаты в магазине товара и его последующее получение, которое в свою очередь может осуществляться в автоматическом режиме). Будет ли это считаться хищением с использованием компьютерной техники?

Помимо имущества предметом хищения является также право на имущество. И здесь возникает также ряд серьезных вопросов, когда подделываются записи о праве на имущество, например, на предприятие. Регистрация предприятия и ведение реестра предприятий, акционеров сегодня становится прерогативой электронной среды. Если эти записи будут подделаны, то что выступит в таком случае предметом хищения? Ведь право собственности на предприятие по гражданскому праву принадлежит только владельцу унитарного предприятия, а в отношении хозяйственных обществ различных типов такого права нет, но есть право на управление и на долю в уставном фонде, а также на долю имущества при ликвидации. Что будет похищаться в таком случае? И как определить его стоимость особенно при убыточности или банкротстве предприятия, не придется ли признавать возможность похищения долгов?

В связи с использованием компьютерных технологий для похищения имущества возникает потребность в уточнении подходов к определению самого понятия хищения и его содержания.

Что является **главным в хищении**: «причинение имущественного ущерба собственнику за счет безвозмездного изъятия имущества» или «незаконное обогащение похитителя за счет противоправного приращения собственного имущества»?

Если первое, то причинение имущественного ущерба одному субъекту будет определять и размер совершенного хищения. Но если отдельному потерпевшему причинен ущерб в незначительном размере, то совершение любого количества таких хищений остается в рамках повторного хищения в незначительном размере.

Если мы изберем второй подход, то причинение незначительного ущерба значительному числу потерпевших может составить крупный размер незаконного обогащения и определить крупный размер хищения.

Использование компьютера позволяет совершать хищения у множества пользователей сети Интернет как одноразовой манипуляцией, так и множественным повторением определенных манипуляций в течение некоторого промежутка времени. Следует ли рассматривать такие хищения, как одно преступление или как повторные?

Еще одно обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание, состоит в следующем. Очевидно, что появилось новое явление, которое с некоторой долей условности можно назвать «обезличенным доверием», когда имущество передается не персонифицированному субъекту, а лицу, знающему определенный электронный код. Кроме того, автоматизированная система обработки данных и принятия решений исключает участие человека из процесса получения имущества в виде электронных денег. В таких случаях использование поддельных карточек и иные обманные манипуляции утрачивают традиционное значение мошенничества.

Данное обстоятельство должно учитываться при формулировании объективной стороны составов преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники.

Обратимся к опыту наших соседей. Законодатель Российской Федерации выделяет сразу два вида хищения с использованием компьютерной техники: мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159³ УК) и мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ УК). Оба состава изначально были введены Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ.

Первый состав преступления после корректировки УК Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ стал излагаться крайне лаконично и полностью повторяет название статьи. Законодатель ушел от излишней детализации объективной стороны данного хищения, предложенной законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, которая вызывала очень много вопросов.

Второй состав мошенничества не претерпел корректировок с момента его введения и определяется следующим образом: «Мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей».

Применительно к этому составу вопросы возникают уже на уровне названия самого преступления – «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Мошенничество – это хищение имущества, но в сфере компьютерной информации есть только информация и никакого имущества нет в принципе.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что для данного вида мошенничества не требуется никакого введения в заблуждение никаких лиц. В чем же тогда состоит мошенничество?

С учетом того, что всевозможные манипуляции с электронными записями могут осуществляться и без всякого контакта похитителя имущества с уполномоченными работниками кредитной или иной организации, говорить об обмане как неотъемлемом признаке хищения не приходится. Это означает, что термин «мошенничество» применен к данному виду хищения не совсем обоснованно. Представляется, что **новые формы хищений не обязательно подгонять под старые аналоги**. Требуется использование более адекватного термина.

Нельзя забывать и о том, что компьютеры могут использоваться не в качестве средства или орудия хищения, а в качестве средства введения в заблуждение пользователей сети Интернет с целью похищения их денег, то есть для совершения самого обычного мошенничества.

Кроме того, наличие двух самостоятельных составов мошенничества в таком их изложении свидетельствует о существовании путаницы в понимании законодателем и учеными-правоведами кибертерминологии.

Вернемся к отечественным проблемам, одной из которых является необходимость обеспечения понятийно-категориального единства, хотя бы в рамках одного закона, того же УК.

Статья 212 УК определяет хищение путем использования компьютерной техники. Такие же действия с компьютерной информацией, но уже в компьютерных преступлениях, предусмотренные ст. 350 УК, именуются модификацией компьютерной информации: «изменение информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, либо внесение заведомо ложной информации».

При этом говорить о терминологическом равенстве в указанных статьях нельзя, поскольку в одном случае информация обрабатывается в компьютерной системе, а в другом случае хранится в компьютерной системе, в одном случае информация передается по сетям, а в другом – хранится в сетях.

Немаловажной задачей является также согласованность юридико-технической терминологии с терминологией банковской сферы и информационно-компьютерной сферы.

Несомненно, что уголовно-правовое и уголовно-процессуальное законодательство не может отражать специфическую терминологию преступности из сферы высоких технологий. Действительно, таким терминам, как «кардинг», «фишинг» и им подобным нет места в законодательстве. Однако с позиции времени сложно объяснить тот факт, что в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) до настоящего времени слово:

«компьютер» не упоминается ни разу;

«электронный» использовано только для обозначения применения электронных средств контроля и возложения обязанности носить при себе эти средства и обслуживать их работу в связи с использованием домашнего ареста в качестве меры пресечения;

«информационный» использовано дважды: один раз в связи с упоминанием лица, находящегося в международном розыске с целью выдачи (п. 13-1 ст. 6 УПК), причем речь идет об «информационно-справочных и иных мероприятиях, направленных на установление его местонахождения», второй раз в связи с использованием «информационно-справочных фондов правоохранительных органов» (ч. 2 ст. 72 УПК).

С таким терминологическим багажом бороться с киберпреступностью будет весьма непросто.

Изложенное свидетельствует, что реакция законодателя сильно запаздывает в части отражения в законодательстве видов криминальных проявлений, соответствующих уровню развития информационных технологий в мире. Это является препятствием к выстраиванию эффективной системы противодействия данным посягательствам на национальном уровне. Отметим, что изложенное выше затронуло лишь малую часть проблемных вопросов, требующих своего решения в рамках адаптации законодательства об уголовной ответственности под условия тотальной цифровизации общества. Сегодня очевидно, что перед научным сообществом стоит масштабная задача

по пересмотру ряда традиционных институтов и категорий, понятийно-категориального аппарата уголовного права в целях унификации их содержания с новой реальностью.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Бурий Виталий Евгеньевич

начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Степаненко Владимир Иванович

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук

В соответствии с положениями ст. 186 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) основаниями освобождения осужденного от отбывания наказания признаются: отбытие срока наказания, назначенного по приговору суда; отмена приговора суда с прекращением дела производством; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (далее – УДО); замена неотбытой части наказания более мягким наказанием (далее – ЗНБМ); амнистия или помилование; тяжелое заболевание или инвалидность; иные основания, предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК) [1].

Процесс отбывания уголовного наказания для осужденного завершается освобождением, влекущим за собой изменения его правового положения. Освобождение связано либо с прекращением, либо с видоизменением уголовно-исполнительных правоотношений, прекращением правовых последствий, за исключением ограничений, обусловленных осуждением (наличием судимости).

С учетом вышеуказанного, рассмотрим более подробно сущность института досрочного освобождения (далее – ИДО) осужденных от наказания в связи с тем, что по этому основанию ежегодно из мест лишения свободы (далее – МЛС) освобождается значительное количество лиц, однако «серьезно хромает» качественный показатель (объективность установления осужденным степени исправления «доказавший свое исправление»). Как показывает отечественная правоприменительная практика и юридическая статистика, показатель рецидивной преступности в Беларуси колеблется в последнее десятилетие в пределах 45–51 %, из которых более 25 % составляет пенитенциарный рецидив лиц, досрочно освобожденных из МЛС. Как следствие, утверждать об эффективной организации ресоциализационных мероприятий (в рамках применения ИДО) как в исправительных учреждениях (далее – ИУ), так и после освобождения из МЛС пока, к сожалению, преждевременно.

Эта ситуация подтверждается и Верховным Судом Республики Беларусь. Так, в обзоре Верховного Суда Республики Беларусь от 1 января 2009 г.

«О практике назначения наказания в виде лишения свободы (по материалам обзора)», а также в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 марта 2009 г. № 1 «О назначении судами наказания в виде лишения свободы» (в редакции от 31 марта 2016 г.) отмечается, что «...наказание в виде лишения свободы, с точки зрения исправления осужденных, обладает низким предупредительным эффектом. ... Определение судом меры наказания является сложной оценочной деятельностью, требующей наличия высокой квалификации и необходимого жизненного опыта. ... При рассмотрении представлений администрации исправительных учреждений об условно-досрочном освобождении от наказания ... в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, необходимо тщательно оценивать степень исправления осужденного лица, выяснять социальные установки осужденного, его готовность вести правопослушный образ жизни на свободе.», «...Суды не должны формально подходить к решению вопросов о досрочном освобождении из мест лишения свободы лиц, особенно неоднократно судимых, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь и здоровье человека.» [2; 3]. Данные позиции актуальны и сегодня...

Как следствие вышеуказанного, в настоящее время (2020–2021 гг. – период реформы уголовного законодательства в Республике Беларусь) назрела необходимость внести (с позиций не только правоприменения, но и правосудия) ряд предложений по совершенствованию ИДО.

1. Внести изменения и дополнения в ч. 2 ст. 90 «Условно-досрочное освобождение от наказания» УК, изложив ее в следующей редакции: «2. Условно-досрочное освобождение от наказания может быть применено судом к осужденному, если своим примерным поведением он доказал, что твердо стал на путь исправления и для его дальнейшего исправления не требуется полное отбывание назначенного судом наказания.»

Добавить в ст. 91 «Замена неотбытой части наказания более мягким» УК ч. 1-1, изложив ее в следующей редакции: «1-1. Замена неотбытой части наказания более мягким наказанием может быть применена судом к осужденному, если своим поведением он доказал, что стал на путь исправления и его дальнейшее исправление возможно посредством отбывания более мягкого наказания.»

2. Внести изменения и дополнения в ч. 2 ст. 119 «Условно-досрочное освобождение от наказания» УК (в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет), изложив ее в следующей редакции: «2. Условно-досрочное освобождение от наказания может быть применено судом к осужденному, если своим примерным поведением и отношением к обучению он доказал, что твердо стал на путь исправления и для его дальнейшего исправления не требуется полное отбывание назначенного судом наказания.»

Внести изменения и дополнения в ч. 2 ст. 120 «Замена неотбытой части наказания более мягким» УК (в отношении лиц, совершивших преступления

в возрасте до восемнадцати лет), изложив ее в следующей редакции: «2. Замена неотбытой части наказания более мягким наказанием может быть применена судом к осужденному, если своим поведением и отношением к обучению он доказал, что стал на путь исправления и его дальнейшее исправление возможно посредством отбывания более мягкого наказания.».

Вышеуказанные изменения и дополнения в ст. 90 и 91 (в отношении совершеннолетних осужденных), 119 и 120 (в отношении несовершеннолетних осужденных) УК направлены на изменение оснований применения УДО и ЗНБМ, поскольку уже не одно десятилетие уровень пенитенциарного рецидива среди лиц, досрочно освобожденных из ИУ, убедительно свидетельствует о том, что эти основания необходимо корректировать.

Например, не соответствует действительности и правоприменительной практике формулировка оснований для применения УДО, при которой осужденному требуется «доказать» администрации ИУ, что он «уже исправился». Не только сам осужденный, но и администрация ИУ должным образом не могут установить правильно (объективно) так называемый «уровень-степень исправления», особенно это касается максимальной (в соответствии с положениями ч. 5 ст. 116 УИК) степени исправления «доказавший свое исправление».

Возникает справедливый вопрос о том, что если все-таки осужденный «исправился» и ему администрацией ИУ установлена степень исправления «доказавший свое исправление», то почему он не освобождается окончательно, а только условно? Ведь администрация ИУ уже уверена в том, что осужденный «уже исправился».

Указанные в ст. 90, 91, 119 и 120 УК основания досрочного освобождения уже давно не используются в уголовной и уголовно-исполнительной правоприменительной практике большинства государств на постсоветском пространстве (скорректированы соответствующим образом).

Следует также отметить, что в соответствии с рекомендациями Европейских пенитенциарных правил 2006 г., условно-досрочное освобождение применяется при такой устойчивой динамике становления осужденного на путь исправления, когда его дальнейшее исправление возможно без продолжения отбывания назначенного наказания, но при условии сохранения за ним испытательного контроля в течение неотбытой части наказания, а при замене неотбытой части наказания – возможность успешного продолжения исправления в условиях отбывания более мягкого наказания [4, с. 42–43]. Все просто и понятно.

Кроме этого, в Рекомендациях REC (2003) 22 Комитета Министров Совета Европы «Об условно-досрочном освобождении», принятых от 24 сентября 2003 г. на 853-м заседании Кабинета министров, закреплены положения, которые с позиций криминологии необходимо регулярно изучать, с целью совершенствования национального законодательства европейских стран в вопросе применения ИДО:

«...43. Чтобы получить больше информации о правильности существующих систем условно-досрочного освобождения и их дальнейшем развитии, необходимо проводить их оценку и составлять статистику для предоставления информации о функционировании данных систем и эффективности достижения ими основных целей условно-досрочного освобождения.

44. Помимо ... этого должны поощряться исследования состояния систем условно-досрочного освобождения. Такие исследования должны включать позиции (в отношении условно-досрочного освобождения) судебных и распорядительных органов, исполнительных органов, потерпевших, представителей общества и заключенных.

К другим проблемам, подлежащим исследованию, относятся следующие: рентабельно ли условно-досрочное освобождение; уменьшает ли условно-досрочное освобождение уровень повторного совершения преступлений заключенными; степень ресоциализации заключенных, освобожденных условно-досрочно; влияние, которое развитие института условно-досрочного освобождения может оказать на назначение санкций (мер) и исполнение наказаний.

Также предметом подробных исследований должны быть программы подготовки к условно-досрочному освобождению.

45. Необходимо вести статистику по следующим вопросам: количество заключенных, освобожденных условно-досрочно, по отношению к числу заключенных, имевших право ходатайствовать о применении к ним условно-досрочного освобождения; срок назначенного наказания и преступления, за которые заключенные были осуждены; период отбытой части наказания до условно-досрочного освобождения; количество случаев отмены условно-досрочного освобождения; уровень рецидива (в т. ч. пенитенциарного), судимости и социально-демографические характеристики заключенных, освобожденных условно-досрочно.» [5].

Список цитированных источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. О практике назначения наказания в виде лишения свободы (по материалам обзора) [Электронный ресурс] : обзор Верховного Суда Респ. Беларусь от 1 янв. 2009 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. О назначении судами наказания в виде лишения свободы [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 25 марта 2009 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Европейские пенитенциарные правила Рес (2006) 2 (комментарий к тексту). – Донецк : Донецкий мемориал, 2007. – 68 с.
5. Рекомендации REC (2003) 22 Комитета Министров Совета Европы «Об условно-досрочном освобождении» [Электронный ресурс] : приняты 24 сент. 2003 г. на 853-м

заседании Кабинета министров // Официальный сайт Комитета за гражданские права. – Режим доступа: <http://zagr.org/480.html> – Дата доступа: 12.11.2020.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КОМПЕНСАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Буянова Ирина Владимировна

*соискатель Национального центра законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь*

Уголовно-правовая компенсация сравнительно новое понятие, введенное в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в 2015 г. В соответствии с ч.16 ст.4 УК под уголовно-правовой компенсацией понимается мера материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности либо обязано исполнить при применении иных мер уголовной ответственности. Уголовно-правовая компенсация является формой заглаживания вины перед обществом, призвана содействовать исправлению лица, совершившего преступление, восстановлению социальной справедливости и применяется только в случаях, предусмотренных УК.

Можно отметить, что введение уголовно-правовой компенсации породило достаточно большое количество противоречивых мнений.

Так, Е. В. Новикова считает, что законодательные изменения группы условий освобождения от уголовной ответственности, касающихся возмещения вреда, привели к их ужесточению путем сужения вариативности поведения виновного. Установление уплаты уголовно-правовой компенсации в качестве обязательного условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием независимо от характера причиненного преступлением вреда, роли лица в совершенном им преступлении, личности виновного и его материального положения ставит под сомнение соблюдение принципа справедливости, закрепленного в ч. 6 ст. 3 УК [1, с. 93].

Можно согласиться с данным автором в части отступления от принципа справедливости, но не в части ужесточения нормы. Однако, отступление от принципа справедливости возможно легко устранить законодательно, прописав минимальный и максимальный размер уголовно-правовой компенсации, в результате чего, сохранится возможность учета личности виновного и его материального положения и прочих обстоятельств, а сумма, подлежащая уплате, будет определяться в каждом конкретном случае индивидуально.

Д. М. Молчанов и А. С. Куликов считают, что уголовно-правовая компенсация сама по себе не преследует цель исправления осужденного, но должна помочь в достижении этой цели. Вместе с тем данные авторы отмечают, что заглаживание причиненного вреда можно рассматривать как определенный «маркер» исправления лишь в том случае, если это действие

совершенно добровольно, при отсутствии какого-либо принуждения. В случае же с уголовно-правовой компенсацией такое принуждение присутствует и прямо (поскольку ч. 16 ст. 4 УК говорит, что лицо «обязано исполнить»), и косвенно, поскольку, несмотря на то, что в этой же статье говорится «согласно принять», такое согласие прямо обусловлено негативными последствиями в случае отсутствия согласия – наступлением уголовной ответственности. Поэтому, касаясь уголовно-правовой компенсации, следует утверждать, что выплату определенной суммы как компенсации за нанесенный преступлением вред можно рассматривать как акт заглаживания вины сам по себе. Но заглаживание вины в данном случае можно рассматривать лишь как объективное проявление (сделана денежная выплата) вне связи с возможным достижением цели исправления [2, с. 127].

Данная точка зрения может быть подвергнута критике. Говоря о принудительном характере уголовно-правовой компенсации, вышеупомянутые авторы забывают, что все уголовное право пронизано принуждением в силу специфики уголовно-правовых отношений. Лицо, совершившее общественно опасное деяние, по общим правилам, обязано понести наказание, но в некоторых особых случаях применяется освобождение от уголовной ответственности, которое не может быть всего лишь альтруистским актом милосердия. Акт освобождения от уголовной ответственности должен через свою систему воздействия повлиять на лицо, дабы оно могло прочувствовать разнoвариантность развития подобных отношений, участником которых оно стало, и в последующем, выполнив установленные уголовным законом условия, не вступать своим поведением в конфликт с уголовным законом.

Что касается согласия принять уголовно-правовую компенсацию из-за неминуемых негативных последствий в случае отказа от ее уплаты, то подобная мысль представляется весьма странной, так как все условия, оговоренные в ст. 88 УК, исполняются лицом, дабы не быть осужденным, и что именно им движет – страх или другие эмоции – не имеет значения, так как человек готов к их выполнению.

И. М. Сеница считает, что введение социальной (уголовно-правовой) компенсации как специфической меры фискального воздействия вместо наказания (как правило, лишения свободы) за совершение тяжкого ненасильственного преступления приемлемо в отношении лиц, совершающих корыстные преступления, особенно в сфере экономической деятельности. В борьбе с преступлениями, имеющими финансовую, имущественную подоплеку, целесообразнее применять меры того же характера, то есть меры, причиняющие урон именно материальным интересам виновного. Такие способы реагирования на преступления корыстной направленности, во-первых, не снижают предупредительный потенциал уголовной ответственности; во-вторых, компенсируют государственные затраты, связанные с исполнением наказания в виде лишения свободы [3, с. 604–605].

Полагаем, что уголовно-правовая компенсация рассматривается И. М. Синицей только в контексте содержания иных мер уголовной ответственности, а именно, условного неприменения наказания, и никоим образом не затрагивает институт освобождения от уголовной ответственности, в рамках которого ее применение прописано в ст. 82 УК, где она является одним из условий освобождения от уголовной ответственности.

По мнению Г. А. Василевича, уголовно-правовая компенсация – это своего рода штраф за неправомерные действия. По своей сути «уголовно-правовая компенсация» кроме штрафного характера является еще и заглаживанием лицом своей вины перед обществом, компенсацией затрат государства, а, значит, и налогоплательщиков, в связи с осуществлением следствия, судебного разбирательства. Ведь аппарат указанных органов содержится за счет налогоплательщиков, и компенсация может не покрывать все понесенные расходы, включая заработную плату судей, следователей и др. [4].

Говоря об уголовно-правовой компенсации, нельзя не затронуть вопрос о ее соотношении с системой *мер уголовно-правового воздействия* как правовой категорией. Стоит отметить, что категория мер уголовно-правового воздействия не является новой для отечественной уголовно-правовой науки. Уголовно-правовое воздействие употреблялось в различных смысловых значениях, но чаще всего с ним связывалось уголовное наказание как наиболее значимая мера воздействия на лиц, совершивших преступления.

Э. А. Саркисова отмечает, что в рамках уголовного права при определении сущности уголовно-правового воздействия речь должна идти, прежде всего, о мерах такового, то есть о таких средствах, которые способны оказать соответствующее (результативное) влияние (воздействие) на его объект. Поэтому, чтобы определить сущность уголовно-правового воздействия, нужно обратиться сначала к решению вопроса о том, что конкретно может служить его мерой, каковы должны быть признаки такой меры [5, с. 14].

На наш взгляд, уголовно-правовая компенсация должна стать, во-первых, одной из результативных мер уголовно-правового воздействия в рамках реализации альтернативных наказанию мер уголовной ответственности и, во-вторых, одним из восстановительно-реабилитационных условий освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, применимым по большинству видов освобождения, связанным с постпреступным поведением виновного лица [6, с. 14–15].

Чтобы уголовно-правовая компенсация не противоречила принципу справедливости, необходимо обозначить ее минимальный и максимальный размер, как это сделано в ч. 5 ст. 78 УК. В связи с этим, предлагаем изложить ч. 1 ст. 82 УК, касаемо уголовно-правовой компенсации, в следующей редакции:

«Статья 82. Общие положения освобождения от уголовной ответственности

1. В качестве условия освобождения от уголовной ответственности в статьях 87, 88, 89 настоящего Кодекса предусмотрена уплата уголовно-правовой компенсации в размере от тридцати до ста базовых величин.

Решение об освобождении лица от уголовной ответственности принимается после ее внесения на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс. Лицо может быть освобождено от уплаты уголовно-правовой компенсации в исключительных случаях, связанных с тяжелым материальным положением. Уплата уголовно-правовой компенсации не освобождает лицо от обязанности возместить причиненный преступлением ущерб (вред) и (или) уплатить доход, полученный преступным путем, если указанные условия предусмотрены в качестве таковых для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности.».

Таким образом, можно смело констатировать, что уголовно-правовая компенсация должна стать эффективным инструментом в системе мер уголовно-правового воздействия ввиду большого потенциала ее исправительных возможностей, а также эффективным средством при применении института освобождения от уголовной ответственности.

Список цитированных источников

1. Новикова, Е. В. Об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием / Е. В. Новикова // Право.by. – 2015. – № 6 (38). – С. 88–93.
2. Молчанов, Д. М. Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь: сравнительный анализ / Д. М. Молчанов, А. С. Куликов // Актуальные проблемы рос. права. – 2017. – № 12 (85). – С. 125–134.
3. Сеница, И. М. Уголовно-правовая компенсация как элемент реализации восстановительной функции уголовной ответственности в Республике Беларусь / И. М. Сеница // Теория и практика соврем. науки. – 2017. – № 12 (30). – С. 602–605.
4. Василевич, Г. А. Повышение эффективности уголовно-правовых мер материально характера как средство противодействия коррупции / Г. А. Василевич // ЭТАЛОН. Правоприменительная практика / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Саркисова, Э. А. Теоретические основы уголовно-правового воздействия / Э. А. Саркисова // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч. ст. / Э. А. Саркисова [и др.] ; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск : Бизнесофсет, 2016. – Вып. 2, посвящ. 80-летию проф. Э. А. Саркисовой. – С. 11–30.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Верховодко Ирина Ивановна

*старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета
Белорусского государственного университета*

Будучи инкорпорированной в ст. 117 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) 1999 г., система принудительных мер воспитательного

характера (далее – ПМВХ) с того времени не претерпела каких-либо существенных изменений, невзирая на перманентную научную полемику, в рамках которой высказывались разноречивые идеи – от дальнейшего развития таких мер до предложений об исключении их из УК.

Вместе с тем, необходимость существования и дальнейшего развития данного института не вызывает сомнений, поскольку несовершеннолетние являются лицами с неполной социальной и психологической зрелостью, характеризующимися зачастую меньшими, по сравнению со взрослыми правонарушителями, характером и степенью общественной опасности, что очевидно необходимо учитывать при привлечении несовершеннолетних к уголовной ответственности и назначении им наказания и иных мер уголовно-правового воздействия за совершенные преступления.

Необходимость учета этих обстоятельств, предоставления несовершеннолетним специальной охраны их прав и положения ввиду их физической и психической (умственной) незрелости, закреплена и в международных правовых актах, посвященных охране ребенка, в частности, в Декларации прав ребенка 1959 г. [1], Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г. [2], и др.

В названных документах отражена необходимость применения более лояльного режима отношения к несовершеннолетнему правонарушителю по сравнению со взрослым преступником, обеспечения ему необходимых условий обращения, неукоснительного соблюдения его прав, избежания избыточных мер наказания и применения альтернативных мер, соизмеримых с обстоятельствами и тяжестью преступления, учитывающих соотношение положения и потребностей несовершеннолетнего с интересами общества.

Учитывая изложенное, перспектива системы ПМВХ как уголовно-правовой реакции на общественно-опасные деяния несовершеннолетних, по нашему мнению, состоит в дальнейшем ее развитии и детализации.

В литературе отмечаются особенности изложения самих ПМВХ, а также порядка их применения в УК Республики Беларусь 1999 г. [3], при том, что в уголовных кодексах большинства стран на постсоветском пространстве также содержатся рассматриваемые меры и регламентируются возможность и условия их применения в отношении несовершеннолетних [4]. В белорусском УК отсутствует «двойственное» положение ПМВХ: они полностью заменяют уголовное наказание, хотя сами таковым не являются в силу отсутствия карательного содержания, а также представляют собой отдельную форму реализации уголовной ответственности, т.е. суд применяет их, вынося обвинительный приговор, в результате чего несовершеннолетний приобретает судимость. Такой подход к регламентации ПМВХ в УК Республики Беларусь был сформулирован и обоснован профессором В. М. Хомичем [5].

В уголовном законодательстве России, в то же время, данная проблема разрешена путем применения различных форматов разрешения уголовного дела с применением принудительных мер воспитательного воздействия (далее –

ПМБВ) в зависимости от тяжести совершенного несовершеннолетним деяния. Так, при разрешении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, суд может вынести постановление о прекращении уголовного преследования несовершеннолетнего и применении к нему ПМБВ (ст. 427 УПК РФ) либо обвинительный приговор и применить указанные меры вместо наказания (ч. 1 ст. 432 УПК РФ) [6].

При этом российское уголовное законодательство предусматривает в отношении несовершеннолетних при совершении ими преступлений небольшой или средней тяжести два варианта развития событий:

1) возможность освобождения их от уголовной ответственности с назначением одной из четырех указанных в ч. 2 ст. 90 УК России [7] ПМБВ: (предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего), либо

2) освобождение от наказания (ст. 92 УК России) с применением тех же (одной или нескольких) четырех ПМБВ, предусмотренных в ч. 2 ст. 90 УК, а также применима пятая мера воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образования – при осуждении несовершеннолетнего за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления к наказанию в виде лишения свободы, освободив его от этого наказания (ч. 2 ст. 92 УК РФ).

Таким образом, одни и те же ПМБВ в России применяются в различном уголовно-правовом статусе и, соответственно, имеют различия в правовых последствиях, что, на наш взгляд, слишком размывает статус указанных мер. По сути содержание применяемых мер одинаково, тогда как юридические последствия применения одной и той же меры разные.

В ч. 2 ст. 117 УК Республики Беларусь перечислены пять видов ПМБХ:

1) предостережение;

2) возложение обязанности публично или в иной форме, определяемой судом, принести извинение потерпевшему;

3) возложение на несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, обязанности возместить своими средствами или устранить своим трудом причиненный ущерб при условии, что несовершеннолетний имеет самостоятельный заработок и размер ущерба не превышает его среднемесячного заработка (дохода);

4) ограничение свободы досуга несовершеннолетнего на срок от одного до шести месяцев;

5) помещение несовершеннолетнего на срок до двух лет, но не более чем до достижения им восемнадцатилетнего возраста в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение.

Указанные ПМБХ условно можно разделить на две группы:

1) не связанные с ограничением прав несовершеннолетнего (предостережение и возложение обязанности ... принести извинения потерпевшему);

2) связанные с ограничением прав несовершеннолетнего (остальные три ПМВХ, указанные в ч. 2 ст. 177 УК).

На наш взгляд, при очевидной необходимости регламентации в УК специальных мер в отношении несовершеннолетних, не все из них «заслуживают» уровня именно уголовно-правовой реакции на совершаемое деяние. Рассмотрим первую из них.

Предостережение состоит в разъяснении несовершеннолетнему последствий повторного совершения преступления (п. 1 ч. 2 ст. 117 УК). В России содержание сходной меры (предупреждение) дополнено также разъяснением несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием (ч. 1 ст. 91 УК РФ). Указанная мера, скорее напоминает, административную процедуру, чем меру уголовно-правового воздействия. Обязанность по ее исполнению со стороны несовершеннолетнего состоит лишь в восприятии информации. Аналогичная мера («предупреждение») содержится в ст. 6.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) в качестве основного административного взыскания (ст. 6.3 КоАП) [8]. По содержанию она состоит в письменном предостережении лица о недопустимости противоправного поведения. Согласно ч. 3 ст. 4.6 КоАП, указанная мера может налагаться на несовершеннолетних независимо от того, предусмотрена ли она в санкции статьи Особенной части КоАП.

Исходя из критериев назначения предостережения как ПМВХ, ее эффективное применение возможно в отношении лица, не обладающего повышенной степенью общественной опасности, иначе не будут обеспечены цели уголовной ответственности. Следовательно, все уголовно-правовое воздействие сводится лишь к профилактическому наблюдению, а также к выполнению обязанностей, возложенных на осужденного в соответствии со ст. 81 УК (ч. 5 ст. 117 УК), что порождает возникающий в результате обвинительного приговора статус судимости. Целесообразно ли это в отношении лица в возрасте 14–18 лет, предшествующее поведение которого, а также совершение им, например, впервые, нетяжкого преступления, позволяет полагать, что его исправление возможно при минимальном воздействии со стороны государства? Справедливости ради стоит отметить, что концепция тотальной судимости несовершеннолетних имеет определенный смысл в условиях существующего менталитета судебной системы, имеющего обвинительный уклон. Здравое зерно здесь состоит в том, что суды склонны чаще применять ПМВХ, осуждая при этом несовершеннолетнего, нежели в чистом виде освобождать его от уголовной ответственности или наказания. Вместе с тем, такие соображения продиктованы более прагматичным подходом, который не может быть поставлен в основу построения норм уголовного права в длительной перспективе.

Судимость, которая носит не только материальное выражение в виде определенных обязательств, но и морально-нравственные последствия, на наш взгляд, в данном случае чрезмерна, тогда как само предостережение как принудительная мера не имеет выраженного уголовно-правового характера. Многими учеными и практиками отмечается тот факт, что применение избыточных мер, связанных с последствиями привлечения к уголовной ответственности, создание у несовершеннолетнего криминальной парадигмы, способствуют его объективной криминализации вне связи с тяжестью совершенного преступления.

Кроме того, данная ситуация не вполне корреспондирует общим основам освобождения от уголовной ответственности, закрепленным в уголовном законе, когда субъект не приобретает судимости, в том числе взрослый, также в случае совершения нетяжкого преступления (например, ст. 86 УК). В связи с изложенным целесообразно исключить предостережение из перечня ПМВХ в ст. 117 УК, оставив возможность его применение комиссиями по делам несовершеннолетних, как это регламентировано источниками административного права. Несовершеннолетнего, «заслужившего» необходимость лишь минимального исправительного воздействия в силу малой своей общественной опасности и общественной опасности совершенного деяния этом случае целесообразно освобождать от уголовной ответственности. Разъяснение последствий совершения общественно-опасных деяний повторно, как и причиненного таким деянием вреда, включено в обязанности всех правоохранительных органов, а также иных органов, учреждений и лиц, чья деятельность направлена на профилактику не только преступлений, но и правонарушений [9].

Профессор В. М. Хомич справедливо обратил внимание в Методических рекомендациях по вопросу практического применения положений Концепции при назначении наказания и иных мер уголовной ответственности на «глубокую дифференциацию и индивидуализацию назначения наказаний и иных мер уголовной ответственности ... с применением «пошаговой» системы назначения...», т. е. «по всему спектру нетяжких преступлений ... ориентироваться на применение наказаний и иных мер уголовной ответственности, не связанных с изоляцией осужденных от общества, сохраняя потенциал наказания ... на «будущее» (с учетом возможности и степени прогноза рецидива со стороны обвиняемых, впервые совершивших преступление)» [10; 11, с. 308–309]. ПМВХ в этом отношении обеспечивают такое постепенное дифференцированное уголовно-правовое воздействие на такую особую категорию лиц, как несовершеннолетние, с их особым психоэмоциональным состоянием в возрасте 14–18 лет. С учетом изложенного, остается актуальным разработка и совершенствование рассматриваемых мер.

Список использованных источников

1. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml. – Дата доступа: 30.10.2020.

2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс] : приняты резолюцией 40/33 Генер. Ассамблеи, 29 нояб. 1985 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml. – Дата доступа: 30.10.2020.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : научно-практический комментарий / Т. П. Ахраменко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

4. Нагорнов, К. И. Судимость при применении принудительных мер воспитания: критический анализ концепции, регламентированной в УК Беларуси / К. И. Нагорнов // Право и политика. – 2020. – № 2. – С. 8–22.

5. Хомич, В. М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (концепция и правовая модель института уголовной ответственности) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12. 00.08 / В. М. Хомич. – Минск, 1997. – 287 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 3 июня 1996 г. № 63-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г. № 194-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

10. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

11. Хомич, В. М. Методические рекомендации по вопросу практического применения положений концепции при назначении наказания и иных мер уголовной ответственности / В. М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.] ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск : БГУФК, 2011. – Вып. 4. – С. 307–314.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Гилинский Яков Ильич

*профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

Существует различное понимание понятий «уголовная ответственность», «уголовно-правовое воздействие», «уголовное преследование». Не вдаваясь в дискуссию, будем понимать под уголовной ответственностью *наказание*, как «меру государственного принуждения» (ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), применяемую за «совершение деяния,

содержащего все признаки состава преступления», предусмотренного уголовным законом (ст. 8 УК РФ).

Во все времена, в каждом обществе, государстве предпринимались усилия для сокращения и предупреждения деяний, нарушающих принятые поведенческие нормы, как моральные, так и правовые. Государство, его органы власти устанавливают обязательные правила поведения, нарушение которых влечет меры государственного принуждения, включая наказание за совершенные недозволенные деяния (преступления).

Тысячелетиями государство (1) устанавливало, что именно, какие деяния признаются *преступными*, (2) какие меры ответственности, *наказания* должны последовать за совершенные преступления и (3) реально *наказывало* (приводило приговор в исполнение).

Но преступность не удалось «ликвидировать», преодолеть ни в одной стране.

И это не удивительно. Во-первых, все сущее в обществе выполняет какие-либо социальные функции, а потому не элиминировано в процессе человеческой истории. «Все действительное разумно» (Гегель), «имеет основания», функционально. Многочисленные социальные функции преступности (инновационная, экономическая, политическая, интегративная – «еще теснее сплотиться в борьбе») описаны в литературе, включая публикации А. М. Яковлева [1; 2]. Э. Дюркгейм писал: «Преступность – нормальное явление, потому что общество без преступности совершенно невозможно» [3]. Во-вторых, «преступность», «преступление» – суть *социальные конструкты*, которые общество в лице государства само «выдумывает» и само с ними «борется». Достаточно вспомнить преследование «ведьм» в средневековой Европе, смертную казнь в средневековой Испании за курение табака, уголовную ответственность в СССР за мужеложство, а в современной России за «оскорбление чувств верующих» и т. п. «Термин *преступление* есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка (*invention*) людей» [4, с. 2]. В-третьих, и это главное, постепенно начинает осознаваться тот факт, что применение наказаний, особенно жестоких, не приводит к сокращению преступлений. О «кризисе наказания» криминологи говорят с 1970-х гг. Проблема эффективности / не эффективности наказаний – одна из главных проблем современной науки (криминологии) и правоприменительной практики. Так, в результате авторского контент-анализа программ ежегодных конференций Европейского общества криминологии (European Society of Criminology) оказалось, что если на 1-й конференции в 2001 г. (г. Лозанна, Швейцария) было 20 докладов, посвященных социальному контролю над преступностью, то на 18-й конференции в 2018 г. (г. Сараево, Босния) их было уже более 200, не считая 100, посвященных целиком деятельности полиции.

Цели наказания и возможности их достижения

В разные исторические периоды, в различных государствах провозглашались различные цели наказания: возмездие, кара, предупреждение, перевоспитание и др. Некоторым итогом можно считать цели наказания, предусмотренные в ст. 43 УК РФ: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Восстановление социальной справедливости (современный «мягкий» аналог возмездия, кары). Но что такое «социальная справедливость»? Где ее определение? И с чьей точки зрения? С точки зрения потерпевшего? Виновного? Родственников жертвы? Родственников подсудимого? Обвинителя? Защитника? По мнению одних, смертная казнь – справедливое возмездие. По мнению других (включая автора этих строк) – недопустимое убийство государством.

Исправление осужденного. Исправить наказанием нельзя никого. Ни провинившегося школьника, ни преступника. (Это скорее знают педагоги, психологи, чем понимают юристы). Особенно – преступника. Если преступление совершенно по неосторожности – вообще некого «исправлять». Если умышленно – виновный может «исправиться» сам (раскаяние, осознание неправоты совершенного), или под влиянием родных, близких, товарищей. Или – не «исправиться». Если наказание в виде смертной казни, то ни о каком исправлении вообще речь не идет. Если лишение свободы – то отнюдь не в российских и им подобным тюрьмах или колониях с их невыносимыми условиями содержания и пытками... Да, в тюрьмах Финляндии, Норвегии, Швеции пытаются применять не репрессивные методы ресоциализации, реадaptации, коррекции [5]. Но и в этом случае речь идет не столько об «исправлении», сколько о помощи и возможном воздержании от новых преступлений. И все же какой-то рецидив, пусть меньший, чем в России (51,6 % в 2018 г.) и США (свыше 50 %), неизбежен (в Норвегии порядка 20 %).

Как известно, под предупреждением новых преступлений подразумеваются *общее и частное* предупреждение.

Общее предупреждение преступлений. «Преступления» были, есть и будут всегда, пока существуют государства. Государство определяет, что именно считать «преступлением» здесь и сейчас. «Преступности» и «преступлений» по содержанию деяний не существует. Умышленное причинение смерти другому человеку может быть преступлением (убийство), подвигом (чем больше убил врагов, тем почетнее) или юридически нейтральным (работа палача, деяние в состоянии необходимой обороны, легализованная эвтаназия). За всю историю человечества самые жестокие наказания не смогли сократить уровень преступности, которая зависит от многочисленных экономических, социальных, политических, культурологических факторов.

Частное предупреждение. Иначе говоря, предупреждение рецидива со стороны лица, уже совершившего преступление. Профессор Т. Матисен показал в 1974 г. на основе изучения статистики рецидивной преступности в европейских странах, что уровень рецидива сохраняется относительно постоянным для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует

о неэффективности специальной превенции [6]. Отсюда Т. Матисен сделал вывод о «кризисе наказания».

Таким образом, наказание не выполняет ни одной из возложенных на него функций. «Действующая в современных условиях система уголовного права ... не способна реализовать декларируемые цели, что во многих странах откровенно определяется как кризис уголовной юстиции» [7]. Вот почему прав профессор Х. Йешек – крупнейший немецкий специалист в области уголовного права, призвавший отменить уголовный закон, как нарушающий права и свободы человека [8, с. 3]. Другое дело, что человечество пока не готово выполнить это разумное предложение...

Перспективы?

Конечно, само провозглашение некоторых деяний преступными, сама возможность понести наказание за их совершение носит в какой-то мере, пусть незначительной, сдерживающий характер. Отказаться в принципе от системы уголовного права и наказания за опасные, преступные деяния общество не может (не готово). Но тогда встает проблема (а) обоснованности отнесения тех ли иных, действительно опасных, деяний к числу «преступных» и (б) оптимизации системы наказаний, минимизации их вредных последствий.

Криминализации подлежат только действительно опасные деяния. Неосновательное расширение перечня преступных деяний ведет к высокой их латентности, к необоснованным уголовно-правовым репрессиям, подрывают веру в закон.

Очевидны пути *сокращения негативных последствий* наказаний: безусловная отмена смертной казни (как убийства государством) во всем мире; приоритет наказаний, не связанных с лишением свободы (в Японии 85 % осужденных приговаривается к штрафным санкциям); лишение свободы применяется только в отношении совершеннолетних лиц и, как правило, только за тяжкие насильственные преступления (в Японии к лишению свободы приговариваются 3,5–4,5 % всех осужденных); отказ от пожизненного лишения свободы, применение на практике сроков лишения свободы преимущественно до 3–5 лет (средний срок лишения свободы в европейских странах в 2017 г. – 1 год 8 месяцев); условия отбывания наказания в виде лишения свободы должны носить не репрессивный, а восстановительный характер.

Список цитированных источников

1. Яковлев, А. М. Теория криминологии и социальная практика / А. М. Яковлев. – М. : Наука, 1985. – 248 с.
2. Яковлев, А. М. Социология преступности (криминология). Основы общей теории / А. М. Яковлев. – М. : Содействие новый век, 2001. – 238 с.
3. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности. – М. : Прогресс, 1966. – С. 39–44.
4. Robinson, M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of Antisocial Behavior / M. Robinson. – NJ : Pearson. Prentice Hall, 2004. – 345 p.
5. От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И. Г. Ясавеев. – Хельсинки : Нац. исслед. ин-т правовой политики, 2012. – 200 с.

6. Mathisen, T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory / T. Mathisen // Scandinavian Studies in Criminology. – Oslo–London, 1974. – 222 p.

7. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 400 с.

8. Jescheck, H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl / H.-H. Jescheck. – Berlin: Duncker & Humblot, 1988. – 931 p.

АЛКОГОЛЬНОЕ ОПЬЯНЕНИЕ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КАК УСЛОВИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Горбель Алеся Григорьевна

*адъюнкт учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»*

Динамичное развитие и совершенствование белорусского народа требует приведения всех сфер его жизнедеятельности в соответствие с установленными высоконравственными правилами и научно обоснованными представлениями, нормами действующих нормативных правовых актов. Этот процесс предполагает поступательное преодоление различных негативных явлений и социальных отклонений, заражающих современное общество, включая пьянство и алкоголизм. Следует отметить, что для распространения данных негативных явлений не существует границ.

По мнению Всемирной организации здравоохранения, одним из видов последствий пьянства и алкоголизма значатся проблемы для общества, к которым относятся нарушения общественного порядка, дорожно-транспортные происшествия, несчастные случаи, расходы на охрану правопорядка и иное [1, с. 272]. Согласно Конституции Республики Беларусь человек, его права, свободы и гарантии их реализации выступают основной целью общества и государства. В связи с чем государственные органы в соответствии со своей компетенцией обеспечивают защиту прав и законных интересов граждан от преступных посягательств. Качественные и количественные показатели преступности позволяют говорить о том, что наибольшую общественную опасность представляют преступления, совершаемые лицами в состоянии алкогольного опьянения. Вследствие чего привлечение лиц в состоянии алкогольного опьянения к уголовной ответственности способствует выявлению и устранению различных проблем, непосредственно затрагивающих обеспечение общественной безопасности и правопорядка.

В современном мировом сообществе совершенствование законодательства по привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, является актуальным для большинства развитых и развивающихся стран, так как среди многочисленного спектра

факторов, влияющих на состояние и динамику преступности в Республике Беларусь, пьянство и алкоголь выступают своеобразным катализатором, стимулирующим преступное поведение. Особенно важно своевременно проанализировать характер пьянства и тенденции, способствующие масштабному распространению данного асоциального явления. В этой связи исследованиям и предложениям ученых уголовного права, криминологов, взаимодействующим с представителями философии и социологии должна отводиться главная роль при разработке стратегии системного подхода по совершенствованию законодательства в борьбе с пьяной преступностью.

На первый взгляд криминогенная роль обычного бытового пьянства заключается в оказании довольно существенного воздействия на интеллектуальный уровень, эмоциональное состояние, волевые процессы граждан, употребляющих спиртные напитки, что в совокупности определяет причины и условия преступного поведения субъекта. В большинстве случаев при рассмотрении уголовных дел в судебных инстанциях устанавливается, что человек, находясь в состоянии алкогольного опьянения в момент совершения преступного деяния, при этом положительно характеризуясь по месту жительства либо работы, повел себя диаметрально противоположно. При таких обстоятельствах нельзя не согласиться с народной мудростью о том, что «вино вину творит».

Противоправное пьянство – это такое употребление алкогольных напитков, которое связано с антисоциальным и противоправным поведением, нарушающим общественный порядок. Следовательно, к данному виду асоциального явления относится разная форма употребления спиртных напитков независимо от принятой дозы и степени наступившего опьянения, при котором обязательным условием должно выступать противоправное и антисоциальное поведение человека [2, с. 13].

В ст. 27–33 главы 5 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь содержится перечень условий, при наступлении которых наступает уголовная ответственность. В частности, в ст. 30 УК Республики Беларусь закреплено, что лицо, совершившее преступление в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности.

Кроме того, совершение преступления лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, входит в перечень обстоятельств, отягчающих ответственность (п. 17 ст. 64 УК).

Следует отметить, что законодательное закрепление уголовной ответственности за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, является традиционным для Беларуси. Подобные нормы имели место в различных памятниках права: Русской правде, статутах Великого княжества Литовского, Соборном уложении, Артикуле воинском и других правовых актах СССР и БССР. Данное обстоятельство, прежде всего, продиктовано асоциальной ролью алкогольного опьянения и его общественной опасностью. С помощью

спиртных напитков с легкостью в преступную деятельность втягиваются не только взрослые, но и несовершеннолетние. Кроме того, алкоголь все чаще упоминается судебными органами при рассмотрении множества уголовных дел как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность.

В криминальной деятельности складывается негативная тенденция: одни пьют, чтобы решительнее идти на «дело», другие совершают преступления, так как были пьяны, а третьи воруют, чтобы снова заполучить очередную дозу алкоголя. В состоянии алкогольного опьянения совершаются порой самые жестокие убийства, где человеческая жизнь сопоставляется с ценой бутылки водки. Основной целью многих хищений выступает желание легко и быстро завладеть денежными средствами для приобретения очередной бутылки спиртного напитка. Такие примеры достаточно ярко показывают, как тесно переплетаются между собой пьянство и преступность.

С целью исключения негативных последствий алкогольного опьянения для самого лица, совершившего преступление, и в дальнейшем для общества и государства при назначении наказаний лицам, совершившим преступления в состоянии алкогольного опьянения, могут быть применены принудительные меры безопасности и лечения от хронического алкоголизма.

В перспективе необходимо постоянно осуществлять и анализировать данные по потреблению населением Беларуси алкогольных напитков, состоянию и динамике развития пьяной преступности. Полученные сведения будут выступать положительными предпосылками для своевременного совершенствования уголовного законодательства, а также повышения эффективности деятельности правоприменительных органов в противодействии общественно опасным деяниям со стороны лиц, злоупотребляющих спиртными напитками.

Список цитированных источников

1. Социальные отклонения. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрид. лит., 1989. – 368 с.
2. Барановский, Н. А. Борьба с пьянством как асоциальным поведением / Н. А. Барановский ; под. ред. Е. М. Бабосова. – Минск : Наука и техника, 1987. – 64 с.

АБ ПЕРСПЕКТЫВАХ ПАШЫРЭННЯ АБ'ЕКТАЎ ДАСЛЕДАВАННЯ КРЫМІНАЛАГІЧНАЙ ЭКСПЕРТЫЗЫ

Гучок Аляксандр Яўгенавіч

*Старшыня Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь,
доктар юрыдычных навук, дацэнт*

На неверагодна шырокай кніжнай палічцы аўтарскіх навуковых работ доктара юрыдычных навук, прафесара, заслужанага юрыста Рэспублікі Беларусь У. М. Хоміча побач з выдатнымі фундаментальнымі працамі па праблемах крымінальнай адказнасці, па актуальных і надзвычай важных накірунках крымінальнага права і працэсу, крымінальна-выканаўчага права, крыміналогіі, аператыўна-вышуковай дзейнасці і інш. выклікаюць асабліваю цікавасць

і павышаную ўвагу публікацыі, прысвечаныя крыміналагічнай экспертызе нарматыўных прававых актаў [1]. Яны сталі сапраўдным падмуркам распрацоўкі прынцыпова новага накірунку навукова-практычнай дзейнасці і натхнілі на творчы пошук значную колькасць маладых даследчыкаў.

Варта адзначыць, што прафесар У. М. Хоміч ўзначаліў дзяржаўную ўстанову «Навукова-практычны цэнтр праблем умацавання законнасці і правапарадку Генеральнай пракуратуры Рэспублікі Беларусь» з моманту яе заснавання, з самых першых, найбольш складаных дзён яе станаўлення, і прыняў на сябе ўсю паўнату адказнасці за распрацоўку канцэпцыі, а далей і методыкі правядзення крыміналагічнай экспертызы праектаў нарматыўных прававых актаў [2].

Сёння ж відавочна, што першы на постсавецкай прасторы вопыт арганізацыі і правядзення такой экспертызы ў спецыялізаванай установе – Навукова-практычным цэнтры Генеральнай пракуратуры Рэспублікі Беларусь – стаў не проста станючым. Паспяховыя навуковыя і метадычныя распрацоўкі калектыву беларускіх экспертаў-крыміналагаў і іх практычная дзейнасць з'яўляюцца ўзорам міжнароднага ўзроўню арганізацыі і якасці работы па выяўленню рызыкаў крымінагеннага характару ў праектах нарматыўных прававых актаў.

Абавязкова трэба звярнуць увагу і на перспектывы пачатак, можна нават сказаць футуралагічнасць, самой творчай задумы крыміналагічнай экспертызы нарматыўных прававых актаў у фармаце, які рэалізаваны ў Беларусі пад кіраўніцтвам прафесара У. М. Хоміча. Яго сутнасць накіроўвае на пашырэнне кола аб'ектаў крыміналагічнай экспертызы. А методыка даследавання праектаў нарматыўных прававых актаў з мэтай выяўлення рызыкаў крымінагеннага характару з'явілася вельмі ўдалым прататыпам для крыміналагічнай экспертызы новых тэхналогій і тэхнічных прылад, а таксама іх праектаў, канструктарскіх рашэнняў, вопытных узораў і інш.

Галоўным чынам, гэта абумоўлена спецыфікай метадалогіі крыміналагічнай экспертызы, якая ўяўляе сабой складаную, шматузроўневую з'яву: з аднаго боку, крымінагеннасць нормаў і адносін можа вывучацца ў рамках парадыгмаў прававой, культурнай, эканамічнай, сацыяльнай, этычнай і іншых сацыяльных сістэм, у рамках якіх фармулюецца ўласнае паняцце правапарушэння (дэлікта); з другога – крымінагеннасць нормаў разумеецца як разнавіднасць іх эфектыўнасці (адпаведнасці мэтай дасягнутым вынікам і выкарыстаным пры гэтым рэсурсам) і прадугледжвае іх вывучэнне ў рамках такіх прававых парадыгмаў, як філасофская, сацыялагічная, камунікатыўная, інтэгратыўная і г. д. [3].

Згодна з думкай С. А. Калініна, у рамках філасофскай прававой парадыгмы разглядаюцца вобразы права і правапарушэння, якія склаліся ў канкрэтным сацыяльным светапоглядзе і апасродкаваны іншымі сацыяльнымі рэгулятарамі.

У рамках сацыялагічнай прававой парадыгмы разглядаюцца мадэлі сацыяльных паводзін, якія складваюцца ў ходзе сацыяльнага ўзаемадзеяння, а таксама сістэм сацыяльнага вырашэння канфліктаў. Права ў гэтым выпадку

выступае адной з рэгулятыўных сістэм, якія ўзаемадзейнічаюць з іншымі правіламі паводзін.

У рамках камунікатыўнай прававой парадэгмы права паўстае як сродак, які забяспечвае функцыянаванне камунікацый паміж суб'ектамі. Пры гэтым права (норма) выступае другой з'явай у адносінах да камунікацыі, якая склалася альбо складаецца, і якая апасродкавана іншымі сацыяльнымі рэгулятарамі, а само права стварае новую мадэль правамернай камунікацыі.

У рамках інтэгральнай парадэгмы праваразумеання права разглядаецца праз сувязь з нацыянальнымі каштоўнасцямі і стэрэатыпамі паводзін, праз прызму гістарычнай перспектывы канкрэтнага соцыума. Дадзены падыход сінтэзуе дасягненні вышэйназваных парадэгмаў у рамках адной каштоўнай сістэмы.

Выходзячы з гэтага, становіцца відавочнай выснова аб тым, што метадалогія крыміналагічнай экспертызы ў рамках толькі прававой парадэгмы – недастатковая па прычыне фармальнасці права як сістэмы норм, якую ацэньвалі ў адрыве ад сацыяльнай практыкі [3].

Адным з першых крокаў у пашырэнні накірункаў выкарыстання крыміналагічных ведаў стала прапанова вырашэння пытанняў ўдасканалення дзейнасці па барацьбе з тэрарызмам шляхам распрацоўкі метадыкі і ў далейшым сістэмнага правядзення крыміналагічных экспертыз пазначаных вышэй аб'ектаў (новых тэхналогій і тэхнічных прылад, а таксама іх праектаў, канструктарскіх рашэнняў, вопытных узораў і інш.) з мэтай выяўлення іх характарыстык, эксплуатацыйных ўласцівасцяў і магчымасцяў, выкарыстанне якіх можа спрыяць узнікненню рызыкаў крымінагеннага характару, што ў сваю чаргу адкрывае перспектывы распрацоўкі эфектыўных падыходаў да прагназавання, прафілактыкі і спынення тэрарыстычных актаў з выкарыстаннем пры іх здзяйсненні такіх тэхнічных сродкаў і тэхналогій [4].

Пры гэтым адзначалася, што даследчы этап метадыкі правядзення крыміналагічнай экспертызы тэхнічных сродкаў і тэхналогій павінен ўключаць у сябе алгарытм пабудовы мадэлі злавачных падзей, якая адлюстроўвае магчымасць выкарыстання таго ці іншага з названых аб'ектаў у якасці элемента структуры злачынства, напрыклад, сродка яго здзяйснення.

Аднак, на нашу думку, і прыведзены вышэй пералік аб'ектаў крыміналагічнай экспертызы не з'яўляецца вычарпальным. Ужо даўно з'явілася неабходнасць даследаваць з выкарыстаннем спецыяльных ведаў у галіне крыміналогіі сутнасць пэўных падзей і з'яў лакальнага, агульнадзяржаўнага і міжнароднага ўзроўню, якія набліжаюцца ў каротка-, сярэдне- ці доўгатэрміновай перспектыве. У прыватнасці, гэта пандэміі, электаральныя і пасляэлектаральныя кампаніі, іншыя значныя грамадска-палітычныя падзеі і галоўнае – іх наступствы.

Выяўленне пры іх вывучэнні пэўных дэтэрмінантаў, якія могуць выклікаць узнікненне рызыкаў здзяйснення даволі шырокага спектру злачынстваў, з'яўляецца адной з галоўных задач крыміналагаў – навукоўцаў і практыкаў, якія спецыялізуюцца на вырашэнні праблем дэвіянтных паводзін, у тым ліку і падчас

грамадска-палітычных кампаній. Асноўная мэта такіх даследаванняў, прычым абавязкова незалежных, – выключэнне пагроз з'яўлення гвалту і крымінальнай актыўнасці, мінімізацыя магчымых негатыўных наступстваў у праваахоўнай, судовай, эканамічнай, палітычнай, сацыяльнай і гуманітарных сферах, абарона нацыянальных інтарэсаў і незалежнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Хомич, В. М. Криминология правообразования или к вопросу о сущности и понимании криминологической экспертизы / В. М. Хомич // Законность и правопорядок. – 2007. – № 1. – С. 17–22; Хомич, В. М. Криминологическое (критическое) понимание преступности – методологическая основа криминологии правообразования / В. М. Хомич // Законность и правопорядок. – 2007. – № 4. – С. 21–28; Хомич, В. М. Криминологическая экспертиза проектов законов – важнейший фактор общесоциального предупреждения преступности / В. М. Хомич // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Рос. конгресса уголовного права, Москва, 29–30 мая 2008 г. / М.: Проспект, 2008. – С. 688–700; Хомич, В. М. Влияние криминологической экспертизы проектов законов на состояние конституционной законности в Республике Беларусь / В. М. Хомич // Конституционный контроль: состояние, проблемы, перспективы: тез. выступлений на науч.-практ. конф. / Конституц. Суд Респ. Беларусь. – Минск, 2009. – С. 70–75; Хомич, В. М. Криминология современного правотворчества (правообразования) / В. М. Хомич // Право.by. – 2017. – № 5 (49). – С. 98–103; Хомич, В. М. Криминологическая оценка правового регулирования или к вопросу криминологической экспертизы правовых актов / В. М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В. В. Марчук [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – Вып. 10. – С. 358–365.
2. О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы: Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июля 2011 г., № 230 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 65. – 1/12584.
3. Калинин, С. А. Основы методологии исследования криминогенности правовых норм / С. А. Калинин // Проблеми державотворення і захисту прав людини в Україні: матеріали XIII регіональної наук.-практ. конф., 8–9 лютого 2007 р., Львів / Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. – Львів, 2007. – С. 465–467.
4. Гучок, А. Я. Тэарэтыка-прававыя праблемы процідзеяння тэарызму ў кантэксце забеспячэння нацыянальнай бяспекі / А. Я. Гучок // Проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности: правовые и информационные аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 нояб. 2017 г.: в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь; редкол.: А. Л. Лычагин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Т. 1. – 300 с. – С. 139–141.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ СИНГАПУР

Дятлова Виктория Олеговна

*главный специалист государственного учреждения «Научно-практический
центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной
прокуратуры Республики Беларусь»*

Основными законодательными актами Сингапура, устанавливающими ответственность за совершение коррупционных преступлений, являются Закон о предотвращении коррупции и Уголовный кодекс. Согласно им, максимальное наказание для лица или агента, участвующего в коррупционной сделке, – штраф в размере до 100 000 долларов или тюремное заключение на срок до 5 лет, либо применение одновременно указанных двух наказаний. При этом, если будет доказано, что какая-либо коррупционная сделка связана с контрактом или предложением о заключении контракта с правительством, лицо подлежит штрафу до 100 000 долларов или тюремному заключению на срок до 7 лет, либо двум этим наказаниям одновременно. Также, законом установлено, что если незаконное вознаграждение включало денежную сумму или если вознаграждение может быть оценено, суд может потребовать уплатить сумму, равную сумме полученного вознаграждения в виде штрафа. Следовательно, штраф может превысить 100 000 долларов, как в случае 2017 г. с участием руководителя отдела маркетинга и продаж нефтехимической корпорации Сингапура, которому было предписано выплатить штраф в размере 1,13 миллиона долларов [1].

Также суд имеет право вынести постановление о конфискации в отношении выгод, полученных обвиняемым от преступного поведения, а руководитель компании, в соответствии с Законом о компаниях Сингапура, признанный виновным в подкупе, может быть дополнительно лишен права исполнять обязанности руководителя юридического лица. Кроме того, к публичному должностному лицу, причастному к коррупции, могут быть применены не только уголовно-правовые, но и дисциплинарные меры. В частности, к ним относятся: увольнение со службы, понижение в звании, приостановка или отсрочка увеличения заработной платы, штраф или выговор и/или принудительный уход на пенсию.

В качестве меры ответственности также может быть применено отстранение компании, виновной в коррупции с участием государственных должностных лиц, от участия в тендерах по государственным контрактам, и (или) расторжение присужденного контракта и возмещение убытков от такого расторжения.

В связи с тем, что ответственность за коррупционные деяния несут как физические, так и юридические лица, в законодательстве отдельно регламентированы вопросы ответственности так называемых «правопреемников». В частности, предусмотрено, что юридическое лицо-

правопреемник не несет ответственность за подкуп, осуществленный другим юридическим лицом, имевший место до слияния или поглощения этих двух компаний. Это правило установлено в силу доктрины общего права об отдельной правосубъектности. В данном случае последствия лежат в экономической сфере: после приобретения коммерческая стоимость приобретающей компании может быть подвергнута неблагоприятному воздействию в том случае, если приобретенная компания будет привлечена к уголовной ответственности за коррупционное преступление, имевшее место до приобретения, и, кроме того, приобретенная организация может нести ответственность за перебои в работе и потерю доходов, а также за последствия лишения прав.

В контексте ответственности юридических лиц стоит отметить, что, как правило, отдельные директора и должностные лица компании не несут строгой ответственности за правонарушения, совершенные компанией, если они не несут личной ответственности или иным образом не участвовали в конкретном правонарушении. Однако законодательством установлено, что если доказано, что преступление, совершенное юридическим лицом, было совершено с согласия или при попустительстве должностного лица или связано с каким-либо пренебрежением с его стороны, то должностное лицо, равно как и юридическое, виновно в правонарушении. При этом физическое лицо, в частности руководитель или иное должностное лицо компании, хотя может и быть не виновно лично в совершении коррупционных действий, но, вместе с тем, оно может быть привлечено к ответственности за косвенные правонарушения, включая отмывание денег или отказ сообщить о подозрении, что определенное имущество или передача активов были связаны с преступным поведением [2].

Необходимо также отметить, что национальное законодательство содержит положения о том, что иностранные компании могут быть привлечены к ответственности за подкуп иностранных компаний и должностных лиц. В частности, в соответствии с Законом о предупреждении коррупции иностранные компании могут быть привлечены к ответственности за подкуп иностранного публичного должностного лица, если подкуп совершается в Сингапуре. Кроме того, иностранные компании могут быть привлечены к ответственности за взяточничество, которое в основном осуществлялось за границей, если пособничество и подстрекательство к такому подкупу имело место в Сингапуре. Такой подход был основан на том, что поскольку местный бизнес постоянно расширяет свою деятельность не только на региональном, но и на глобальном уровнях, крайне важно осознавать экстерриториальный эффект антикоррупционных законов Сингапура.

При вынесении приговора за совершение коррупционных преступлений суд учитывает следующие факторы. Во-первых, это сумма незаконного вознаграждения – так, размер вознаграждения (например, размер взятки) является важным фактором при определении надлежащего наказания за коррупционные правонарушения. Это связано с тем, что размер вознаграждения коррелирует с вредом, причиненным взяткой, и необходимостью «сдерживать создание коррумпированной деловой культуры на

высшем уровне торговли». Таким образом, чем больше сумма незаконного вознаграждения, тем более суровое наказание можно ожидать. Во-вторых, важное значение имеет стратегическое и экономическое значение отрасли, в которой имело место совершение коррупционного правонарушения. Если деликт имел место в сфере (отрасли), которая является стратегически и экономически важной для Сингапура, то данный факт считается отягчающим фактором. Это связано с тем, что потеря доверия к отрасли может иметь серьезные экономические последствия для всей страны. В силу этого коррупция в таких отраслях влечет более суровое наказание. Также важнейшее значение при вынесении приговора имеет роль правонарушителя в коррупционной сделке и его личность. Так, например, преступнику, который не был инициатором коррупционной сделки, а поддался коммерческому давлению и подстрекательству, может быть вынесен менее суровый приговор.

Кроме того, немаловажным фактором при вынесении приговора является оценка того, не подорвали ли коррупционные действия безопасность невиновных третьих лиц. Тот факт, что коррупционные действия могут поставить под угрозу безопасность невиновных третьих лиц, рассматривается как отягчающий фактор и влечет более суровое наказание в отношении правонарушителя [3].

Список использованных источников

1. Prevention of Corruption Act [Electronic resource] // A Singapore Government Agency Website. – Mode of access: <https://www.cpiib.gov.sg/about-corruption/prevention-of-corruption-act>. – Date of access: 01.12.2020.
2. Getting the Deal Through – Anti-Corruption Regulation in Singapore 2016 [Electronic resource] // Norton Rose Fulbright. – Mode of access: <https://www.nortonrosefulbright.com/en/knowledge/publications/74306523/getting-the-deal-through---anti-corruption-regulation-in-singapore-2016>. – Date of access: 01.12.2020.
3. Corruption and Consequences in Singapore? [Electronic resource] // I.R.B Law LLP. – Mode of access: <https://irblaw.com.sg/learning-centre/corruption-and-consequences-in-singapore>. – Date of access: 01.12.2020.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна

*профессор Московского государственного юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор*

Выражение «уголовная ответственность» в уголовном законе Российской Федерации встречается в ряде статей Уголовного кодекса РФ (далее – УК): ст. 1 «Уголовное законодательство Российской Федерации», ст. 2 «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации», ст. 6 «Принцип справедливости», ст. 8 «Основание уголовной ответственности», ст. 12 «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской

Федерации», и во многих других статьях как Общей, так и Особенной частей УК. Но определения уголовной ответственности нет ни в одной из них.

Вопрос о понятии уголовной ответственности в науке уголовного права является дискуссионным. Существующие многочисленные взгляды можно представить как две основные позиции о понятии уголовной ответственности. Согласно первой из них, уголовная ответственность – это обязанность лица ответить за совершенное общественно опасное деяние перед государством, которая возникает в момент совершения преступления [1, с. 21]. Представители указанного взгляда расходятся только в определении начала реализации такой обязанности. Данным началом называют привлечение лица в качестве обвиняемого, вынесение обвинительного заключения, вынесение обвинительного приговора и др. [2, с. 27]. В приведенном мнении дискуссионным является положение, в соответствии с которым начала возникновения обязанности ответить за содеянное и реализации этой обязанности, удалены друг от друга. Обоснованным является взгляд авторов, отрицающих в таких случаях возникновение уголовной ответственности [3, с. 53].

Вторая позиция основана на том, что уголовная ответственность есть осуждение лица, выраженное во вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда, влекущее неблагоприятные последствия для этого лица [4, с. 30–32]. Именно с момента осуждения лица от имени государства возникает уголовная ответственность, которая связана с негативными последствиями, претерпеваемыми осужденным. Завершением уголовной ответственности является погашение или снятие судимости. Сущность уголовной ответственности состоит в ограничении прав и свобод лица, основанном на осуждении лица, закрепленном во вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда.

Уголовная ответственность состоит в государственном принуждении лица, в применении к нему мер уголовно-правового характера. Государственное принуждение при применении уголовной ответственности может реализоваться посредством наказания, условно досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ), освобождения по болезни (ст. 81 УК РФ), конфискации имущества (ст. 104¹–104³ УК РФ) и др.

Самой распространенной формой реализации уголовной ответственности является наказание. В этом случае уголовная ответственность проявляется в осуждении лица, закрепленном в обвинительном приговоре суда, конкретном наказании и судимости. Уголовная ответственность нередко реализуется и путем применения такой иной меры уголовно-правового характера как условное осуждение (ст. 73 УК РФ). Принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицу, страдающему психическим расстройством, не исключающим вменяемости, наряду с наказанием также являются формой реализации уголовной ответственности.

Уголовная ответственность возникает со дня вступления вынесенного обвинительного приговора в законную силу и прекращается с погашением или

снятием судимости. После привлечения виновного к уголовной ответственности, возможно лишь его освобождение от наказания, к примеру в виде условного осуждения (ст. 73 УК РФ). Освобождение от уголовной ответственности возможно до привлечения лица к этой ответственности, то есть до его осуждения. Все общие виды освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76¹, 76², 78 и 90 УК РФ) и специальные виды освобождения, предусмотренные в примечаниях к определенным статьям Особенной части УК РФ (например, в примечании к ст. 291² УК РФ), применяются до осуждения лица.

Привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, осуществляется судом при наличии в этом деянии всех признаков состава преступления. Одним из признаков состава является вина лица в совершенном деянии. Часть 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого ООН 16 декабря 1966 г., гласит: «каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону». В соответствии с принципом субъективного вменения, закрепленного Конституцией Российской Федерации, вина лица устанавливается судом. Следовательно, определение судом всех признаков соответствующего состава преступления в совершенном общественно опасном деянии лица (в том числе и вины) означает наличие единственного основания уголовной ответственности – состава преступления. Поскольку состав преступления устанавливается судом и определяется в обвинительном приговоре, постольку одновременно с официальным установлением состава преступления возникает и уголовная ответственность.

До возникновения уголовной ответственности к лицу, подозреваемому, обвиняемому в совершении преступления, применяются меры государственного принуждения, которые нет оснований рассматривать в плоскости уголовной ответственности: последняя еще не возникла. Уголовная ответственность и государственное принуждение близкие, но не тождественные понятия.

Меры пресечения как разновидность государственного принуждения существуют независимо от уголовной ответственности. Существует позиция по отнесению мер уголовно-процессуального принуждения к формам реализации уголовной ответственности. Но в этой позиции не учитывается то обстоятельство, что не все формы государственного принуждения реализуются в рамках уголовной ответственности. Не говоря о существовании административных наказаний, мер гражданско-правового и иного воздействия, можно назвать некоторые иные меры уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 2 и раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера»), которые могут быть принудительными, однако не всегда относятся к формам реализации уголовной ответственности. В частности, это утверждение касается принудительных мер медицинского характера, назначаемых лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ); а также принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним, освобожденным от уголовной

ответственности в соответствии со ст. 90 УК РФ. Указанные принудительные меры являются государственным принуждением, но осуществляются вне рамок уголовной ответственности. Таким образом, формой реализации уголовной ответственности не являются меры, предусмотренные УК РФ, тем более нет оснований относить к ним меры пресечения, закрепленные Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Вместе с тем отказ рассматривать меры пресечения как форму реализации уголовной ответственности не препятствует в случае осуждения лица зачету этих мер в срок назначаемого наказания. Как известно, в российском уголовном праве испытательный срок при условном осуждении начинает течь со дня вступления вынесенного обвинительного приговора в законную силу. Однако в испытательный срок засчитывается период времени, исчисляемый со дня провозглашения приговора об условном осуждении лица до его вступления в силу (ч. 3 ст. 73 УК РФ). И перечень подобных примеров можно продолжить.

Уголовная ответственность существует в рамках уголовно-правового отношения. И в структуре уголовно-правового отношения эта ответственность связана с объектом и содержанием данного отношения. Уголовная ответственность состоит в претерпевании лицом законных ограничений и лишений его прав и свобод.

В уголовном правоотношении, представляется, стороны взаимодействуют по поводу правового статуса лица, совершившего преступление. Таким образом, определяется правовое положение виновного, которое означает установление объема его прав и свобод, соответственно, выяснение тех благ и прав, которых виновный лишается или в пользовании которых ограничивается. Именно, в связи с этим уголовная ответственность в уголовно-правовом отношении связывается с объектом и его содержанием.

Уголовная ответственность может, как отмечалось, быть реализована и путем применения иных мер уголовно-правового характера. На настоящий момент вопрос об уголовной ответственности в случаях применения этих мер носит дискуссионный характер, в определенной степени это связано с отсутствием законодательного определения рассматриваемых мер в действующем УК РФ. Перечень иных мер уголовно-правового характера, являющихся формой реализации уголовной ответственности, в науке уголовного права обосновывают разный [5, с. 24–44].

Не получила единого решения в российском уголовном праве проблема ответственности государства и уголовной ответственности юридических лиц за преступление.

За международное преступление допустима уголовная ответственность физического лица, юридического лица и международно-правовая ответственность государства. Следует подчеркнуть, что государство может быть субъектом исключительно преступлений против мира и безопасности человечества. Согласно основным положениям современного международного уголовного права, государство не может быть субъектом преступлений международного характера. Вместе с тем международное уголовное право

находится в развитии, и то, что неприемлемо сегодня, может стать правилом завтра.

В настоящее время за международные преступления и преступления международного характера применяется уголовная ответственность юридических лиц, предусмотренная многими международными конвенциями: ст. 26 «Ответственность юридических лиц» Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г.; ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. и др.

В современный период уголовной политики многие государства разных правовых систем (общего англо-саксонского права, континентального, смешанного) признают уголовную ответственность корпораций.

Итак, по международному уголовному праву за международные преступления может наступить международная ответственность государства, уголовная ответственность юридического лица и физического лица; за преступления международного характера – уголовная ответственность юридического лица, а также физического лица. Нельзя исключать появления в будущем международно-правовой ответственности государства за преступления международного характера, а также «чистой» уголовной ответственности государства как за международные, так и за преступления международного характера.

Список цитированных источников

1. Карпушин, М. П. Уголовная ответственность и состав преступления / М. П. Карпушин, В. И. Курляндский. – М. : Юрид. лит., 1974. – 232 с.
2. Брайнин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. – М. : Госюриздат, 1963. – 275 с.
3. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая. Учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2020. – 212 с.
4. Звечаровский, И. Э. Уголовная ответственность / И. Э. Звечаровский. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1992. – 44 с.
5. Скрипченко, Н. Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним / Н. Ю. Скрипченко. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 336 с.

**О ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
СТАТЬЯМИ 415–419 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Казак Светлана Валерьевна

*доцент кафедры уголовного права и криминологии учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент*

С принятием Уголовного кодекса (далее – УК) 1999 г. в Республике Беларусь установлена уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества (ст. 415–419 УК). Думается, что наличие уголовной ответственности за данные деяния

противоречит международным документам в сфере мер, не связанных с тюремным заключением. Так, в п. 14 «Дисциплина и нарушение условий» Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), которые были приняты в 1990 г. VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, отмечается, что «при нарушении условий, подлежащих соблюдению правонарушителем, мера, не связанная с тюремным заключением, может быть изменена или отменена. Решение об изменении или отмене не связанной с тюремным заключением меры принимает компетентный орган, причем только после тщательного рассмотрения фактов, представленных как сотрудником, осуществляющим надзор, так и правонарушителем.».

В рекомендации № R (92) 16 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о Европейских правилах исполнения наказаний и иных мер без изоляции правонарушителей от общества, принятой 19 октября 1992 г., содержатся следующие положения: «Исполняющему органу следует без промедления в письменной форме сообщать органу, выносящему судебные решения, о любых серьезных фактах несоблюдения правонарушителем условий и обязанностей, установленных в рамках назначенного наказания или иных мер без его изоляции от общества (Правило 80). Орган власти, выносящий судебные решения, может принять постановление об изменении или частичной или полной отмене наказания или иных мер без изоляции правонарушителя от общества лишь после детального изучения фактов, доведенных до его сведения исполняющим органом (Правило 82). Несоблюдение условий или обязанностей, связанных с назначенными наказанием или иными мерами, которое может в соответствии с действующим законодательством повлечь изменение или частичную (полную) отмену установленных наказаний или иных мер, само по себе не должно рассматриваться как правонарушение (Правило 84).».

Очевидно, что в вышеуказанных документах речь идет о том, что в случае серьезного нарушения осужденным порядка и условий отбывания наказания, не связанного с изоляцией от общества, по информации исполняющего органа суд должен вынести решение об изменении или отмене данной меры, и подобное нарушение не должно являться новым преступлением.

Думается, что наличие в уголовном законодательстве нашей страны уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, противоречит также одному из принципов уголовного закона, который закреплен в ч. 6 ст. 3 УК: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.».

Необходимо отметить, что привлечение лица к уголовной ответственности за уклонение от уже назначенного наказания существенно ухудшает положение осужденного, порождает дополнительную судимость, а в отдельных случаях и рецидив преступлений или более строгий вид рецидива. Таким образом, мы искусственно повышаем уровень рецидива в стране.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным исключить из Особенной части УК Республики Беларусь нормы, предусматривающие

уголовную ответственность за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества (ст. 415–419 УК).

Такой подход имел место в УК нашей страны 1960 г. В частности, ч. 2 ст. 28 УК 1960 г. предусматривала возможность замены неотбытого срока исправительных работ наказанием в виде лишения свободы на тот же срок в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде исправительных работ.

УК других государств содержат аналогичные нормы, так, например, согласно ч. 5 ст. 46 УК Российской Федерации в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется иным наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК; согласно ч. 3. ст. 49 УК РФ в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются принудительными работами или лишением свободы. Аналогичные положения предусмотрены за злостное уклонение от отбывания исправительных работ и ограничения свободы. Законодатели других государств СНГ пошли аналогичным путем.

Для принятия мер к осужденным, злостно уклоняющимся от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и профилактики подобного поведения представляется необходимым в Общей части УК предусмотреть положения, регулирующие механизм замены данных мер судом по представлению органа или учреждения, исполняющего наказание, на другое, более строгое наказание. При этом для наказаний, назначаемых на определенный срок (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, ограничение свободы), необходимо предусмотреть замену неотбытой части данных мер на более строгое наказание. Для зачета отбытой части наказания в срок нового наказания предлагается использовать положения, предусмотренные в ст. 74 УК.

Для реализации данного предложения необходимо дополнить ст. 49–52, 55 УК соответствующими частями. Так, например, ст. 49 УК необходимо дополнить ч. 6 следующего содержания: «6. В случае злостного уклонения осужденного от отбывания общественных работ суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, может заменить данное наказание на более строгое.». В уголовно-исполнительное законодательство нашей республики также необходимо будет внести соответствующие изменения. Часть 2 ст. 27 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) изложить в следующей редакции: «2. За нарушение осужденным к наказанию в виде общественных работ порядка и условий отбывания наказания уголовно-исполнительная инспекция выносит ему официальное предупреждение о возможности замены общественных работ более строгим наказанием.». Часть 3 ст. 27 УИК необходимо исключить. Статью 52 УК необходимо дополнить ч. 7 следующего содержания: «7. В случае злостного уклонения осужденного от отбывания исправительных работ суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, может заменить неотбытую часть

данного наказания на более строгое наказание.». Часть 3 ст. 43 УИК соответственно необходимо изложить в следующей редакции: «3. Одновременно с наложением взыскания уголовно-исполнительная инспекция выносит осужденному официальное предупреждение о возможности замены неотбытой части исправительных работ более строгим наказанием.».

Представляется, что предложенные изменения будут способствовать усилению профилактического воздействия на лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, а также снижению уровня рецидивной преступности в Республике Беларусь.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НАКАЗАНИЙ ЗА АКТИВНЫЙ И ПАССИВНЫЙ ПОДКУП

Карабельникова Анна Сергеевна

помощник директора государственного учреждения

*«Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»*

Вопросам конструирования санкций статей об ответственности за коррупционные преступления не уделяется должного внимания в научной литературе. В оценочном отчете ГРЕКО по теме «Криминализация» Республике Беларусь была дана основанная на п. 1 ст. 19 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию рекомендация принять эффективные меры с целью обеспечения эффективности, соразмерности и сдерживающего воздействия применимых мер наказания в законе и на практике [1], что предполагает проведение комплексного исследования. С момента вступления в силу УК было принято 69 законов, которыми в него вносились изменения, однако санкции статей об ответственности за получение и дачу взятки являлись объектом пересмотра всего несколько раз. Для оценки оптимального содержания санкций статей об ответственности за взяточничество необходимо изучить практику назначения наказаний по ст. 430–432 УК Беларуси, а также опыт построения санкций в уголовном законодательстве зарубежных государств, которые добились успехов в борьбе с коррупцией, и государств со схожей правовой системой, в частности стран СНГ.

1. Анализ судебной практики назначения наказаний за 2015–2019 г. по ст. 430 и ст. 431 УК Республики Беларусь показывает, что судьи широко используют возможности назначения не связанных с лишением свободы наказаний, если они предусмотрены в санкциях. По ч. 1 ст. 430 УК активно назначается ограничение свободы (41,52 % осужденных оно назначено без направления в исправительное учреждение открытого типа, 11,55 % – с направлением), большинству осужденных к лишению свободы определен срок от 1 до 3 лет, по ч. 2 – от 3 до 5 лет, по ч. 3 – от 5 до 8 лет. По ч. 1 ст. 431 УК 31,11 % осужденных назначен штраф, 25,8 % – ограничение свободы, 20,28 % –

исправительные работы, 12,2 % – лишение свободы. По ч. 2 ст. 431 УК 55,25 % осужденных назначено ограничение свободы (в том числе 43,83 % без направления в исправительное учреждение открытого типа), лишение свободы назначено 40,12 % осужденных в большинстве случаев на срок от 2 до 5 лет.

2. Особенностью правоприменительной практики Республики Беларусь является то, что количество лиц, осужденных за получение взятки в 2015–2019 гг. на четверть превысило количество лиц, осужденных за дачу взятки, что может быть объяснено освобождением взяткодателей от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 431 УК. 52,9 % взяткополучателей привлекались к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 430 УК, в то время как 56 % взяткодателей – по ч. 1 ст. 431 УК. Предусмотренные санкциями наказания, которые могут быть назначены взяткополучателю, существенно строже наказаний за дачу взятки. Данные факторы негативно отражаются на предупреждении противоправных действий потенциальных взяткодателей, поскольку, представляя предмет подкупа взяткополучателям, они понимают, что могут быть в последствии освобождены от уголовной ответственности, либо им будет назначено наказание, не связанное с лишением свободы. В связи с этим в отчете ГРЕКО по теме «Криминализация» Республике Беларусь дана рекомендация отменить императивное освобождение взяткополучателей от уголовной ответственности [1].

3. Меры по предупреждению коррупции, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», программами по борьбе с преступностью и коррупцией и другими правовыми актами, направлены в первую очередь на профилактику коррупционного поведения государственных должностных лиц, а не потенциальных взяткодателей. Таким образом, очевидно, что белорусский законодатель исходит из того, что должностное лицо является более активным субъектом взяточничества, чем лицо, предоставляющее ему незаконное вознаграждение за выполнение должностных обязанностей. В то время, как в европейских странах должностное лицо считается пассивным участником взяточничества, а дача взятки называется активным подкупом, поэтому в Европе меры профилактики коррупции направлены на обе категории субъектов взяточничества.

4. В УК европейских государств при конструировании норм об ответственности за активный и пассивный подкуп прослеживается тенденция закрепления в санкциях одинаковой или не существенно различающейся ответственности взяткодателей и взяткополучателей. Например, в ст. 11 Акта Великобритании о взяточничестве 2010 г. предусмотрено одинаковое наказание за активный и пассивный подкуп. Санкции ст. 331 и 333 УК Германии, устанавливающих ответственность за получение и дачу взятки должностному лицу за выполнение им служебных обязанностей, совпадают, при этом несущественно различаются наказания за получение и дачу взятки должностному лицу за нарушение им официальных обязанностей (ч. 1 ст. 332 и ч. 1 ст. 334 УК Германии). По УК Франции одинаково наказуемы получение взятки (ст. 432-11) и дача взятки (ст. 433-1). Однако некоторые разновидности

получения взятки наказываются строже, чем дача взятки, в частности, получение взятки судьей или третейским судьей за нарушение официальных обязанностей (ст. 2 ст. 332 УК Германии), получение взятки судьей или прокурором за принятие решения против или в пользу лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование (ст. 434-9 УК Франции).

В некоторых странах СНГ, в частности, в Азербайджане, Беларуси, наказуемость получения и дачи взятки существенно различается, в то время как в других странах, например, в Молдове, России, законодатель стремился сбалансировать санкции либо за счет сближения размеров штрафов (ст. 333 и 334 УК Молдовы), либо за счет сближения сроков лишения свободы (ст. 290 и 291 УК России). В связи с этим в научной литературе справедливо обращалось внимание на необходимость установления в УК Беларуси одинаковой ответственности за получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве [2, с. 132].

5. В УК европейских государств, как и в УК стран СНГ отсутствуют единые подходы к определению максимальных сроков лишения свободы за получение и дачу взятки. В целом в странах СНГ наказание за получение взятки при наличии квалифицирующих обстоятельств может быть назначено вплоть до 15 лет лишения свободы (например, в Беларуси, России). При этом 10 лет лишения свободы для европейских государств, по мнению некоторых ученых, является достаточно строгим наказанием [3, с. 617]. С учетом практики конструирования санкций в УК европейских государств, а также сроков лишения свободы, которые назначаются судами по ст. 430 УК Беларуси и редко превышают 8 лет по ч. 2 и 10 лет по ч. 3, целесообразно изучить вопрос о возможности снижения максимального размера данного вида наказания для взятополучателей.

6. В некоторых государствах штраф является альтернативой лишению свободы (Германия, Молдова, Россия) не только для взятокодателей, но и для взятополучателей, в то время как в других странах штраф применяется или может применяться только в качестве дополнительного наказания к лишению свободы (Беларусь, Великобритания, Франция). Следует отметить, что практика широкого применения штрафа в качестве основного наказания за получение взятки критически воспринимается некоторыми российскими учеными, которые полагают, что у предусмотрительных взяточников часто имеется возможность заплатить штраф, в то время как лишение свободы воспринимается коррупционерами как кара и поэтому может обладать большим предупредительным эффектом, чем штраф [4]. Полагаем, что возможность закрепления штрафа в санкциях ст. 430 УК Республики Беларусь в качестве альтернативы лишению свободы нуждается в дополнительном изучении. Целесообразно сначала расширить применение штрафа при совершении преступлений, не представляющих большую общественную опасность и менее тяжких преступлений. Если правоприменительная практика будет успешной, то можно будет поставить вопрос о закреплении штрафа в качестве основного

наказания в санкциях статей, устанавливающих ответственность за тяжкие преступления.

Список цитированных источников

1. Summary of the Evaluation Report on Belarus: Third Evaluation Round [Electronic resource] / Group of States against Corruption. – Mode of access: www.coe.int/en/web/greco/evaluations/belarus. – Date of access: 15.09.2020.

2. Василевич, Г. А. Актуальные направления противодействия коррупции в Республике Беларусь на современном этапе / Г. А. Василевич. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 202 с.

3. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; под ред. Т. Я. Хабриевой (отв. ред.). – М. : ИД «Юриспруденция», 2014. – 688 с.

4. Казакова, В. А. Пенитенциарная политика в отношении коррупционеров / В. А. Казакова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

**НЕОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ ЛИЦУ:
ПОДЛЕЖИТ ЛИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИК
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА?**

Ковальчук Алексей Васильевич

*доцент кафедры уголовного права и криминологии учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент*

Духовник Юрий Евгеньевич

*доцент кафедры уголовного права и криминологии учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук*

Статья 45 Конституции Республики Беларусь закрепляет гражданам Республики Беларусь право на охрану здоровья. Данное неотъемлемое право реализуется посредством медицинского обслуживания населения и оказания ему медицинской помощи. Основным нормативным правовым актом, регулирующим общественные отношения, обеспечивающие сохранение, укрепление и восстановление здоровья населения в Республике Беларусь является Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении). Данный закон устанавливает обязанность специально уполномоченных субъектов оказывать медицинскую помощь нуждающимся в ней лицам. Неисполнение обязанности по оказанию медицинской помощи больному лицу влечет уголовную ответственность, которая предусмотрена ст. 161 УК. В настоящее время основной состав указанной статьи сформулирован в следующей редакции: «Неоказание медицинской помощи больному лицу без уважительных причин медицинским работником либо иным лицом, обязанным оказывать ее в соответствии с законодательством Республики Беларусь».

В этой связи представляется важным рассмотреть вопрос о том, следует ли относить к иному лицу, обязанному в соответствии с законодательством оказывать медицинскую помощь, сотрудника правоохранительных органов.

К примеру, ст. 23 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» закрепляет, что сотрудник органов внутренних дел должен принять меры по немедленному оказанию медицинской и другой необходимой помощи лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, лицам, находящимся в беспомощном или опасном для жизни или здоровья состоянии.

Также в Законах Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (ст. 26), от 15 июля 2015 г. № 293-З «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь» (ст. 22), от 13 июля 2012 г. № 403-З «О Следственном комитете Республики Беларусь» (ст. 22), от 10 июля 2012 г. № 390-З «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» (ст. 19), от 11 ноября 2008 г. № 454-З «Об органах пограничной службы Республики Беларусь» (ст. 30), от 16 июля 2008 г. № 414-З «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь» (ст. 15), от 8 ноября 2006 г. № 175-З «Об охранной деятельности в Республике Беларусь» (ст. 17), от 3 июня 1993 г. № 2341-ХП «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (ст. 18) регламентируется, что в случае применения физической силы, специальных средств, оружия, сотрудники названных органов обязаны принять меры по немедленному оказанию пострадавшим медицинской и иной необходимой помощи.

Таким образом, законодательство Республики Беларусь устанавливает обязанность сотрудников правоохранительных органов принимать меры по оказанию медицинской помощи больным лицам. Однако полагаем, что словосочетание «*обязан принять меры по оказанию медицинской помощи*» не равнозначно словосочетанию «*обязан оказать медицинскую помощь*». При внешней схожести данных категорий, в них содержится существенное различие, заключающееся в том, что меры по оказанию медицинской помощи по содержанию являются шире и включают в себя комплекс действий, направленных на организацию и создание условий по оказанию медицинской помощи (вызов на место происшествия скорой медицинской помощи, перемещение потерпевшего из опасной в неопасную зону, его охрана, обеспечение доставления в медицинское учреждение и др.). Поскольку под медицинской помощью на основании ст. 1 Закона о здравоохранении понимается комплекс *медицинских услуг*, которые не могут быть квалифицированно оказаны правоохранителем в виду отсутствия соответствующего медицинского образования, то прямого требования, предусматривающего обязанность непосредственного оказания правоохранительными органами медицинской помощи, данные нормативные правовые акты не содержат. Поэтому если субъектом неоказания медицинской

помощи больному лицу является сотрудник правоохранительного органа, то, при наличии соответствующих признаков, его действия следует квалифицировать не по ст. 161 УК, как утверждают отдельные ученые [1, с. 59; 2, с. 250], а за соответствующее преступление против интересов службы либо по ст. 159 УК, влекущей ответственность за оставление в опасности.

Следует напомнить, что изменения, внесенные Законом Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования порядка исполнения наказаний» от 5 мая 2010 г. № 123-З в ч. 1 ст. 161 УК коснулись замены слова «помощь» на словосочетание «медицинская помощь», тем самым, как нам представляется, произошло исключение из субъектов данного вида преступления лиц, на которых лежала нормативная обязанность оказания первой помощи, не являющейся медицинской (например, к таким лицам относились: сиделка, мать больного ребенка, виновник дорожно-транспортного происшествия, руководитель туристической группы и др.). Из субъектов названного преступления фактически был также исключен сотрудник правоохранительного органа, обязанный оказывать первую помощь.

Вместе с тем следует заметить, что сказанное не относится к ситуациям не оказания медицинской помощи сотрудником правоохранительного органа, который, одновременно являясь медицинским работником, не выполняет профессиональные обязанности по оказанию медицинской помощи больному лицу.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что иным лицом, обязанным оказывать медицинскую помощь в соответствии с законодательством Республики Беларусь, по общему правилу, сотрудник правоохранительного органа являться не может. Существующие точки зрения относительно возможности привлечения к ответственности по ст. 161 УК сотрудника правоохранительного органа следует признать несостоятельными, необоснованно расширяющими круг лиц, являющихся субъектами данного вида преступления.

Принятые изменения и дополнения в 2010 г. в ст. 161 УК явились позитивными, поскольку сократили сферу уголовно-правового принуждения в части конкретизации признаков субъекта данного вида преступления, тем самым сэкономив карательный потенциал уголовного закона, поспособствовали единообразию правоприменительной практики по уголовным делам и исключению проблем отграничения ст. 161 УК от ст. 159 УК.

Список цитированных источников

1. Ключко, Р. Н. Формально-юридический анализ признаков состава преступления, предусмотренного ст. 161 Уголовного кодекса Республики Беларусь / Р. Н. Ключко, А. Н. Русак // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. – Сер. 4, Правазнаўства. – 2016. – № 3. – С. 55–62.
2. Саркисова, Э. А. Квалификация преступлений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на лицо обязанностей / Э. А. Саркисова // Особенности уголовной ответственности за преступления со специальным субъектом : науч.-практ. пособие / С. В. Ананич [и др.] ; под ред. Э. А. Саркисовой ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2015. – Гл. 5. – С. 247–261.

**К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТАТЬИ 33
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
(В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)**

Коротич Елена Алексеевна

начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Несмотря на то, что уголовное право относится к числу публичных отраслей в национальной правовой системе, а наказание и иные формы реализации уголовной ответственности являются мерами государственного принуждения, составляя сферу публично-правового воздействия, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) содержит ряд норм, ставящих применение данных мер в прямую зависимость от волеизъявления лица, которому преступлением причиняется вред (ущерб). К числу таких норм относится и ст. 33 УК, предусматривающая перечень деяний, влекущих уголовную ответственность по требованию потерпевшего.

С момента принятия и введения в действие УК 1999 г. указанная норма несколько раз подвергалась редакционным изменениям, призванным расширить сферу невмешательства государства (в лице правоохранительных органов) во взаимоотношения потерпевшего и субъекта указанного в ст. 33 УК преступления. Безусловно, общая мотивация такого решения – обеспечение неприкосновенности частной жизни потерпевшего и предоставление ему права самому решать, требуется ли карательная реакция государства, – в целом заслуживает поддержки. К слову, подобная практика известна зарубежному уголовному законодательству; рекомендована она и Модельным законодательством для государств – членов СНГ, правда, нормами не материального, а процессуального права.

Отмечая рациональность реализованного в ст. 33 УК законодательного приема, следует тем не менее обратить внимание на качественную составляющую анализируемой нормы. Исходя из основного функционального назначения последней, перечень деяний, влекущих ответственность по требованию потерпевшего, как верно подчеркивает белорусский ученый В. В. Марчук, должен ограничиваться теми преступлениями, которые затрагивают сугубо частные интересы, причем только физических лиц [1]. Однако изучение основной направленности деяний, объединенных в ч. 1 ст. 33 УК, не позволяет выявить какой-либо общей закономерности не только с точки зрения причинения ими вреда исключительно сфере частной жизни лица, но и с позиции субъектно-видовой характеристики потерпевшего. Действительно, если включение в рассматриваемый перечень деяний, предусмотренных, например, п. 8–12 ч. 1 ст. 33 УК, не вызывает в контексте сказанного каких-либо замечаний, то наличие в нем преступлений, закрепленных, в частности, в п. 20 или тем более в п. 24-1 и 25, не поддается никакому логическому объяснению. Указанные обстоятельства подчеркивают

актуальность пересмотра перечня деяний, влекущих ответственность по требованию потерпевшего. Однако вначале несколько слов об обоснованности избранной законодателем формулировки названия самой ст. 33 УК.

Дело в том, что указание в названии данной статьи на потерпевшего не в полной мере соответствует ее содержанию: согласно абзацу 2 ч. 1 ст. 33 УК правом инициировать привлечение к уголовной ответственности лица, виновного в совершении преступлений, предусмотренных абзацем 1 ч. 1 ст. 33 УК, наделены, помимо собственно потерпевшего, такие лица, как любой из его совершеннолетних близких родственников или членов семьи в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, или его законный представитель, либо представитель юридического лица. Кроме того, согласно уголовно-процессуальному закону лицо может быть признано потерпевшим только после факта возбуждения уголовного дела, что само по себе не соответствует логике формулирования и функциональному назначению ст. 33 УК. В контексте сказанного представляется обоснованным исключение из названия рассматриваемой статьи указания на потерпевшего, что, в свою очередь, соответствует технико-юридическому приему, использованному при обозначении аналогичной по содержанию и назначению нормы в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 4.4).

Что касается перечня преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 33 УК, то видится обоснованным его дополнение таким деянием, как понуждение к действиям сексуального характера (ч. 1 ст. 170 УК).

Реализация данного подхода, как представляется, не только позволит ограничить пределы вмешательства государства в сферу частной жизни человека при одновременном сохранении охранительного и превентивного потенциала уголовного закона, но будет содействовать уменьшению присущей ст. 33 УК фрагментарности относительно определения круга деяний, подлежащих преследованию в порядке частного обвинения (особенно актуально в контексте наличия в данном перечне преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 166 и ч. 1 ст. 167 УК).

Следует отметить, что расширение перечня деяний, влекущих уголовную ответственность по требованию пострадавшего или иного лица, указанного в ст. 33 УК, имеет не только социальное значение (является дополнительной гарантией обеспечения неприкосновенности частной жизни), но и значительную экономическую составляющую, поскольку позволяет в известной мере снизить затраты и уменьшить нагрузку на правоохранительные органы.

Несмотря на наметившуюся тенденцию гуманизации уголовного законодательства, полагаем заслуживающим внимания законодателя вопрос об исключении из ст. 33 УК ряда преступлений, признание которых деяниями, влекущими ответственность по требованию потерпевшего, не отвечает логике формулирования уголовно-правовых запретов и назначению ст. 33 УК в системе норм уголовного закона.

Прежде всего, это замечание касается такого преступления, как угроза убийством, причинением тяжкого телесного повреждения или уничтожением имущества (п. 12-1 ст. 33 УК). Как представляется, ст. 186 УК, в которой предусмотрена ответственность за указанное деяние, помимо охранительной, выполняет важную превентивную функцию, относясь к категории норм с так называемой двойной превенцией: запрещая под угрозой уголовной ответственности менее опасное преступление, коим является угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (в контексте положений ст. 12 УК это деяние относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности), законодатель тем самым предупреждает совершение более тяжких преступлений, а именно: убийства, умышленного причинения тяжких телесных повреждений и умышленного уничтожения имущества.

Как показывают материалы судебной практики, деяние, которое оценивается потерпевшими как угроза причинения вреда жизни или здоровью и квалифицируется по ст. 186 УК, в ряде случаев фактически содержит признаки покушения на совершение убийства или умышленного причинения тяжких телесных повреждений. Отнесение угрозы к категории преступлений, влекущих ответственность по требованию, с нашей точки зрения, не способствует формированию у виновного чувства неотвратимости уголовной ответственности и не позволяет своевременно пресекать совершение им более общественно опасных посягательств. Следует дополнительно учитывать и то, что преступление, предусмотренное ст. 186 УК, имеет преимущественно семейно-бытовой характер, что предопределяет возможность непосредственного воздействия на потерпевшего со стороны виновного лица в целях избежания ответственности.

Остро стоит вопрос и относительно исключения из ч. 1 ст. 33 УК деяний, предусмотренных п. 24-1 и п. 25 данной статьи, на что обращалось внимание в юридической литературе [1]. Действительно, следует признать, что такие деяния, как нарушение правил безопасности движения или эксплуатации маломерных судов (ч. 1 ст. 316 УК) и нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ч. 1 ст. 317 УК), в первую очередь нарушают не частный, а публичный интерес. Данное обстоятельство непосредственно подтверждается их родовой и групповой принадлежностью (находятся в главе 28 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», расположенной в разделе X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения»), а также присущим им признаком – нарушением правил обращения с источником повышенной опасности.

Таков далеко не полный перечень недостатков ч. 1 ст. 33 УК, которые заслуживают внимания в контексте реформы уголовного законодательства.

Список цитированных источников

1. Марчук, В. В. О деяниях, влекущих ответственность по требованию потерпевшего [Электронный ресурс] : [по состоянию на 10.03.2011 г.] / В. В. Марчук // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ АРЕСТА ЗА УКЛОНЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ОТ СОДЕРЖАНИЯ ДЕТЕЙ

Кузьменкова Светлана Валерьевна

*старший преподаватель кафедры правовой информатики
учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», кандидат юридических наук*

Как известно, в ст. 75 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье обращено внимание на то, что родители обязаны заботиться о физическом, духовном и нравственном развитии детей, об их здоровье, образовании и подготовке к самостоятельной жизни в обществе. Действительно, лицо, становясь родителем, приобретает не только новые права, но и обязанности, в том числе обязанность по воспитанию и содержанию ребенка. Однако далеко не все родители добросовестно занимаются уходом и воспитанием детей либо не занимаются им вообще. В конечном итоге их лишают родительских прав с сохранением обязанности по содержанию детей.

Лицо, в отношении которого вступило в законную силу решение суда о взыскании расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, а также детей, находившихся на таком обеспечении, являются обязанным лицом.

В связи с этим в Республике Беларусь разработан и принят Декрет Президента Республики Беларусь от 26 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (далее – Декрет № 18). Указанный Декрет № 18 предполагает обеспечение защиты прав и законных интересов детей в неблагополучных семьях и повышение ответственности родителей.

Согласно Декрету № 18 обязанные лица должны возмещать расходы, потраченные на содержание их детей, в том числе и в период их нахождения в исправительных учреждениях.

Следует отметить, что большинство обязанных лиц ведет аморальный образ жизни, пьет и, как следствие, не желает работать и возмещать расходы государству на содержание их детей. В результате этого законодателем была установлена уголовная ответственность за уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении (ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь). За совершение указанного преступления в качестве наказания могут быть назначены общественные работы, или исправительные работы, или арест, или ограничение свободы, или лишение свободы. Безусловно, наказания, предусмотренные санкцией вышеуказанной статьи, имеют право на свое существование, но вместе с тем вопрос о целесообразности применения ареста как вида уголовного наказания в отношении обязанных лиц хотелось бы рассмотреть более развернуто.

Следует отметить, что применение наказания в виде ареста за совершение указанного преступления на протяжении пяти лет характеризуется стремительным ростом показателей.

Содержание Декрета № 18 говорит о том, что трудоустройство обязанных лиц осуществляется таким образом, чтобы зарплата обязанного лица позволяла обеспечить полное исполнение ежемесячных обязательств по возмещению расходов на содержание детей и за ним сохранялось не менее 30 % зарплаты.

Согласно ч. 1 ст. 60 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь «осужденные к аресту, обязанные возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, обязаны трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией арестного дома либо учреждения уголовно-исполнительной системы, на территории которого расположен арестный дом».

В связи с краткосрочностью указанного наказания, а также созданием таких условий труда, в которых не обеспечиваются права детей (невозможность выплат, неучастие в воспитании), требования Декрета № 18 в период отбывания наказания в виде ареста невозможно исполнить надлежащим образом. Администрация арестных домов не имеет возможности обеспечить необходимый уровень зарплат, позволяющий обязанным лицам в полном объеме погашать имеющуюся задолженность перед государством.

Статистические данные о возмещении осужденными к аресту, а также обязанными лицами, задолженности по исполнительным листам показывают, что осужденные к аресту, в том числе обязанные лица, возмещают всего лишь ничтожный процент задолженности. Уровень возмещения осужденными к аресту, в том числе обязанными лицами, задолженности по исполнительным листам остается стабильно низким (около 3 %).

Вне всякого сомнения, ситуация с обязанными лицами в арестных домах достаточно критична. Кроме того, в условиях строгой изоляции привлечение осужденных к труду размывает содержательно-карательную и функциональную сущность ареста.

Очевидно, что арест – не лучшее наказание в плане принуждения осужденного к зарабатыванию денег, чтобы за их счет возмещать расходы государству. Не следует ориентироваться на применение ареста при осуждении лиц за уклонение от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении (ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Также следует отметить, что сотрудники арестных домов при освобождении обязанного лица из арестного дома сопровождают его к месту жительства. В связи с чем затрачивается много служебного времени, а также значительное количество материальных средств. Попытка привлекать осужденных к аресту к труду, особенно с целью возмещения расходов на содержание детей, малопродуктивна.

Так, обязанные лица привлекаются к уголовной ответственности только в случае злостного уклонения от уплаты расходов на содержание их детей. В таких случаях правильнее было бы привлекать их к более строгому наказанию, чем арест, в частности к ограничению свободы с обязательным привлечением к труду (ч.2 ст.55 Уголовного кодекса Республики Беларусь – на срок от 6 месяцев до 5 лет). Кроме того, в условиях ограничения свободы данная категория лиц имеет больше возможностей устроиться на хорошо оплачиваемую работу. Полагается, что после отбытия относительно «большого» срока наказания обязанные лица возместят ущерб в полном объеме, а также выработают привычку постоянно работать и обеспечивать свою жизнь трудом, чего невозможно достичь в условиях отбывания наказания в виде ареста.

Стало очевидным, что практика привлечения осужденных, отбывающих арест, к труду нивелирует карательную специфику данного наказания. Именно по этой причине представляется обоснованным мнение сотрудников арестных домов (около 78 % сотрудников арестных домов считают применение наказания в виде ареста нецелесообразным в отношении лиц, уклоняющихся от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении).

С учетом указанного обоснована необходимость отказа от применения наказания в виде ареста в отношении лиц, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении.

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ «УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ»

Кукитель Виктория Александровна

*аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь*

В правоприменительной практике определенное время существовал вопрос: является ли определение судов об утверждении мирового соглашения судебным постановлением? В доктрине уголовного права существует мнение правоведов, положительно отвечающих на данный вопрос [1]. Более того, в правоприменительной практике встречаются примеры возбуждения уголовных дел по факту уклонения от погашения кредиторской задолженности по вступившему в законную силу определению суда об утверждении мирового соглашения.

Пример: Орган финансовых расследований Комитета государственного контроля возбудил уголовное дело по ст.242 УК Республики Беларусь в отношении директора частного унитарного предприятия «М.» (далее – ЧУП «М.»), который, согласно постановлению о возбуждении уголовного дела,

уклонился от погашения кредиторской задолженности в сумме 54,7 млн. неденоминированных белорусских рублей в пользу индивидуального предпринимателя «К.» (далее – ИП «К.») по вступившему в законную силу определению суда об утверждении мирового соглашения между ЧУП «М.» и ИП «К.» от 6 ноября 2009 г. при наличии возможности выполнить эту обязанность [2].

На основании ч. 1 и 5 ст. 121, ч. 1 ст. 122 и ч. 8 ст. 123 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) эйдетический смысл мирового соглашения заключается в том, что оно по сути выступает в роли соглашения сторон о прекращении судебного спора, в основе чего находятся взаимные уступки [3]. Письменная форма мирового соглашения заключается сторонами процесса, в свою очередь задачей экономического суда, при условии соответствия данного документа законодательству, является его утверждение. Указанный выше орган судебной власти проверяет соответствие мирового соглашения национальному законодательству, соблюдены ли в нем права и законные интересы третьих лиц и не причиняется ли им вред. В случае, если все вышеперечисленное соответствует законодательству Республики Беларусь, мировое соглашение утверждается экономическим судом.

Из системного анализа норм ХПК Республики Беларусь делаем вывод, что в основе выдачи экономическим судом исполнительного документа (судебного приказа) находится не определение суда об утверждении мирового соглашения, а именно мировое соглашение.

Таким образом, мировое соглашение выступает в роли соглашения сторон экономического процесса и не приобретает статус судебного постановления даже после его утверждения экономическим судом. Существенным моментом, не позволяющим рассматривать определение суда об утверждении мирового соглашения в качестве судебного постановления, о котором идет речь в составе преступления, предусмотренного ст. 242 УК Республики Беларусь «Уклонение от погашения кредиторской задолженности», является тот факт, что при уклонении от исполнения мирового соглашения лицом не исполняет всего лишь соглашение сторон процесса, в основе которого находятся взаимные уступки. Безусловно вышеупомянутая договоренность сторон не может выступать в качестве судебного постановления в рамках ст. 242 УК Республики Беларусь.

В абзаце 4 п. 4 научно-практического комментария к Уголовному кодексу Республики Беларусь в редакции 2019 г. разъяснено, что в рамках ст. 242 УК Республики Беларусь «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» уклонение от исполнения мирового соглашения не является вступившим в законную силу судебным постановлением и, следовательно, данное деяние не образует исследуемого состава преступления, поскольку в соответствии со ст. 3 УК Республики Беларусь использование аналогии в уголовном праве не допускается [4, с. 552].

В приведенном примере о возбуждении уголовного дела по факту уклонения от погашения кредиторской задолженности, определением суда утверждалось мировое соглашение между субъектами хозяйствования,

а не взыскивалась кредиторская задолженность. Следовательно, умышленное неисполнение мирового соглашения не влечет уголовной ответственности по ст. 242 УК Республики Беларусь, в свою очередь уголовное дело, возбужденное в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь, подлежало прекращению за отсутствием в деянии состава преступления [5].

Отметим, что данное решение было принято не сразу: следователь отклонил ходатайство подозреваемого о прекращении уголовного дела. Прокурор г. Минска ответил, что являются законными и обоснованными возбуждение уголовного дела в отношении данного лица, а также избрание в отношении него меры пресечения в виде подписки о невыезде, вынесение постановления о временном ограничении его выезда из страны, выемка документов предприятия. В свою очередь Генеральная прокуратура Республики Беларусь по жалобе подозреваемого указала на незаконность возбуждения уголовного дела: спустя 4 месяца после возбуждения уголовного дела предварительное расследование было прекращено из-за отсутствия состава преступления [2].

Несмотря на то, что мировое соглашение не является судебным актом, при уклонении от исполнения которого возможно возбудить уголовное дело по факту исследуемого состава преступления, им (мировым соглашением), утвержденным определением суда, может быть аннулировано вступившее в законную силу постановление суда о взыскании кредиторской задолженности [6].

Часть 2 ст. 121 ХПК Республики Беларусь дает право сторонам процесса на любой стадии судопроизводства в экономическом суде заключить мировое соглашение. Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2016 г. № 3 «О примирении сторон при рассмотрении судами гражданских и экономических споров» предоставляет возможность заключения мирового соглашения сторонам в апелляционном, кассационном и надзорном порядках, из чего следует при утверждении данных мировых соглашений экономическим судом отмена судебных постановлений и прекращение производства по делу [7]. Право на заключение мирового соглашения на стадии исполнительного производства предоставлено абзацем 8 ч. 1 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» [8].

А. И. Лукашов обращает внимание на следующую ситуацию: должник уклонялся от погашения кредиторской задолженности по судебному постановлению, затем на стадии кассационного, надзорного или исполнительного производства стороны заключили мировое соглашение, утверждаемое судом, следует ли привлекать к ответственности должника за ранее совершенное преступление по уклонению от погашения кредиторской задолженности [6]?

Ответ на вышепоставленный вопрос содержится в ст. 26 УПК Республики Беларусь: исследуемый нами состав преступления законодатель не отнес к делам частного обвинения, следовательно, примирение сторон не является основанием для освобождения от уголовной ответственности.

Вместе с тем А. И. Лукашов отмечает, что существует возможность, установленная ст. 89 УК Республики Беларусь и ст. 30 УПК Республики Беларусь, прекращения производства по уголовному делу в связи с примирением сторон. Ученый отмечает, что термин «потерпевший» и «пострадавший» не являются идентичными понятиями, однако допускает возможность в данном случае применения института аналогии при освобождении от уголовной ответственности в рамках ст. 89 УК, ссылаясь на п. 2 ст. 71 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах». Указанное выше положение закрепляет, что до внесения изменений в нормативные правовые акты либо принятия (издания) новых нормативных правовых актов устранение пробелов в законодательстве (правовом регулировании) может осуществляться путем применения институтов аналогии закона и аналогии права [9].

Правовед отмечает, что описанная выше возможность является правом, а не обязанностью, когда суд, прокурор или следователь с согласия прокурора в случае совершения преступления, не представляющего большой общественной опасности, прекращают производство по уголовному делу и освобождают от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим [6].

Список цитированных источников

1. Хиллота, В. В. Уклонение от погашения кредиторской задолженности: проблемы привлечения недобросовестного должника к ответственности / В. В. Хиллота // Вестн. Высшего Хозяйственного Суда. – № 8. – 2010. – С. 87–94.
2. Лукашов, А. И. Об уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности [Электронный ресурс] / А. И. Лукашов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. В. Марчука, В. М. Хомича. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Лукашов, А. И. О влиянии мирового соглашения на ответственность за ее совершение и субъектах уклонения от погашения кредиторской задолженности [Электронный ресурс] / А. И. Лукашов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
7. О примирении сторон при рассмотрении судами гражданских и экономических споров [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 июня 2016 г., № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 окт. 2016 г. № 439-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
9. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИЮ В ГОСУДАРСТВЕННОМ И ЧАСТНОМ СЕКТОРАХ

Куница Егор Владимирович

*соискатель Национального центра законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь*

В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» коррупция определена как умышленное использование служебного положения в целях противоправного получения имущества или другой выгоды, а также подкуп должностного или приравненного к нему лица.

Развивая данное законодателем определение, следует отметить, что как антисоциальное и криминологическое явление коррупция охватывает всю совокупность умышленных деяний, которые совершаются посредством неправомерного использования (злоупотребления служебными полномочиями или служебным положением) лицами, обладающими публичными и корпоративными властными полномочиями администрирования, с целью удовлетворения вопреки служению общему делу личных интересов или интересов третьих лиц. Понятие коррупции составляет достаточно широкий спектр деяний, совершаемых посредством или на основе коррупционного злоупотребления властью как со стороны тех, кто облечен полномочиями власти, так и со стороны тех, кто пытается добиться для себя необоснованных преимуществ со стороны представителей власти [1, с. 17].

С учетом указанных особенностей природы коррупции, степени ее распространенности, а также сложившихся социально-политических условий законодатель устанавливает пределы и систему мер ответственности за совершение деяний собственно коррупционных, а также некоторых создающих условия для коррупции.

Особое внимание при этом уделяется регламентации на уровне уголовного закона запрета на совершение наиболее опасных деликтов, в которых коррупция проявляется как определенный криминогенный результат. В связи с этим в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) установлена ответственность за коррупционные преступления, которая соответствует общепринятым признакам коррупции и международным требованиям криминализации наиболее опасных коррупционных деяний.

Вместе с тем приходится констатировать, что проблема адекватной оценки коррупционных преступлений, равно как и уголовно-правовой дифференциации ответственности за их совершение, по-прежнему не утратила своей актуальности.

Согласно существующим подходам международных организаций в антикоррупционной сфере в уголовном законодательстве государства должны быть обеспечены подходы к криминализации коррупционных общественно опасных деяний, которые позволят ввести эффективные меры ответственности за их совершение с учетом принципа дифференциации и адекватности наказания.

Соответствующие положения содержатся в подп. 4.7 п. 4 Рекомендаций по совершенствованию законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия коррупции, принятых постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств–участников Содружества Независимых Государств от 23 ноября 2012 г. [2].

При этом под дифференциацией уголовной ответственности как принципом права традиционно понимается установление в законе различных ее видов в зависимости от общественной опасности правонарушения. Сущность дифференциации в уголовном праве заключается в разработке на уровне закона такого разнообразия мер уголовно-правового характера, которое в наибольшей мере соответствовало бы разнообразию типовой общественной опасности преступления и лиц, их совершающих [3, с. 8].

Характер общественной опасности деяния, как центральный критерий дифференциации уголовной ответственности, является качественной характеристикой совершенного деяния и определяется важностью и значимостью объекта посягательства и иными признаками, которые послужили основанием для криминализации деяния [4, с. 284].

Поскольку критерий общественной опасности того или иного деяния не является статичной величиной и может со временем изменяться, постольку адекватная уголовно-правовая оценка содеянного также будет обладать определенной динамикой. Подобные ситуации периодически возникают на практике.

Так, вопрос о дифференциации уголовной ответственности за коррупцию с точки зрения практической значимости приобрел дополнительную актуальность в 2019 г. в связи с усилением антикоррупционных мер и установлением законодательного запрета на применение условно-досрочного освобождения или замены неотбытой части наказания более мягким наказанием для лиц, осужденных за совершение коррупционных преступлений. Соответствующие корректировки были внесены в ст. 90 и 91 УК Законом Республики Беларусь от 11 ноября 2019 г. № 253-З «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь».

Указанные новеллы в первую очередь направлены против наиболее общественно опасных форм проявления деловой коррупции, которые вызывают наибольший общественный резонанс и масштабные негативные последствия. Они также призваны способствовать снижению мотивации к систематической многоуровневой преступной деятельности в системе государственного управления и социально-значимых отраслях экономики.

В то же время при реализации указанных подходов сложилась ситуация, при которой усиленные меры ответственности в равной степени применяются не только к «коррупционерам-чиновникам», но и к должностным лицам частных организаций. Такое положение дел видится не вполне оправданным, поскольку имеются существенные различия в степени общественной опасности коррупционных деяний, совершенных в государственном и частном секторах.

С учетом этого, а также на основе обобщения позиций заинтересованных государственных органов, обращений граждан, международного опыта проблема дифференциации уголовной ответственности за коррупцию в государственном и частном секторах рассматривалась в 2019 г. в ходе подготовки Генеральной прокуратурой Республики Беларусь проекта Закона «Об изменении законов по вопросам борьбы с коррупцией».

Первоначально предложенная разработчиками законопроекта модель разграничения уголовной ответственности предполагала дополнение Особенной части УК специальными составами коррупционных преступлений, субъектами которых являются должностные лица негосударственных организаций. При этом предусматривалось некоторое смягчение санкций по данным специальным составам по сравнению с существующими, а также возможность применения к осужденным институтов условно-досрочного освобождения или замены не отбытой части наказания более мягким.

Однако такое решение предполагало существенное усложнение уголовного закона, в связи с чем не было поддержано в ходе обсуждения среди заинтересованных государственных органов.

Впоследствии был подготовлен принципиально иной вариант решения обозначенной проблемы, который предполагает дифференциацию ответственности при минимальной корректировке уголовного закона. Его суть заключается с следующим.

В законопроекте выделена отдельная категория должностных лиц – должностные лица, занимающие государственные должности, в отношении которых исходя из их особого правового статуса и высокой степени общественной опасности совершаемых ими коррупционных преступлений сохраняется повышенная ответственность в виде неприменения институтов условно-досрочного освобождения от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким.

К указанной категории лиц отнесены лица, постоянно или временно, либо по специальному полномочию занимающие в государственном органе должности, предусмотренные Конституцией Республики Беларусь, иными законодательными актами, и осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в целях исполнения или непосредственного обеспечения исполнения полномочий данного государственного органа, а именно: Президент Республики Беларусь, депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, иные государственные служащие, сотрудники Следственного комитета Республики Беларусь, сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, лица, занимающие должности в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь, органах внутренних дел, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям, органах финансовых

расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь и относящиеся в соответствии с настоящим Кодексом к должностным лицам.

Определение должностных лиц, занимающих государственные должности, синхронизировано с законодательством о борьбе с коррупцией (абзац 3 ст. 1 Закона «О борьбе с коррупцией»), законодательством о государственной службе (ст. 4 и 5 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь») и предложено к закреплению в ч. 4-1 статьи 4 УК.

Одновременно подготовлена новая редакция ст. 90 УК, которая устанавливает, что должностные лица, занимающие государственные должности, осужденные за совершение коррупционных преступлений, не подлежат условно-досрочному освобождению от наказания. Аналогичный подход применен также при формулировании новой редакции ст. 91 УК в части регламентации правил замены неотбытой части наказания более мягким наказанием.

Реализация данных предложений будет способствовать обеспечению сбалансированности наказания за коррупционные преступления в государственном и частном секторах и не повлечет необходимость кардинальной корректировки Закона «О борьбе с коррупцией» и иных законодательных актов, а также не потребует пересмотра состоявшихся судебных решений по уголовным делам о коррупции.

В настоящее время проектные нормы по вопросам дифференциации уголовной ответственности за коррупцию включены в проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», который находится на рассмотрении в Национальном собрании Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / НПП Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Амалфея, 2017. – 608 с.
2. О рекомендациях по совершенствованию законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия коррупции [Электронный ресурс]: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 23 нояб. 2012 г., № 38-17 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Самсонов, В. Н. О дифференциации уголовной ответственности за должностные преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / В. Н. Самсонов // Рос. следователь. – 2018. – № 12. – С. 52–56.
4. Уголовное право. Общая часть: учебник / Ю. В. Грачева [и др.]; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рапога, А. И. Чучаева. – 2-е изд. – М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2008. – 416 с.

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ПОИСК И ИЗВЛЕЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ

Мартыненко Игорь Эдуардович

*заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,
доктор юридических наук, профессор*

В состав историко-культурного наследия входит археологическое наследие, которое соотносится с последним как целое и часть. Беларусь богата археологическим наследием, которое включает следы человеческого обитания и состоит из мест, фиксирующих проявления деятельности человека, в том числе покинутых строений и руин (включая подземные и подводные) вместе со всем историческим и культурным окружением. Изучение артефактов, обнаруженных в результате археологических раскопок и разведок, дает наиболее полные и важные сведения о развитии общества и культуры.

Однако в последние годы распространение получили нелегальные (иногда их называют *несанкционированными* в связи с отсутствием официального выданного разрешения) раскопки объектов археологического наследия – принятых на государственный учет памятников, выявленных в земле или под водой недвижимых материальных объектов и извлеченных из этих сфер артефактов, которые представляют научную, историческую или иную культурную ценность, и в последствии участвуют в незаконном обороте.

Эта тенденция характерна для многих государств. Как заметил В. М. Хомич, пора определиться с сопровождающими уголовное право проблемами защиты общества от угроз криминального характера, как традиционных, так и надвигающихся [1, с. 98–99]. Такой угрозой (в нашем контексте) является **нелегальная деятельность по поиску и извлечению археологических артефактов из мест их залегания**.

Мы исходим из того, что общественная опасность посягательств на историко-культурные ценности (в широком смысле) состоит в нанесении невосполнимого ущерба национальному наследию и духовному достоянию в виде утраты составляющих его уникальных объектов, предметов и проявлений человеческого творчества либо их повреждении, умалении достоинств и качественных характеристик.

Поэтому мы предлагаем новый (для Республики Беларусь) подход, связанный с необходимостью криминализации отношений в области нелегального поиска (значит и разрушения / повреждения памятника или объекта археологического наследия) археологических объектов и артефактов.

Конечно же, в нашей стране приняты серьезные меры по пресечению и предупреждению нелегальных раскопок: на территории Республики Беларусь запрещаются приобретение, продажа, дарение, мена, залог археологических артефактов (исключение составляют некоторые случаи, которые мы в рамках данной статьи не рассматриваем – прим. автора).

Правоохранительные органы уже приступили к обеспечению реализации данной нормы. Так, на одном из сайтов гражданином А. был выставлен лот – клад в количестве 292 монет и указана его стартовая цена. В целях недопущения продажи, уничтожения или вывоза за пределы Республики Беларусь материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности, правоохранительными органами были приняты определенные меры, по результатам которых лот снят с торгов, а монеты переданы в одно из государственных учреждений культуры Гомельской области. Теперь монеты, идентифицированные как «золотоордынские пулы XIV в.», представляющие историко-культурный и научный интерес для государства, экспонируются в музее и доступны для граждан, интересующихся историей своей страны [2].

Итак, в целях обеспечения сохранения всего массива археологического наследия представляется целесообразным в Республике Беларусь ввести уголовную ответственность за поиск и (или) изъятие археологических артефактов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без выданного в установленном порядке разрешения, повлекшие повреждение или уничтожение культурного слоя.

Предметом преступного посягательства в данном случае выступают археологические артефакты как разновидность культурных ценностей, определение которого мы находим в ст. 123 Кодекса о культуре: таковыми являются *движимые* (выделено автором – И. М.) материальные объекты, возникшие в результате жизни и деятельности человека более ста двадцати лет тому назад, сохранились в культурном слое или на дне природных и искусственных водоемов, имеют историческое, художественное, научное или другое культурное значение, могут соответствовать критериям для придания им статуса историко-культурной ценности, предусмотренным ст. 92 этого Кодекса, и на момент их выявления не имеют собственника.

Обязательными признаками основного состава преступления являются: 1) осуществление поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой [3, с. 45]; 2) отсутствие разрешения (так называемый «Дазвол» – прим. автора) на право проведения указанных работ; 3) повреждение или уничтожение культурного слоя в результате проведения указанных работ.

Заметим, что археологические исследования могут производиться на основании Разрешений по формам № 1–4, которые выдаются Национальной академией наук Беларуси в соответствии с законодательством об административных процедурах.

Помимо признаков основного состава необходимо определить специальный признак – место совершения преступления, который усиливает опасность и наказуемость деяния. Более высокая общественная опасность указанного деяния возникает, если преступление совершается в границах принятого на государственный учет памятника археологии, т. е. включенного в Государственный список историко-культурных ценностей республики

Беларусь [4]. В данном случае *местом преступления* будет являться территория в пределах охранной зоны недвижимой материальной историко-культурной ценности – памятника археологии (см. ст. 105 Кодекса о культуре) или охватываемая понятием *археологические объекты* (такowymi являются в соответствии со ст. 123 Кодекса о культуре недвижимые материальные объекты или их комплексы вместе с археологическими артефактами и культурным слоем (слоем), возникшим в результате жизни и деятельности человека более ста двадцати лет тому назад, сохранились в земле или на дне природных и искусственных водоемов, имеют историческое, художественное, научное или другое культурное значение, могут соответствовать критериям для придания им статуса историко-культурной ценности, предусмотренным ст. 92 этого Кодекса).

Определение *культурного слоя* содержится в ст. 123 Кодекса о культуре: культурный слой – это слой в земле или под водой, образовавшийся в результате жизни и деятельности человека и содержит следы существования человека.

Для квалификации деяния как преступления лицо должно осознавать наличие культурного слоя на территории проводимых раскопок. Данный факт является важным критерием, так как он является единственным, отделяющим субъекта данного преступления от лица, случайно нашедшего и изъявшего культурную ценность из места залегания [5, с. 13].

Под *повреждением* культурного слоя можно понимать нарушение его целостности в результате физического воздействия человека. При таком воздействии культурный слой частично теряет свою информативность: затрудняется возможность исследования напластований; перемещаются, повреждаются и (или) утрачиваются археологические предметы, а также следы жизнедеятельности человека в археологическую эпоху. Уничтожение культурного слоя сводит на нет его информативность: исключается возможность исследования напластований, утрачиваются и (или) повреждаются археологические предметы и следы жизнедеятельности человека в археологическую эпоху. Культурный слой может утратить информативность в результате значительного физического воздействия человека. Это возможно при вскрытии больших площадей слоя на всю его глубину [3, с. 47].

Повреждение или уничтожение культурного слоя должны находиться в причинно-следственной связи с поиском и (или) изъятием археологических предметов, осуществляемыми без упомянутого выше разрешения.

Субъективная сторона данного преступления (*здесь мы подразумеваем, если будет введено в УК – прим. автора*) характеризуется прямым либо косвенным умыслом, при которых лицо осознает, что осуществляет поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания без разрешения, предвидит возможность либо неизбежность повреждения или уничтожения культурного слоя как результата совершаемых общественно опасных действий и желает их наступления, либо не желает, но сознательно допускает или относится к нему безразлично [6, с. 120].

Как представляется, введение уголовной ответственности за нелегальный поиск археологических предметов (артефактов), сопряженный с разрушением культурного слоя, в комплексе с другими мерами правовой защиты (присоединение к Конвенции ЮНЕСКО «Об охране подводного культурного наследия 2003 г. и Конвенции УНИДРУА по похищенным и незаконно вывезенным культурным ценностям» 1995 г.) повысит уровень правовой защищенности нашего национального культурного достояния, к числу которого, безусловно, относится и археологическое наследие Беларуси.

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. Уголовно-правовая наука и уголовный закон в контексте обеспечения верховенства права в противодействии преступности в эпоху социальных трансформаций / В. М. Хомич // Право. by. – 2019. – № 6. – С. 96–103.
2. Прокуратурой Гомельской области совместно с УКГБ по Гомельской области пресечена незаконная торговля археологическими артефактами [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=40961#doc>. – Дата доступа: 20.10.2020.
3. Панфилов, А. Н. Проблемы правового регулирования использования металлоискателей для целей, не связанных с поиском и изъятием археологических предметов из мест залегания / А. Н. Панфилов // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Соц.-экон. и правовые исслед. – 2020. – Т. 6. – № 2 (22). – С. 92–109.
4. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь // Официальный сайт М-ва культуры Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.kultura.by/by/ikn-by/>. – Дата доступа: 20.10.2020.
5. Редчиц, М. А. Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия : дис ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. А. Редчиц ; НИУ «Высшая школа экономики». – Москва, 2018. – 222 с.
6. Кобзева, Е. В. Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания – новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти / Е. В. Кобзева // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 2 (85). – С. 117–121.

ОБЪЕКТ КОНФЛИКТНОГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ В НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. М. ХОМИЧА

Марчук Василий Васильевич

директор государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Профессор В. М. Хомич является одним из тех авторов, который выделяет два вида уголовно-правовых отношений: общие охранительные²⁹

²⁹ В литературе можно встретить и иные названия этого вида: «табуальные отношения», «регулятивные уголовно-правовые отношения», «общерегулятивные уголовные правоотношения», «регулятивно-охранительные правоотношения», «предупредительные правоотношения», «охранительно-предупредительные правоотношения», «правоотношения в широком смысле слова». Наличие этих отношений в уголовно-правовой доктрине объясняют обычно в контексте позитивного уголовно-правового регулирования.

и конфликтные³⁰ уголовные правоотношения. Общие охранительные уголовно-правовые отношения возникают с момента вступления в силу нормы уголовного закона и касаются соблюдения гражданами уголовно-правового запрета под угрозой применения наказания в случае нарушения этого запрета. В рамках этих уголовно-правовых отношений реализуется охранительная функция уголовного права. Второй вид уголовно-правового отношения связан с фактом совершения деяния, запрещенного уголовным законом. В своей основе данные правоотношения едины, поскольку заключают угрозу уголовной ответственности и возможность ее реального применения в случае нарушения уголовно-правового запрета.

Кто является участниками указанных уголовно-правовых отношений, содержание их прав и обязанностей В. М. Хомич подробно изложил в своих публикациях, которые известны широкому кругу правоведов [1, 2, 3, 4 и др.].

Вместе с тем, как показывают проведенные исследования, наиболее сложным в структуре уголовно-правового отношения является вопрос о понимании его объекта. Дело, в том, что в отличие от гражданско-правовых отношений юридическое содержание субъективных прав и обязанностей участников конфликтного уголовно-правового отношения имеет свою специфику: активная позиция в данном виде правоотношения принадлежит государству, в лице его уполномоченных органов.

В этой части считаю необходимым воспроизвести следующие рассуждения профессора В. М. Хомича, которые были написаны им тридцать лет назад: «Если быть предельно точным и последовательным, то объектом охранительно-конфликтного правоотношения является социально-правовая оценка объективно-запрещенного уголовным законом деяния на предмет того, является ли оно преступлением, влекущим уголовную ответственность, или деянием, влекущим иные меры уголовно-правового принуждения (ст. 55 УК БССР), и собственно сама уголовная ответственность. С момента возникновения уголовного правоотношения именно по этим вопросам разворачивается облаченная в процессуальную форму и основанная на уголовно-правовом взаимодействии вся многогранная предметно-познавательная деятельность субъектов уголовно-правового отношения (государства в лице его органов дознания, следствия и правосудия, с одной стороны, и лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, с другой). В процессе указанной деятельности устанавливается наличие в содеянном соответствующего преступления либо его отсутствие, разрешается вопрос об уголовной ответственности в случае подтверждения факта совершения преступления. Разрешение вопроса о наличии или отсутствии в содеянном признаков преступления, а также уголовная ответственность как возможное правовое последствие преступления и составляют в основном содержательную

³⁰ Правоведы их тоже называют по-разному: «уголовно-правовое отношение в узком смысле слова», «уголовно-регулятивное правоотношение», «охранительно-карательное уголовно-правовое отношение», «восстановительное уголовно-правовое правоотношение», «относительное уголовное правоотношение» и др.

сторону объекта охранительно-конфликтного правоотношения, выражает динамику *функционального* взаимодействия его субъектов на основе противоположений уголовного закона.» [2, с. 84].

При первом прочтении создается впечатление, что Владимир Михайлович интерпретирует объект конфликтного уголовно-правового отношения с позиции его множественности («социально-правовая оценка объективно-запрещенного уголовным законом деяния...» и «собственно сама уголовная ответственность»). Однако контент воспроизведенных суждений профессора подсказывает, что объект уголовно-правового отношения рассматривается им в его динамике, где первоочередное значение придается деятельности правоприменительных органов в выяснении вопроса об общественно опасном деянии, как фактическом основании уголовной ответственности.

Новая интерпретация содержания конфликтного охранительного уголовно-правового отношения позволила В. М. Хомичу разработать и инновационный подход к сущности уголовной ответственности. В своих публикациях Владимир Михайлович делает вывод о том, что в рамках охранительного конфликтного правоотношения могут возникать отношения уголовной ответственности. Момент их возникновения связан с вынесением обвинительного приговора. Только с момента введения для преступника режима его осужденности за совершенное преступление возникает уголовная ответственность, осужденный начинает нести бремя мер ее воздействия. И в рамках отношений уголовной ответственности возникает система специфических правоотношений, выражающих содержание взаимодействия лица, подвергаемого мерам воздействия ответственности, и субъекта, осуществляющего в отношении осужденного в принудительном порядке меры ее воздействия [5].

Поддерживая идеи Владимира Михайловича относительно содержания правоотношений уголовной ответственности и, в целом, сущности уголовной ответственности, применительно к объекту конфликтного уголовно-правового отношения, представляется, в настоящее время уже есть основания, в том числе и в философском аспекте, для несколько иных представлений («Платон мне друг, но истина дороже!»).

В философии понятия «объект» и «субъект» рассматриваются как парные категории. В гносеологическом смысле под объектом понимают то, на что направлена активность субъекта. В советский период авторы, использовавшие в объяснении природы объекта правоотношения философскую категорию «объект», в рамках существовавшей тогда единственно верной философии вынуждены были использовать трактовку объекта только как объективной реальности. При этом познание объективной реальности объяснялось на основе господствующей в то время теории отражения. Однако в XXI веке категорию «объект» в философии стали рассматривать во множественности ее значений. В современных философских источниках обозначаются разные типы объектов и соответственно разные типы субъектно-объектных отношений. К объекту относят в настоящее время не только вещь, реально существующую в мире,

но и объективно-реальные ситуации, проявившиеся ранее во времени и пространстве. В качестве объекта могут выступать другие люди, их сознание, а также предметы культуры (включая тексты) и присущие им смыслы [6, с. 136].

Современные философские представления о субъектно-объектных отношениях позволяют в ином ракурсе посмотреть на проблему объекта не только в теории уголовно-правового отношения, но и в теории квалификации преступления. Автором настоящей публикации ранее обосновывался вывод о том, что с учетом содержания и направленности поведения соответствующего участника правоотношения есть основания говорить о множественности объектов уголовно-правового отношения. Предметно-практическая, познавательная и оценочная деятельность правоприменителя направлена на два объекта: проявившееся во времени и конкретном месте общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, и лицо, совершившее это общественно опасное деяние [7, с. 7–20].

Познавательная деятельность органа, осуществляющего уголовное преследование, как участника правоотношения, направлена не только на общественно опасное деяние, но и на лицо, его совершившее. И в этом коренное отличие уголовно-правового отношения от гражданско-правового отношения.

При собирании доказательств о виновности соответствующего лица важное значение имеет выяснение состояния сознания этого лица. Данное состояние в посткриминальный период может быть объектом познавательной и оценочной деятельности. Выяснение состояния сознания этого лица является одной из тех составляющих, которая в совокупности с другими обстоятельствами дела позволяет сформулировать вывод о вменяемости или невменяемости лица в момент совершения общественно опасного деяния. Если мы будем отрицать лицо, совершившее преступное деяние, в качестве объекта конфликтного уголовно-правового отношения, тогда не будет понятной направленность правового воздействия в рамках правоотношения уголовной ответственности. В этом смысле, лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние, позиционируется и как потенциальный объект воздействия уголовной ответственности [8, с. 55].

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. Содержание уголовно-правового регулирования (теоретический аспект) / В. М. Хомич // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Тихиня (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1990. – Вып. 3. – С. 99–114.
2. Хомич, В. М. Конфликтные уголовно-правовые отношения (содержание и функции) / В. М. Хомич // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Тихиня (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1991. – Вып. 4. – С. 76–87.
3. Хомич, В. М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (Теоретическая концепция и правовая модель института уголовной ответственности) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. / В. М. Хомич. – Минск, 1997. – 37 с.
4. Хомич, В. М. Формы реализации уголовной ответственности / В. М. Хомич. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 132 с.

5. Хомич, В. М. Правоотношения уголовной ответственности / В. М. Хомич // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1992. – Вып. 5. – С. 76–85.

6. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук ; редкол.: В. С. Степин (пред.) [и др.]. – М. : Мысль, 2000–2001. – Т. 2. – 2001. – 636 с.

7. Марчук, В. В. Теория квалификации преступления / В. В. Марчук. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 339 с.

8. Марчук, В. В. Методологические основы квалификации преступления : монография / В. В. Марчук. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 440 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В КОНТЕКСТЕ УТОЧНЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Никитенко Ольга Геннадьевна

заместитель начальника управления по обеспечению деятельности

*Постоянной комиссии по законодательству и государственному
строительству Секретариата Совета Республики Национального собрания
Республики Беларусь*

В отечественной доктрине уголовного права однозначно не определено, какие преступные деяния надлежит относить к преступлениям террористического характера.

На наш взгляд, составы данных преступлений содержатся в ст. 124–126, 289, 291–292, 324 и 359 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Совокупными критериями их систематизации являются высокий уровень типовой общественной опасности, общность признаков их объективной и субъективной сторон (многообъектность составов, публичность, двухэтапность совершения, преследование определенных целей), круг адресатов потерпевших.

Можно отметить, что составы преступлений террористического характера имеют усеченную или формальную модель объективной стороны. Они сконструированы как сложные преступные деяния, что обусловлено двухэтапностью их совершения. На первом этапе виновные запугивают, устрашают, дестабилизируют морально-психологическую обстановку; на втором – понуждают конкретного субъекта или нескольких субъектов поступить определенным образом или воздержаться от совершения определенных действий.

Высокий уровень типовой общественной опасности преступлений террористического характера, предопределяемый спецификой методов, избираемых террористами для совершения данных преступных деяний, и целями, которые виновные желают достичь, обуславливает комплексность законодательных конструкций составов преступлений террористического характера и их многообъектность.

При этом использование законодателем разделительного (дизъюнктивного) метода размещения составов преступлений

террористического характера в различных главах УК в зависимости от непосредственного объекта обусловлено не только многообъектностью указанных составов, но и собирательно-компилятивным характером понятия «терроризм» как уголовно-правовой и общественно-политической категории.

Обращаем внимание, что систематизация составов преступлений террористического характера позволила выявить в УК ряд системных пробелов.

Во-первых, несмотря на то, что основания для освобождения от уголовной ответственности установлены за такие преступления террористического характера, как акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации (ст. 124 УК), акт международного терроризма (ст. 126 УК), акт терроризма (ст. 289 УК) и акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля (ст. 359 УК), указанные основания применительно к нападениям на учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 125 УК), отсутствуют. Считаем целесообразным дополнение ст. 125 УК примечанием следующего содержания:

«Примечание. Лицо, участвовавшее в приготовлении к деяниям, предусмотренным настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением государственных органов или иным образом предотвратило нападение на учреждения, пользующиеся международной защитой.».

Во-вторых, в абзаце 1 ч. 2 ст. 126 УК и абзаце 1 ч. 2 ст. 289 УК отсутствует указание на полный перечень составов преступлений террористического характера. Полагаем обоснованным изложение абзаца 1 ч. 2 ст. 126 УК и абзаца 1 ч. 2 ст. 289 УК в следующих редакциях соответственно:

«2. Акт международного терроризма, совершенный повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные статьями 124 – 126, 289, 290¹, 291, 292, 324 и 359 настоящего Кодекса, или сопряженный с причинением тяжких телесных повреждений, – »;

«2. Акт терроризма, совершенный повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные статьями 124 – 126, 289¹, 290¹ – 292, 324 и 359 настоящего Кодекса, или сопряженный с причинением тяжких телесных повреждений, – ».

В-третьих, несмотря на то, что преступления террористического характера являются неотъемлемым компонентом системы преступлений террористической направленности наряду с преступлениями с признаками терроризирования, специальная повторность применительно к совершению акта терроризма в УК не установлена. В связи с этим предлагаем примечание к ст. 289 УК изложить в следующей редакции:

«Примечания.

1. Акт терроризма считается совершенным повторно, если ему предшествовало совершение другого акта терроризма или какого-либо из преступлений, предусмотренных статьями 290, частью 4 статьи 294, частью 4 статьи 295, частью 4 статьи 309, частью 3 статьи 311,

частью 3 статьи 322, частью 3 статьи 323, частью 2 статьи 333 настоящего Кодекса.

2. Лицо, участвовавшее в приготовлении к деяниям, предусмотренным настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности за эти деяния, если оно своевременным предупреждением государственных органов или иным образом предотвратило акт терроризма.».

В данной редакции примечаний к ст. 289 УК речь идет о наличии специальной повторности применительно к преступлениям с признаками терроризирования только в определенном фрагменте указанных структурных элементов статей УК. Это объясняется тем, что законодатель при конструировании соответствующих составов преступлений объединил в рамках одной и той же статьи как составы преступлений с признаками терроризирования, так и составы преступлений, характерных для той главы УК, в которой непосредственно расположена соответствующая статья. Это связано с тем, что преступления с признаками терроризирования обладают релятивной самостоятельностью и могут относительно независимо существовать в рамках иных совокупностей преступных деяний.

Следует отметить, что ряд преступлений с признаками терроризирования обладает двойным превентивным потенциалом, так как они направлены на предупреждение и наказание за определенное преступное деяние с одновременным предупреждением другого преступления, обладающего аналогичной или более высокой степенью общественной опасности. Например, ч. 4 ст. 294 УК предусматривает уголовную ответственность за хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ в целях совершения преступлений, предусмотренных ст. 124–127, 131, 287, 289–292, 359 и 360 УК. Принимая во внимание, что хищение названных предметов выступает необходимым условием совершения акта терроризма или захвата зданий и сооружений, норма ч. 4 ст. 294 УК также выполняет предупредительную функцию и по отношению к преступным деяниям, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 289 и 292 УК.

В-четвертых, в ст. 324 УК отсутствует указание на все преступления террористического характера. В связи с этим абзац 1 ч. 3 ст. 324 УК полагаем целесообразным изложить в следующей редакции:

«3. Действия, предусмотренные частями 1 и 2 настоящей статьи, совершенные лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные статьями 124 – 126, 289, 290, 291, 292, 359 и 360 настоящего Кодекса, – ».

Предложенные редакции структурных элементов УК обеспечивают унифицированность и комплексность подходов по актуализации положений Уголовного закона, способствуют усилению его превентивного, сдерживающего потенциала, а также оптимизации уголовно-правовых средств борьбы с терроризмом.

ПРОСТОЙ РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: НЕДОСТАТКИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Олесько Сергей Сергеевич

помощник прокурора Россонского района Витебской области

На современном этапе развития юридической науки и практики в области уголовного права Беларуси недостаточно внимания уделено вопросу о простом рецидиве преступлений. Вместе с тем, указанный вопрос, с точки зрения судьи и прокурора, особенно актуален при назначении наказаний, проверке итоговых решений суда по уголовным делам на предмет их законности.

Суть правоприменения состоит в применении уполномоченным субъектом конкретной нормы законодательства к определенным жизненным фактам, их юридическому составу (обстоятельствам) в целях возникновения, изменения и прекращения тех или иных общественных отношений. Именно поэтому важно, чтобы формулировки норм в уголовном законодательстве излагались четко, ясно и однозначно, были пригодными к применению. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что действующий белорусский уголовный закон пока ещё не исчерпал всех путей к совершенству и требует определенных корректив.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 62 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), суд назначает наказание с учётом положений Общей части УК в пределах, установленных статьей Особенной части, которая предусматривает ответственность за совершенное преступление. Тем самым суду законодателем было предписано при назначении наказания учитывать положения Общей части УК в части правил назначения наказания при рецидиве преступлений.

Согласно ч. 1 ст. 43 УК, рецидивом преступлений признается совершение лицом, которое уже имеет судимость за умышленное преступление, «нового» умышленного преступления.

В ч. 2 и ч. 3 названной статьи дано законодательное определение опасному и особо опасному рецидивам преступлений, а в ч. 4 – закреплены ограничения по признанию рецидива преступлений.

Особый интерес, с нашей точки зрения, вызывает формулировка ч. 5 ст. 43 УК, в соответствии с которой **рецидив преступлений влечёт более строгое наказание на основании и в пределах, установленных настоящим Кодексом.**

Таким образом, законодатель говорит:

– во-первых, о рецидиве преступлений как о юридической категории, не подразделяя ее на конкретные виды и одновременно обобщая все имеющиеся виды рецидива преступлений;

– во-вторых, что, не зависимо от вида рецидива преступлений, он влечет более строгое наказание, нежели то, которое могло бы быть назначено, если бы его не было в принципе;

– в-третьих, что для назначения более строгого наказания при рецидиве преступлений должны быть конкретные основания, установленные УК;

– в-четвертых, что более строгое наказание при рецидиве преступлений имеет пределы, установленные УК.

Таким образом, для назначения более строгого наказания при любом из выделяемых законодателем видов рецидива преступлений должны быть как соответствующие основания, так и соответствующие пределы.

В определенном смысле можно говорить о том, что такие основания и пределы в УК все-таки установлены и содержатся, в частности, речь идет о ст. 65 УК.

В ч. 2 ст. 65 УК законодатель указал, что срок наказания при опасном рецидиве **не может быть менее половины**, а при особо опасном – **менее двух третей максимального срока наиболее строгого вида наказания, которое предусмотрено за совершенное преступление**. Так, законодателем установлены следующие основания и пределы назначения более строгого наказания при рецидиве преступлений:

1) *основание* – опасный рецидив, *нижний предел наказания* – не менее половины наиболее строгого вида наказания, которое предусмотрено за совершение преступления;

2) *основание* – особо опасный рецидив, *нижний предел наказания* – не менее двух третей наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение преступления.

Таким образом, основанием для назначения более строгого наказания выступает конкретный вид рецидива, пределом – нижний порог наказания за совершенное преступление. При этом следует иметь ввиду, что нижним пределом наказания выступает как конкретный срок наказания (о размере наказания речи не идёт, что в принципе исключает из спектра наказаний возможность назначения такого из них как, например, штраф, поскольку он является бессрочным), т. е. не менее половины и не менее двух третей наиболее строгого вида наказания, так и конкретный его вид, т. е. наиболее строгий вид наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

В то же время, вопреки требованию ч. 5 ст. 43 УК, основания и пределы для назначения наказания при простом рецидиве преступлений законодатель не предусмотрел. Имеется лишь общее положение ч. 1 ст. 65 УК, в силу которого при назначении наказания за рецидив, опасный рецидив, особо опасный рецидив преступлений учитываются следующие факторы в своей совокупности:

- количество, характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений,
- обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным,
- характер и степень общественной опасности вновь совершенного преступления.

Конкретных правил назначения наказания при простом рецидиве, т. е. оснований и пределов, уголовный закон не содержит, что делает нормы ч. 5 ст. 43 и ч. 1 ст. 65 УК в части простого рецидива «мертвыми»

(формальными), а сам институт простого рецидива – неприменимым на практике.

Об этом свидетельствует и отсутствие указания о простом рецидиве преступлений в ч. 3 ст. 65 УК, где законодатель сделал следующую оговорку: при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных ст. 70 УК, а также при выполнении обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, наказание за опасный рецидив и особо опасный рецидив назначается без учёта ограничений, изложенных в ч. 2 ст. 65 УК. Получается, что эта поощрительная норма к простому рецидиву не применяется? Вопрос риторический. А ведь такой подход находится вне общей логики рассматриваемой нормы уголовного закона. Тем самым без должного внимания оставил законодатель и вопрос о назначении наказания при простом рецидиве при наличии указанных обстоятельств.

А ведь в практике простой рецидив встречается гораздо чаще, нежели другие его виды. И поэтому в практике проблемный вопрос о назначении наказания при простом рецидиве преступлений, законности решения суда по делу в части назначенного наказания при наличии простого рецидива преступлений в действиях виновного. Зачастую суд в приговоре указывает о том, что в действиях обвиняемого усматривается простой рецидив. В то же время, применить в данном случае конкретные правила назначения наказания суд не может, поскольку их попросту нет. Это делает признание в действиях обвиняемого простого рецидива формальным и юридически беспоследственным. При проверке итогового решения суда на предмет его законности перед прокурором возникает очевидная проблема, связанная с отсутствием четких индикаторов (критериев) для определения законности назначенного судом наказания при простом рецидиве преступлений. Это, в свою очередь, становится непреодолимым препятствием для принятия мер прокурорского реагирования путем принесения на итоговое решение суда апелляционного протеста. В силу данных обстоятельств, прокурору не представляется возможным оценить принятое решение с точки зрения обоснованности назначенного судом наказания: насколько оно соразмерно совершенному преступлению и соответствует личности виновного. Ведь в данном случае непонятно, суд назначил именно такое наказание с учётом простого рецидива или без его учёта и, соответственно, почему, чем он в данном случае руководствовался. Таким образом, мотивы суда в избрании того или иного наказания для прокурора остаются загадкой, а законность итоговых решений по уголовным делам становится витиеватой.

Исходя из сказанного, видится необходимым внесение в УК корректив в части установления конкретных критериев назначения наказания при простом рецидиве преступлений.

ПОНЯТИЯ «СРЕДСТВО» И «МЕРА» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О РАЗГРАНИЧЕНИИ

Павлова Людмила Владимировна

ведущий научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук

В уголовно-правовой сфере актуальной задачей для ученых и законодателей многих стран является развитие эффективного правового механизма реагирования на преступление, учитывающего интересы общества, государства, потерпевшего и виновного лица, а также поддерживающего общественную безопасность и правопорядок, обеспечивающего профилактическое воздействие на преступность. В отечественном праве наиболее традиционным ответом на преступление выступает наказание. Благодаря научной концепции института уголовной ответственности, разработанной в 90-х гг. XX века В. М. Хомичем [1], Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) содержит раздел III «Уголовная ответственность», в котором, наряду с наказанием, реализация уголовной ответственности возможна при применении таких мер, как осуждение с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77), осуждение с условным неприменением наказания (ст. 78), осуждение без назначения наказания (ст. 79), что существенно расширяет вариативность реагирования и способствует дифференцированному подходу к решению вопроса об ответственности лица. В качестве иных мер уголовной ответственности в УК также закреплены превентивный надзор (ст. 80) и профилактическое наблюдение за осужденным (ст. 81).

В то же время, с учетом направленности уголовной политики на гуманизацию уголовно-правовой сферы, экономии мер уголовной репрессии при одновременном соблюдении принципа неотвратимости ответственности за содеянное, развития восстановительного правосудия – все чаще актуализируется вопрос о целесообразности пересмотра и расширения правового инструментария, применяемого к лицам, совершившим преступления. В этой связи оправданным является научный интерес белорусских ученых к проблеме уголовно-правового воздействия, касающейся инвентаризации и систематизации средств и мер, применение которых возможно в качестве реакции на преступление. Следует отметить, что в учебной и научной литературе словосочетание «уголовно-правовое воздействие» употреблялось учеными и ранее. Указание на «меру уголовно-правового воздействия» использовано в ст. 47 УК при определении понятия наказания. При этом легальное определение меры уголовно-правового воздействия и в целом самого воздействия в уголовном законодательстве не закреплено, равно как до настоящего времени отсутствует их согласованное доктринальное понимание.

Вряд ли возможно осуществить качественную институционализацию уголовно-правового воздействия без определения обобщающих

(формообразующих) категорий, обстоятельной аргументации правовой природы, целей использования (применения) разнонаправленных правовых средств и мер, их функциональной связи с уголовно-правовым воздействием. При отсутствии комплексного методологического подхода существует риск необоснованного расширения либо, наоборот, сужения круга вопросов, подлежащих учету. А. В. Звоновым при изучении научных публикаций по вопросу системы мер уголовно-правового воздействия также отмечено, что порой буквальная интерпретация законодателя в части отнесения всех мер, применяемые к лицам, совершившим преступления, и предусмотренных уголовным законом (в т. ч. возложение обязанностей на условно-досрочно освобожденных в соответствии со ст. 79 УК РФ, продление испытательного срока условно осужденным в соответствии со ст. 74 УК РФ, применение амнистии и т. п.), не позволяет сосредоточиться непосредственно на рассматриваемом уголовно-правовом институте [2]. В этой связи, одним из аспектов, заслуживающих изучения, видится необходимость разграничения понятий «средство» и «мера», нередко используемых в научных публикациях по уголовному праву в качестве синонимов, что, на наш взгляд, препятствует эффективному конструированию системы уголовно-правового воздействия.

В исследованиях по общей теории права отмечается, что «понятие «средство» – общенаучное, междисциплинарное. В различных отраслях знания исследуют разные средства – технические, транспортные, управленческие, платежные, др. В правовой сфере также существуют собственные средства с присущими им особенностями, при этом формирование целостной концепции правовых средств не завершено. Например, в качестве общих положений отмечается, что понятие «средство» в юриспруденции употребляется в самых разных значениях: его используют и в отношении права в целом, и в отношении многообразных режимов правового регулирования, элементов механизма правового регулирования.... Юридические средства можно понимать и как универсальный «строительный материал» системы права [3]. Более детально правовые средства (рассматриваемые в качестве первичного, субстанционального элемента правовой действительности) в структуре правоприменительной деятельности определены В. А. Сапуновым как установленные в законе институционные образования, которые используются субъектами применения права и приводят к достижению результата в разрешении юридического дела. Подразделение правовых средств на виды, их классификация позволяют выявить различные функции правовых средств на определенных стадиях, участках правового регулирования и видах юридической деятельности с учетом способов, методов, типов правового регулирования [4]. А. В. Мильков, рассматривая содержательные аспекты понятия правовых средств, упоминает вариант отнесения к числу таковых норм и принципов права, юридических фактов, субъективных прав и юридических обязанностей, запретов и льгот, мер поощрения и мер наказания и т. д. [5].

Не менее сложным и не в полной мере изученным является вопрос о правовом значении термина «мера». В одном из немногочисленных

исследований по данной проблематике отмечается, что о мере в праве если и говорится, «то как бы мимоходом и, в основном, в связи с решением той проблемы, которой посвящено то или иное исследование, или вообще мера используется как что-то очевидное, общеизвестное и не нуждающееся в пояснении» [6]. Обратившись к тексту УК, возможно заключить, что в ряде случаев мера рассматривается в качестве правовой конструкции, позволяющей разрешить уголовные правоотношения. В частности, в ст. 47 уголовного закона, раскрывающей понятие наказания, закреплено: «наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного». В данном случае наказание достаточно традиционно для уголовного права определено как мера (принудительная мера уголовно-правового воздействия), заключающая в себе на основании положений уголовного законодательства итоговую государственно-властную реакцию на произошедшее. Тем самым, в отличие от широкого круга вопросов использования уголовно-правовых средств, применение мер в белорусском уголовном законодательстве имеет более конкретное целевое назначение и связывается с вопросами реализации права в форме правоприменения для решения сложившихся правоотношений по существу. Представляется важным придерживаться данного подхода, в том числе при развитии института уголовно-правового воздействия и закреплении мер, выступающих альтернативой наказанию и иным мерам уголовной ответственности, связанным с осуждением лица по приговору суда.

Приведенное отличие, обусловленное функциональной направленностью, является не единственным в разграничении понятий средств и мер, используемых в уголовном праве. Дальнейшее исследование в данном направлении позволит усилить теоретико-методологическое обоснование природы и содержания рассматриваемых понятий, что в целом будет способствовать более качественной классификации и систематизации уголовно-правового инструментария и совершенствованию правового механизма его реализации.

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (Концепция и правовая модель института уголовной ответственности): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. М. Хомич ; БГУ. – Минск, 1997. – 35 с.
2. Звонов, А. В. Система мер уголовно-правового воздействия: сущность и содержание [Электронный ресурс] / А. В. Звонов // КиберЛенинка – научная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-mer-ugolovno-pravovogo-vozdeystviya-suschnost-i-soderzhanie>. – Дата доступа: 19.09.2020.
3. Лапшинов, Э. В. Понятие правовых средств в правовой традиции [Электронный ресурс] / Э. В. Лапшинов // Ленинград. юрид. журн. – 2009. – № 3. – Elibrary.ru : науч. электрон. библиотека. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15164560>. – Дата доступа: 12.05.2020.

РОЛЬ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Поляцук Наталья Анатольевна

*начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр
проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»*

Преобразования в политической и экономической жизни общества влекут интенсивное развитие законодательства в различных сферах, требующее актуальное правовое оформление и ревизию действующего законодательства в целях исключения устаревших или неэффективных правовых предписаний.

Одним из важнейших направлений развития отечественной правовой системы является совершенствование законодательства об уголовной ответственности. С этой целью в 2020 г. из числа представителей заинтересованных государственных органов, общественности, юридической науки, экспертов была создана межведомственная рабочая группа по подготовке законопроекта, направленного на системное совершенствование кодексов об уголовной ответственности: Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) и Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК).

Следует констатировать, что законодательство об уголовной ответственности в последние годы характеризуется чрезмерной динамичностью, что не всегда имеет положительную оценку со стороны тех субъектов, которым приходится реализовывать (применять) соответствующие правовые нормы. Неоднозначно оцениваются преобразования уголовного законодательства и научным сообществом.

«Как правило, столь частые корректировки обусловлены социально-экономическими изменениями в состоянии и тенденциях развития преступности и поиском государством новых оптимальных средств уголовно-правового воздействия. Кроме этого, возникает необходимость приведения норм УК и УПК в соответствие с интенсивно развивающимися нормами иных отраслей права, а также в связи с развитием международного законодательства. Уголовно-процессуальное законодательство также подвергалось корректировкам, обусловленным реформированием системы правоохранительных органов республики» [1].

В этой связи в целях системного совершенствования кодексов об уголовной ответственности возникает необходимость в систематическом анализе и оценке качества законодательства, практики правоприменения, эффективности правового регулирования общественных отношений. Достигнуть указанные цели возможно посредством проведения правового мониторинга, роль которого нельзя недооценивать не только при формировании новых концептуальных подходов к тем или иным институтам уголовного законодательства, но и при точечной корректировке действующих норм права.

Институт правового мониторинга является достаточно новым для Республики Беларусь. Его законодательное закрепление состоялось в 2018 г. в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», вступившего в силу с 1 февраля 2019 г. В развитие п. 3 ст. 75 указанного Закона [2] постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 января 2019 г. № 65 была утверждена Инструкция о порядке проведения правового мониторинга (далее – Инструкция о правовом мониторинге), в которой определяются цели, задачи, объект правового мониторинга, уточняются субъекты (организаторы) правового мониторинга, устанавливаются сроки и этапы его проведения, показатели анализа нормативного правового акта, информация, подлежащая анализу, а также комплекс мер, принимаемых по результатам проведения правового мониторинга.

В частности, задачами правового мониторинга являются:

оценка эффективности правового регулирования общественных отношений;

выявление и анализ недостатков правового регулирования общественных отношений, их причин, а также последствий, которые возникли в процессе применения нормативного правового акта;

выработка предложений о совершенствовании законодательства и практики правоприменения, принятии мер по надлежащей реализации нормативных правовых актов [3].

Очевидно, что полноценное решение обозначенных задач правового мониторинга должно способствовать совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, качественному и эффективному правовому регулированию общественных отношений. Однако, как показывает непродолжительный опыт проведения правового мониторинга в Республике Беларусь, не всегда еще его проведение достигает поставленной цели, вследствие чего нивелируются эффективность самого института правового мониторинга и значимость его результатов. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, уполномоченные государственные органы, организации, должностные лица, в том числе и сами организаторы иногда проводят правовой мониторинг формально, поверхностно, не вдаваясь в детальнейший анализ законодательства и правоприменительной практики, воспринимая его проведение как дополнительную нагрузку к своим непосредственным обязанностям. В представляемых отчетных сведениях они освещают только формально-юридические аспекты анализа нормативных правовых актов и выявленные в них дефекты, аналитические же сведения в части определения эффективности правоприменительной деятельности, как и результаты анализа обращений граждан и юридических лиц, как правило, отсутствуют.

Вместе с тем, объективно оценивая ситуацию, можно отметить, что в ряде случаев, если взглянуть на эту проблему с точки зрения задач и ресурсов (функциональных, организационно-штатных, кадровых, временных), необходимых для проведения полноценного мониторинга, уполномоченные

органы (должностные лица) ими в реальности могут и не располагать, так как это уже другой уровень, предполагающий, в том числе проведение некоторых научных исследований.

Таким образом, для решения этих задач необходим так называемый отраслевой правовой мониторинг – организация и проведение мониторинга на основе выбранного объекта и проблемно-целевого подхода, т.е. необходимости изучения и анализа состояния нормативного регулирования и его исполнения, реализации всех целевых компонентов правового мониторинга, например, в масштабах отрасли деятельности государственного органа, либо в рамках общественно-значимого вопроса, проблемы в какой-либо сфере общественных отношений и т.д. В частности, для проведения отраслевого правового мониторинга за основу может быть взята классификация отраслевой структуры законодательства [4, с. 81].

Однако здесь может возникнуть еще одна проблема, связанная уже с объектом правового мониторинга. Дело в том, что в п.2 Инструкции о правовом мониторинге закреплено, что объектом правового мониторинга является принятый (изданный) и вступивший в силу нормативный правовой акт (его отдельные положения). В то же время, принимая во внимание изложенную выше позицию, полагаем, что в целях систематического и комплексного анализа законодательства и правоприменительной деятельности при проведении правового мониторинга не стоит замыкаться только на одном акте. «Нацеливание мониторинга на выявление и устранение дефектов только НПА, а не законодательства в целом, приводит к тому, что не выполняется главная цель мониторинговой деятельности» [4, с. 80].

Возвращаясь к законодательству об уголовной ответственности, следует отметить, что нормативные акты, входящие в его систему, еще не были объектом правового мониторинга в Республике Беларусь. С одной стороны, это обусловлено достаточно объемной сферой общественных отношений (предметом правового регулирования), недостаточным апробированием механизма правового мониторинга на практике, а с другой, – понятием объекта правового мониторинга, закрепленного в Инструкции о правовом мониторинге.

В соответствии с п.7 Инструкции о правовом мониторинге объект правового мониторинга определяется организатором правового мониторинга с учетом целесообразности и первоочередности разрешения проблем правового регулирования общественных отношений и практики правоприменения в случае:

частых корректировок нормативного правового акта;

наличия информации об отсутствии единообразной практики применения нормативного правового акта;

иных проблем правоприменения, в том числе обусловленных наличием пробелов, коллизий и иной правовой неопределенностью [3].

Анализ законодательства об уголовной ответственности и правоприменительной практики показывает, что все эти случаи имеются, вследствие чего действительно назрела необходимость пересмотра указанной сферы общественных отношений.

В то же время, как уже отмечалось, потребность в системном совершенствовании законодательства об уголовной ответственности не была вызвана и обусловлена проведением правового мониторинга. Тем не менее при подготовке изменений в УК, УПК и УИК в целях системного совершенствования законодательства об уголовной ответственности на современном этапе целесообразно воспользоваться отдельными инструментами правового мониторинга по крайней мере в отношении действующих норм обозначенных кодексов.

Таким образом, правовой мониторинг является механизмом, призванным обеспечивать эффективность и результативность правового регулирования общественных отношений. Сам же правовой мониторинг можно будет признать успешным, эффективным и результативным в том случае, если законодательство об уголовной ответственности будет формироваться (корректироваться) и реализовываться комплексно, без хаотичной поспешности. Особенно важно при этом тщательное теоретическое (научное) обоснование и последовательность принимаемых решений, направленных на дальнейшее развитие и совершенствование законодательства. Работа в этом направлении должна носить открытый характер с возможностью активного участия в ней ведущих ученых, представителей правоохранительных и иных государственных органов, общественных объединений, детального обсуждения предполагаемых шагов в научных и образовательных учреждениях, использования новых механизмов взаимодействия и обратной связи между государством и обществом.

Список цитированных источников

1. Жевняк, В. Г. Развитие законодательства об уголовной и административной ответственности, правоохранительной деятельности в суверенной Беларуси [Электронный ресурс] / В. Г. Жевняк. – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy-razvitie-zakonodatelstva-ob-ugolovnoy-i-administrativnoy-otvetstvennosti> /. – Дата доступа: 28.10.2020.
2. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. О порядке проведения правового мониторинга [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 янв. 2019 г., № 65 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Есимова, А. Б. Отраслевой правовой мониторинг: общее понятие, задачи и возможности проведения / А. Б. Есимова, З. Г. Казиев // Вестн. Ин-та законодательства и правовой информ. Респ. Казахстан. – 2016. – № 1 (42). – С. 79–83.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Прудникова Татьяна Анатольевна

*старший преподаватель Могилевского филиала Частного учреждения
образования «БИП – Институт правоведения»*

Объекты интеллектуальной собственности вошли в экономический и правовой оборот сравнительно недавно. Формирование правоприменительной практики в этой области правового регулирования общественных отношений на сегодняшний день нельзя считать окончательно завершенным. Законодательство, регулирующее правовые отношения в сфере защиты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь, находится в стадии своего развития [1, с. 12].

В настоящее время несовершенное правовое регулирование исключительных прав (интеллектуальной собственности), а также специфика интеллектуальной собственности требуют большей гибкости в применении норм об уголовной ответственности за преступления в исследуемой сфере, что негативно сказывается на правоприменительной практике [2, с. 101].

В целях обеспечения надлежащей реализации исключительных прав со стороны заинтересованных сторон, необходимо не только развивать законодательство в области интеллектуальной собственности, нормы, регулирующие осуществление, реализацию и защиту субъективных прав, возникающих в этой сфере, а также нормы об ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности, включая уголовно-правовую ответственность [3, с. 51].

В ст. 51 Конституции Республики Беларусь гарантируется свобода художественного, научного и технического творчества. Сущностью данного положения выступает признание права каждого человека заниматься творчеством на любом уровне, а также обеспечение недопустимости цензуры и любого воспрепятствования проявлению творчества. Также Основным законом государства гарантируется законодательная охрана интеллектуальной собственности.

Данная статья Конституции Республики Беларусь находит свое продолжение в ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), которая закрепляет уголовную ответственность за нарушение авторских, смежных прав и права промышленной собственности. Данная статья выступает одной из гарантий конституционных прав граждан на свободу творчества и защиту интеллектуальной собственности.

В соответствии с ч.1 ст.201 УК устанавливается уголовная ответственность за «присвоение авторства либо принуждение к соавторству, а равно разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них,

совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение». Совершение данного преступного деяния наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет.

Часть 2 ст. 201 УК предусматривает наступление уголовной ответственности за «незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, совершенных в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение или сопряженных с получением дохода в крупном размере». Совершение предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК преступного деяния наказывается общественными работами, или штрафом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на срок до двух лет.

В соответствии с ч. 3 ст. 201 УК «действия, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо повлекшие причинение ущерба в крупном размере наказываются штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок».

Ранее, на разных исторических этапах в уголовном законодательстве Республики Беларусь преступления в сфере интеллектуальной собственности относились к преступлениям против собственности. Однако, в настоящее время признано, что интеллектуальная собственность не содержит в себе экономического содержания собственности, и потому преступления в сфере интеллектуальной собственности не относятся к преступлениям против собственности.

Как указывает В. В. Гладышев, «современное уголовное законодательство Беларуси относит преступления против интеллектуальной собственности к группе преступлений против конституционных прав граждан» [4, с. 97]. Данная позиция автора основа на том, что ст. 201 УК размещена в главе 23 УК «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

По нашему мнению, размещение ст. 201 УК в главе 23 представляется не верным. Так, в данной главе, помимо ст. 201, находятся такие составы преступлений, как «Нарушение равноправия граждан» (ст. 190 УК), «Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них» (ст. 196 УК) и др. На наш взгляд, состав преступления, предусмотренный ст. 201 УК, уместнее было бы выделить в отдельную главу данного нормативного правового акта, которая должна получить название «Преступления в сфере интеллектуальной собственности» и предусматривать составы преступлений, посягающие и причиняющие вред отношениям в сфере интеллектуальной собственности либо создающие угрозу причинения такого вреда.

В связи с этим в тексте УК Республики Беларусь является уместным использование термина «интеллектуальная собственность», что позволит

облегчить его понимание и применение при квалификации рассматриваемых общественно опасных посягательств. В примечании к соответствующим уголовно-правовым нормам может быть дано определение интеллектуальной собственности в соответствии с гражданским законодательством Республики Беларусь.

Следует отметить, что ни правовая доктрина, ни правоприменительная практика не выработали единого подхода (методики) к определению крупного размера ущерба. Представляется необходимым избавиться от данного оценочного понятия, в связи с тем, что неопределенность категории «крупного размера ущерба» приводит к ошибкам в правоприменительной практике. Необходимо исключить из ст. 201 УК указание на причинение крупного ущерба, в результате чего по конструкции данный состав преступления станет формальным. Однако, необходимо понимать, что исключение признака «крупного ущерба» из ст. 201 УК приведет к ужесточению уголовной ответственности за нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности. Однако такое ужесточение, в целом, соответствует проводимой государством политике по усилению уголовно-правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности.

С целью совершенствования уголовно-правовой защиты отношений в области интеллектуальной собственности представляется необходимым детализировать уголовную ответственность за посягательство на исключительные права юридических лиц.

В связи с тем, что ст. 201 УК находится в главе 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», возникают проблемы квалификации действий, которые нарушают авторские или смежные права в тех случаях, когда происходит нарушение смежных прав юридических лиц или незаконный оборот контрафактных экземпляров произведений, программ, правообладателем исключительных прав на которые также выступают юридические лица. Дело в том, что признание юридических лиц потерпевшими в данных случаях выглядит противоречиво. Поэтому высказанное ранее предложение о выделении преступлений в сфере интеллектуальной собственности в отдельную главу УК Республики Беларусь также представляется уместным в данном контексте.

В качестве предложения по совершенствованию квалифицирующих признаков общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 201 УК, представляется возможным внести следующее изменение: «принуждение к соавторству, отказу от авторства под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего, его родных или близких, а также любым иным способом посягательство на права и законные интересы автора или правообладателя».

Полагаем также, что в ст. 201 УК необходимо добавить такой квалифицирующий признак, как «совершение преступления с использованием

материальной, служебной или личной зависимости автора или правообладателя».

Введение обозначенного квалифицирующего признака позволит оказывать противодействие злоупотреблениям, осуществляемым при наличии обозначенных форм зависимости.

Таким образом, реализация указанных предложений на практике позволит повысить эффективность уголовно-правового регулирования борьбы с преступлениями в сфере интеллектуальной собственности в Республике Беларусь.

Список цитированных источников

1. Корнеев, А. Н. Развитие инновационного сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь в условиях становления Союзного государства / А. Н. Корнеев. – М. : Гос. ун-т управления, 2014. – 188 с.
2. Пацкалев, А. Интеллектуальная собственность как фактор ускорения развития экономики / А. Пацкалев, Е. Шебунина // Экономика строительства. – 2004. – № 2. – С. 101–114.
3. Гельдибаев, М. Х. Совершенствование законодательства о преступлениях в сфере интеллектуальной собственности / М. Х. Гельдибаев // Экономика. Бизнес. Право. – 2018. – № 4. – С. 49–52.
4. Гладышев, В. В. Уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности на примере законодательства Беларуси и России / В. В. Гладышев // Беларусь в современном мире : материалы VII Междунар. науч. конф., Гомель, 22 мая 2014 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2014. – С. 97–98.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ЛИЦА К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Радыно Татьяна Викторовна

*советник по правовым вопросам Республиканского союза
промышленников и предпринимателей*

Статья 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) устанавливает, что уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности.

Закрепление определения уголовной ответственности в законе должно было положить конец дискуссиям в науке о природе уголовной ответственности и о моменте ее возникновения, а также подвести логическую черту под определением понятия освобождения от уголовной ответственности, определить правила применения данного института. Предстояло соответствующим образом определить процессуальную форму и процедуру освобождения от уголовной ответственности. Отметим, что в первой редакции УК (1999 г.) освобождение от уголовной ответственности лица

по нереабилитирующим основаниям отнесено было к компетенции исключительно суда первой инстанции (на судебной стадии рассмотрения уголовного дела).

В связи со стоящей перед уголовным правом задачей исправления виновного лица, отдельный интерес представляет такой вид освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, который влечет за собой последующее применение административной ответственности, предусмотренный в ст. 86 УК.

Обязательность применения административной санкции очевидно свидетельствует о необходимости воздействия на лицо в целях его исправления и о реальности такого воздействия, поскольку применяемые в качестве административной ответственности такие меры как штраф, исправительные работы или арест имеют своей верхней границей низший предел аналогичных мер уголовной ответственности.

Данный вид освобождения относится к дискреционным видам освобождения от уголовной ответственности – освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной возможно только при наличии установленных законом оснований, если будет «признано, что для его исправления достаточно применения мер административного взыскания» (ч. 1 ст. 86 УК).

Между тем, разрешение основных проблем, которые встали перед практикой применения норм УК и Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), касающихся освобождения лиц от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, натолкнулось на ряд процессуальных проблем.

Так, во-первых, интересен сам момент перемещения деяния из уголовно-правовой в административную плоскость – это такое «перемещение с тенью», поскольку, несмотря на то, что данное деяние уже – по смыслу и правовому содержанию – не является уголовно-правовым отношением, но продолжает регулироваться нормами УК. Налицо казус, когда методы административного воздействия предусмотрены доктриной уголовного права. Полагаем, что с учетом принятия Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь необходимо и достаточно изложить процедуру замены уголовной ответственности мерами административной ответственности в указанном нормативном правовом акте.

Во-вторых, нам представляется, что совокупности признаков и несущественности общественной опасности преступления и небольшой общественной опасности личности виновного скорее всего в реальной правовой ситуации быть не должно. Иначе подобное деяние нельзя будет назвать преступным по своему смыслу и содержанию. Если деяние признается преступлением по приговору суда, то состав преступления налицо, ибо на него дается ссылка при вынесении приговора.

В ситуации ст. 86 УК возникает закономерный вопрос: состав преступления есть, а повода к применению мер уголовной ответственности –

нет? Однако не стоит забывать о том, что если общественная опасность преступления недостаточно существенна, то и нет оснований для признания данного деяния преступным. Более того, учитывая, что уголовная ответственность основывается, в первую очередь, на виновном совершении преступления лицом, обладающим признаками субъекта преступления, следует сразу отметить такую деталь освобождения от уголовной ответственности, как невозможность освобождения лица, невиновного в совершении преступления, а равно в отношении которого нет достаточных данных, указывающих на его причастность к совершению данного преступления. Подобные деяния не просто формально обладают признаками преступления – они таковыми являются, виновность лица не должна вызывать сомнений – а такая оценка является исключительным правом суда, и мы полагаем, что такие факты непосредственно и исключительно только суд может и должен устанавливать и только в ходе судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела.

Такой вывод основывается как на конституционно закрепленном принципе презумпции невиновности (ст. 26 Конституции Республики Беларусь), преломленном в уголовном законе (ч. 2 ст. 3 УК, ст. 16 УПК), так и на содержании обязанностей и прав участников уголовного процесса (п. 30, 43 ст. 6, ст. 9, 31, 33 УПК).

Еще один момент, который до сих пор недостаточно урегулирован в нормах процессуального права – это процессуальная форма вынесения решения суда об освобождении от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям и ее документальное закрепление.

Очевидно, что такой документ должен содержать: установление виновности лица (т. е. признаки совершения конкретного преступления должны быть четко изложены в его описательно-мотивировочной части); основания для освобождения лица от уголовной ответственности (т. е. как те, которые заложены в законе (общие) для всех случаев освобождения, так и те, которые необходимо установить для освобождения лица от уголовной ответственности по специальной норме УК (ст. 86, 87, 88, 88-1, 89, 118 УК).

Ввиду вышеизложенного, мы полагаем необходимым добавить в УПК главу 38-1, регламентирующую основания, содержание и процедуру вынесения решения суда об освобождении лица от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям и его процессуальное закрепление – аналогично главе 38, посвященной приговору суда.

Между тем, разрешение основных проблем, которые встали перед практикой применения соответствующих норм УК и УПК, относительно освобождения лиц от уголовной ответственности, натолкнулось на недовольство органов уголовного преследования и прокуратуры, которые считают нерациональным в полном объеме проводить расследование по уголовным делам при очевидности того, что виновные будут освобождены от уголовной ответственности судом, следствием чего стало включение права следователя и

прокурора освободить от уголовной ответственности на досудебной стадии уголовного процесса.

Учитывая существующую практику, полагаем, тем не менее, необходимым ограничить права указанных должностных лиц рамками таких полномочий только в отношении лица, совершившего неосторожное преступление или иное преступление, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет.

Для полной логической завершенности наших предложений следует остановиться еще на одном нюансе применения ст. 86 УК. Это касается мнения (желания) потерпевшего и обвиняемого о применении данной нормы – освобождение по нереабилитирующим основаниям с заменой административной ответственностью.

Установление наличия вины лица в совершении преступления, а равно – и назначение наказания за совершенное деяние (определение меры уголовной ответственности), входит только в компетенцию суда. Следовательно, признание возможным освобождения лица – как от наказания, так и от уголовной ответственности в целом, также относится к компетенции суда, а точнее – к правосознанию судьи, но не иных участников уголовного процесса.

Нам представляется необоснованным предоставление права потерпевшему высказывать возражения по поводу применения освобождения от уголовной ответственности с заменой административной ответственностью (ч. 3 ст. 30 УПК), поскольку такое волеизъявление влечет, согласно действующему закону, невозможность уменьшения уголовной репрессии путем освобождения виновного лица от уголовной ответственности. Следует подчеркнуть, что общие основания освобождения от уголовной ответственности, заложенные в уголовном законе, не содержат указания на необходимость достижения примирения и наличия согласия потерпевшего на такое освобождение, кроме специальных оснований, предусмотренных ст. 89 УК.

Очевидно, что предоставляя право потерпевшему решать исход уголовного дела по существу (с точки зрения привлекать или нет виновного к уголовной ответственности), следует ввести данную процессуальную фигуру в круг субъектов правоприменения. Поэтому, закрепив такое право виновного, как освобождение от уголовной ответственности при наличии указанных в законе оснований (к которым, кстати, не относится мнение потерпевшего), полагаем, при наличии такой необходимости, ограничиться мнением потерпевшего исключительно в делах частного обвинения – или оставить учет данного обстоятельства на рассмотрение суда, поскольку, во-первых, именно суд оценивает личность виновного (т. е. те обстоятельства, которые характеризуют личность как не представляющую большой общественной опасности), во-вторых, на решение суда об освобождении лица от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности также влияет наличие исключительных обстоятельств, связанных с целями, мотивами, ролью лица в преступлении, а также связанных с его поведением во время или после совершения преступления, которые существенно уменьшают степень

общественной опасности деяния.

С нашей точки зрения, таким образом удастся соблюсти принципы справедливости и гуманизма, поскольку преступник – также гражданин нашего общества и государства, а это значит – имеет право на всестороннее изучение его ситуации судом и на принятие по возможности некарательного решения.

Именно в такой ситуации работа следователя на досудебной стадии уголовного процесса будет, безусловно, служить целям общей и частной превенции, а рассмотрение дела в суде послужит цели снижения уголовной репрессии и стимулирования преступников на явку с повинной, помощь следствию, возмещение ущерба, заглаживание своей вины. Вряд ли можно усомниться в положительном результате в случае достижения этих целей. Здесь уместно вспомнить об основном принципе уголовного права: ответственность должна быть не суровой, а неотвратимой.

Совсем иначе следует отнестись к позиции обвиняемого по поводу предлагаемого ему освобождения от уголовной ответственности. Безусловно, необходимо удовлетворить право на отказ обвиняемого от освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и дать возможность такому лицу доказать в суде свою невиновность с вынесением оправдательного приговора (поскольку устанавливается виновность лица в совершении преступления, а оно не признает себя виновным).

Необходимо напомнить, что освобождение от уголовной ответственности лица по нереабилитирующим основаниям должно осуществляться с его согласия (ст. 30 УПК). Связано подобное ограничение именно с юридической природой указанных оснований. В связи с тем, что лицо признается виновным в совершении преступления, а затем освобождается от уголовной ответственности, а значит, – такое освобождение его не реабилитирует. Если же лицо надеется доказать свою невиновность или, иначе говоря, реабилитировать себя, то ему следует дать возможность отказаться от освобождающего от уголовной ответственности акта прокурора или суда, но не снимающего с него при этом груза вины.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Рамазанова Наталья Олеговна

аспирант Белорусского государственного экономического университета

«В последние годы в общественных науках сложилась парадоксальная ситуация: на фоне информационного бума трансформационных процессов, заполонивших все сферы социальной деятельности и, несомненно, меняющих облик их правового восприятия и публичной правовой реакции, все больше и больше уходят в сторону, давно казалось бы, общепринятые и провозглашенные

интересы обычных людей» [1, с. 255]. Не обошло это и административно-правовую науку, и в особенности – вопросы административной ответственности.

Административную ответственность за нарушения миграционного законодательства можно характеризовать как меру государственного принуждения, применяемую в связи с административным правонарушением, которая реализуется в процессе административно-правового регулирования миграционных отношений на этапе государственного принуждения. Данный вид ответственности представляет собой властное принудительное действие суда либо соответствующего миграционного органа (его должностного лица), которое проявляется в применении принуждения (морального, физического, материального) к мигранту либо иному участнику миграционного правонарушения и совершившему административное правонарушение.

Наиболее распространенной в юридической науке является точка зрения о том, что для привлечения к административной ответственности за нарушение миграционного законодательства необходимы два основания: юридическое и фактическое [2, с. 176]. Однако можно встретить высказывания, что для привлечения к административной ответственности достаточно лишь одного основания – административного правонарушения [3, с. 134], либо не менее трех – нормативного, фактического и процессуального [4, с. 25]. По нашему мнению, следует согласиться с авторами, отстаивающими трехзвенное основание привлечения к административной ответственности, поскольку итогом привлечения лица к административной ответственности выступает акт органа о применении санкции правовой нормы к правонарушителю.

Однако и трехзвенное основание административной ответственности нельзя рассматривать как окончательный вариант. Можно выделить также информационное основание административной ответственности, которое подразумевает информацию о совершенном деянии и является связующим звеном между фактическим, юридическим и процессуальным основаниями возникновения рассматриваемой ответственности.

Нормативным основанием возникновения административной ответственности является «система мер, обеспеченных правовыми, политическими, моральными и организационными средствами, стимулирующими безупречное и активное поведение субъектов управления путем применения позитивных и негативных мер воздействия, направленных на достижение эффективного функционирования системы управления» [5, с. 13]. Вторым элементом, составляющим нормативное основание возникновения административной ответственности в сфере миграции населения, является закрепление административно-правовых режимов (миграционных правил) территориального перемещения населения. Причем нормативное закрепление составов административных правонарушений в сфере миграции является вторичным по сравнению с нормативным закреплением самих миграционных правил, поскольку для государства и общества важнее позитивное регулирование миграционных отношений и обеспечение их правовой защиты.

Фактическим основанием административной ответственности за нарушение миграционного законодательства выступает само миграционное правонарушение. Оно обладает общими признаками, присущими любому правонарушению, но и имеет свои специфические особенности. Так, к общим признакам относятся: общественная вредность, противоправность, виновность и наказуемость [6, с. 186]. Нарушение установленных государством миграционных правил безусловно является общественно вредным деянием, посягающим не только на правила территориального перемещения, но и на экономическую, социальную, национальную и криминогенную стабильность. В то же время заслуживает внимания позиция В. М. Хомича, предлагавшего «отказаться от признания общественной опасности как конструктивного признака преступления (преступного деяния) при определении преступления в качестве основания уголовной ответственности и ограничиться только установлением объективных и субъективных признаков уголовной противоправности соответствующего деяния, запрещенного уголовным законом» [7, с. 384]. Полагаем, что данный тезис вполне применим и к административным правонарушениям. Это вовсе не значит, что правонарушением в таких случаях будут признаваться деяния, не представляющие общественной вредности. Просто учет общественной вредности совершенного деяния не является аргументом того, есть правонарушение или его нет в случае совершения деяния, отвечающего объективным и субъективным признакам административной противоправности деяния, предусмотренного КоАП.

Юридическим выражением признака общественной вредности является его административная противоправность. Если рассматривать противоправность как признак миграционного правонарушения, то следует отметить, что данное деяние направлено против общественных отношений, урегулированных нормами миграционного законодательства, которые содержат правила территориального перемещения населения.

Виновность, как признак миграционного правонарушения, состоит в недопустимости привлечения к административной ответственности лица за нарушение миграционного законодательства при отсутствии умышленной или неосторожной вины.

Наказуемость миграционного правонарушения выражается в том, что оно рассматривается в качестве такового только в том случае, если за его совершение установлена соответствующая мера взыскания. Следует отметить, что миграционное законодательство содержит значительное количество различных предписаний, требований и т. п., которые требуют от физических либо юридических лиц определенного варианта поведения. Однако если нарушение соответствующих правил прямо не закреплено в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) как административное правонарушение, то административная ответственность за совершение подобного деяния исключается. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 17 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 225-З «О внешней трудовой

миграции» запрещается заключение договоров о трудоустройстве с иностранцами и иностранными организациями, не являющимися непосредственными нанимателями, за исключением трудоустройства за пределами Республики Беларусь по студенческим программам. В данном случае, несмотря на наличие прямого запрета, совершение подобных действий не может рассматриваться как административное правонарушение.

В качестве родового объекта административного миграционного правонарушения выступают все общественные отношения в сфере миграции, подлежащие охране с помощью норм административно-деликтного права. Видовой объект можно определить путем дифференциации административно-правовых отношений в сфере миграции по виду миграционных потоков. Соответственно, можно выделить правоотношения, возникающие в сфере внутренней, внешней, трудовой либо вынужденной миграции. И, наконец, в качестве непосредственного объекта миграционного правонарушения, будет выступать конкретное общественное отношение в сфере миграции, на которое посягает мигрант либо иное лицо, вовлеченное в сферу миграционных отношений. Исходя из этого может быть построена система миграционных правонарушений в КоАП Республики Беларусь.

Не менее значимым элементом состава административного миграционного правонарушения является также его объективная сторона, включающая в себя деяние, его последствия, способ, средства, место, время и обстановку совершения правонарушения. Анализ составов административных правонарушений в миграционной сфере, закрепленных в КоАП Республики Беларусь, показывает, что все указанные составы содержат лишь противоправное деяние (действие либо бездействие), а ст. 23.55 и 23.87 КоАП, кроме того, закрепляют противоправные последствия в качестве признака объективной стороны. Из этого следует, что иные признаки объективной стороны миграционных правонарушений квалифицирующего значения не имеют. При этом, безусловно, они должны устанавливаться с целью предупреждения и пресечения дальнейших правонарушений такого рода.

Субъектами административных миграционных правонарушений являются: граждане Республики Беларусь; иностранные граждане и лица без гражданства, в том числе беженцы, вынужденные переселенцы, лица, получившие убежище на территории Республики Беларусь, иммигранты; должностные лица, участвующие в миграционных правоотношениях; юридические и физические лица, приглашающие иностранных граждан в Республику Беларусь; юридические лица – транспортные организации, осуществляющие перевозку иностранных граждан и лиц без гражданства; наниматели, использующие иностранную рабочую силу и др. То есть, административные правонарушения в сфере миграции в подавляющем большинстве случаев имеют специального субъекта, для которого характерны не только общие признаки (возраст, вменяемость), но и дополнительные, только им присущие признаки.

Четвертым элементом состава административного миграционного правонарушения является субъективная сторона, включающая вину, мотив и цель. Необходимо отметить, что закрепленные в КоАП составы административных правонарушений в сфере миграции не содержат в себе указаний на мотив или цель в качестве квалифицирующих признаков. Однако вина в любом случае «является центральным признаком субъективной стороны рассматриваемых составов и имеет значение как условие возникновения административного правонарушения за нарушение миграционных правил» [8, с. 8].

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. Законодательство о противодействии преступности на пути консолидации правовых начал уголовной политики / В. М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка : наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 255–262.
2. Российское административное право : учебник / Ю. С. Адушкин, З. А. Багишаев, В. М. Манохин. – М. : Юрист, 1996. – 472 с.
3. Василевич, Г. А. Административно-деликтное право : учеб. пособие / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич, С. В. Добрян. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 648 с.
4. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность : учеб. пособие / Д. Н. Бахрах. – М. : Юриспруденция, 1999. – 112 с.
5. Бачило, И. Л. Теоретические проблемы ответственности в управлении / И. Л. Бачило // Правовые основы ответственности в управлении в СССР и ГДР. – М. : б/и, 1981. – С. 13–20.
6. Административное право : учеб. пособие / Т. В. Телятицкая [и др.] ; под общ. ред. Л. М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2012. – 368 с.
7. Хомич, В. М. Преступление как основание уголовной ответственности (о социально-правовой сущности преступления в уголовно-наказательном праве) / В. М. Хомич // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратов. угол.-правовые чтения) : сб. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф., Саратовская гос. юрид. акад. – Саратов : Саратов. гос. юрид. акад., 2019. – С. 382–386.
8. Саенко, С. И. Вина как элемент субъективной стороны административного правонарушения / С. И. Саенко // Административное право и процесс. – 2008. – № 3. – С. 8–10.

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ ОТБЫВАНИИ
НАЗНАЧЕННОГО НАКАЗАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА
О СПЕЦИФИКЕ МНОГООБРАЗИЯ**

Расторопова Ольга Владимировна

старший научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Рассматривая юридическую ответственность осужденных при отбывании назначенного наказания, необходимо конкретизировать основные составляющие данного явления – юридическую ответственность «в том числе и само

определение ответственности» и правовое положение осужденного, отбывающего наказание.

Согласно Толковому словарю Д. Н. Ушакова, ответственность – такое положение лица, при котором данное лицо, совершая какие-либо действия, дает полный отчет им и принимает на себя все риски, которые могут возникнуть в ходе их выполнения. Большая психологическая энциклопедия дает более детальное определение ответственности – форма саморегуляции и самодетерминации, которая характерна для сформированной «зрелой» личности, которая выражается в: «осознании себя, как причины совершаемых поступков и их последствий», способности выступать причиной изменений окружающего мира и собственной жизни.

Проанализировав составные части уголовной ответственности, подробно и обстоятельно рассмотренные в юридической литературе, полагаем, возможным сформулировать некое общее определение юридической ответственности как правопослушное поведение личности «субъекта правоотношений», т. е. соблюдение требований норм права, а в случае нарушения - обязанность виновного восстановить нарушенное право, компенсировать причиненный ущерб, а также понести наказание, выражающееся в мерах государственно-правового принуждения.

Важное значение в случае с осужденными, отбывающими наказание, по части конкретизации ответственности выступает их правовой статус «правовое положение», поскольку он отличается от прав и обязанностей правопослушных граждан установленным в приговоре суда объемом правоограничений.

Итак, за основу правового положения осужденных, отбывающих наказание, как известно, принимается общеправовой статус личности. В соответствии с действующим уголовным законодательством, обвинительный приговор суда изменяет этот статус, возлагая на осужденного предусмотренные законом правоограничения и дополнительные обязанности на определенный срок. При этом суд, руководствуясь в уголовном праве основными принципами – законности (ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), вины (ст. 5 УК РФ), справедливости (ст. 6 УК РФ) и гуманизма (ст. 7 УК РФ), во-первых, назначает виновному справедливое наказание, во-вторых, должен видеть в его назначении связь между совершенным преступлением и назначенными уголовно-правовыми мерами воздействия, и, в-третьих, эти правоограничения не должны носить чрезмерный характер.

Следует понимать, что с момента вступления приговора суда в законную силу к существующим правоотношениям, в которых состоят все граждане России, добавляются уголовно-исполнительные правоотношения, которые связаны со спецификой категории «осужденный». Детализируя правовое положение осужденных, отбывающих наказание, следует отметить, что оно представляет собой разновидность специального правового статуса, который в свою очередь подразделяется на правовые статусы лиц, отбывающих

конкретные виды наказаний «лишение свободы, исправительные работы, ограничение свободы и т. д.».

В ст. 11 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, для всех осужденных, вне зависимости от меры уголовно-правового характера, закреплены основные обязанности, которые носят обобщенный характер, что находит конкретизацию в непосредственных уголовно-правовых мерах.

Следует учитывать, что среди осужденных, отбывающих наказание, предусмотрена пенитенциарная дифференциация обязанностей в зависимости от гендерного признака, возраста, меры уголовно-правового характера. За невыполнение данных «специфических, сугубо пенитенциарных» правоограничений осужденные несут ответственность.

Именно в этом, как представляется, заключается специфика юридической ответственности осужденных при отбывании назначенного наказания. Иными словами, основания данного вида ответственности заключаются в нарушении норм уголовно-исполнительного законодательства, которое определяет режимные требования, порядок и условия отбывания наказания.

Важно отметить, что юридическая ответственность осужденных при отбывании назначенного наказания предусматривает достаточно широкую дифференциацию на подгруппы.

В юридической литературе достаточно распространена следующая классификация подвидов юридической ответственности осужденных при отбывании назначенного наказания: дисциплинарная, материальная и уголовная. Следует усомниться, по нашему мнению, с наличием материальной и дисциплинарной ответственности у рассматриваемой категории лиц по причине того, что, как справедливо отмечает А. В. Звонов, «...материальная ответственность свойственна по большей части гражданско-правовым отношениям, а дисциплинарная – с нарушением режима и норм дисциплины труда, и не отражает всей специфики данной категории субъекта права».

В. А. Кислухин и Е. А. Сунцова выделяют правовосстановительную «компенсационную» и карательную ответственность в зависимости от назначения. При этом они полагают, что данные виды свойственны и для специального субъекта права – осужденных.

Так, правовосстановительная юридическая ответственность осужденных связана, прежде всего, с тем, что практически все осужденные являются участниками трудовых отношений. Трудиться, возмещать ущерб, оказывать материальную помощь – обязанность осужденных, не только в уголовно-исполнительных отношениях, но и в гражданско-правовых и семейных. Карательная юридическая ответственность осужденных связана с привлечением к административной или уголовной ответственности, первая из которых свойственна осужденным к «безизоляционным» мерам уголовно-правового воздействия. Привлечение к данным видам ответственности является грубым нарушением порядка отбывания наказания и может послужить причиной замены «безизоляционного» наказания реальным лишением свободы.

Также в правовой доктрине выделяют договорную и внедоговорную юридическую ответственность. Осужденные обязаны соблюдать установленный порядок отбывания наказания, исполнять возложенные на них обязанности, соблюдать требования, предусмотренные законом, т. е. для осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, характерна внедоговорная юридическая ответственность. В то же время, для осужденных к «безизоляциянным» мерам уголовно-правового воздействия, работающим по трудовому договору, характерной будет договорная юридическая ответственность.

В литературе встречается юридическая ответственность физических, юридических и должностных лиц. Для осужденных, отбывающих наказание, в данном случае, будет характерна юридическая ответственность физических и должностных лиц. Достаточно часто, осужденные, отбывающие наказание не связанное с лишением свободы, совершают административные правонарушения и привлекаются к административной ответственности. Кроме этого, данная категория осужденных может занимать, в том числе, и руководящие должности в различных организациях и быть привлечены к административной, дисциплинарной ответственности в связи с выполнением (не выполнением) своих должностных обязанностей.

Подводя итог проведенному выше анализу юридической ответственности осужденных при отбывании наказания, следует отметить большое разнообразие подходов к данному явлению в юридической литературе. По нашему мнению, данный вид ответственности выполняет охранительную, регулятивную, превентивную и стимулирующую функции и направлен исключительно на исправление и коррекцию поведения спецконтингента.

Список цитированных источников

1. Багрий-Шахматов, Л. В. Уголовная ответственность и наказание / Л. В. Багрий-Шахматов. – Минск : Вышэйш. шк., 1976. – 383 с.
2. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychology.academic.ru/1514>. – Дата доступа: 26.10.2020.
3. Бриллиантов, А. В. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник / А. В. Бриллиантов, С. И. Курганов ; Верховный Суд Рос. Федерации, Высш. Арбитр. Суд Рос. Федерации, Рос. акад. правосудия. – М. : Проспект, 2008. – 340 с.
4. Звонов, А. В. Место уголовно-исполнительной ответственности в системе юридической ответственности осужденных / А. В. Звонов // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. – Владимир : Изд-во ВЮИ ФСИН России, 2013. – № 3 [28]. – С. 12–18.
5. Зубков, А. И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации / А. И. Зубков. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2008. – 271 с.
6. Кислухин, В. А. Виды юридической ответственности : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. А. Кислухин. – М., 2002. – 24 с.
7. Сунцова, Е. А. Нетрадиционные виды юридической ответственности : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. А. Сунцова. – М., 2005. – 26 с.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
9. Филимонов, В. Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В. Д. Филимонов. – М. : ЮрИнфоР, 2008. – 249 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

Рочева Елена Альбертовна

*главный специалист государственного учреждения «Научно-практический
центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»*

Восстановительный подход, как показывает международный опыт, является реальным инструментом для решения задач профилактики правонарушений и коррекции в работе с детьми и подростками. Восстановительное правосудие предполагает активное вовлечение всех сторон, чьи интересы были затронуты событием и (или) асоциальными или противоправными действиями, в процесс заглаживания вины посредством применения восстановительной практики.

Среди многообразия практик восстановительного правосудия, используемых в разных странах мира, наиболее значительное распространение получили: медиация между потерпевшим и правонарушителем; групповые конференции; круги правосудия; программы поддержки потерпевших; восстановительная работа с правонарушителями [1, с. 807]. Различные инструменты восстановительного подхода направлены на достижение сходных целей: создать условия для прямого взаимодействия между жертвой, правонарушителем и другими значимыми лицами, пострадавшими или затронутыми в результате правонарушения, и предоставить возможности для восстановления, а также предотвращения последующих правонарушений.

С точки зрения связи с уголовным процессом различные практики восстановительного правосудия могут выступать: 1) в качестве альтернативы ему (на этапе досудебного рассмотрения дела); 2) как его часть (в этом случае их результат будет учтен судьей при вынесении решения); 3) как дополнение к уголовному процессу (во время отбытия наказания или после его завершения как элемент ресоциализации и т. п.) [1, с. 808].

Определенный опыт применения медиативно-восстановительных подходов уже наработан в Российской Федерации, Республике Казахстан, Украине.

В период с 1999 по 2003 гг. в России в рамках пилотных проектов программы развития ООН в Российской Федерации «Поддержка становления правосудия в отношении несовершеннолетних» в судопроизводство по делам о несовершеннолетних были введены ювенальные технологии. На сегодняшний день Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации накоплен значительный опыт в организации и проведении восстановительных технологий для несовершеннолетних.

Правовым основанием деятельности служб примирения (структура, занимающаяся проведением восстановительных программ) является в настоящий момент распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 г. № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2020 года

сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность». В указанном документе впервые получили нормативное закрепление такие понятия, как восстановительное правосудие, восстановительный подход, медиативный подход. Работа сети служб медиации (примирения), являющейся центральным элементом восстановительного правосудия, является организационной основой реализации концепции.

В территориальных службах примирения проводятся программы по пяти категориям случаев : преступления несовершеннолетних, общественно-опасные деяния несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, иные деяния несовершеннолетних, если они рассматриваются в комиссии по делам несовершеннолетних (административные правонарушения, а также деяния, совершенные несовершеннолетними, не достигших возраста административной ответственности), семейные конфликты / проблемные ситуации, иные конфликтные ситуации в образовательных учреждениях, не вошедшие в вышеназванные случаи [2, с. 157].

Например, в Архангельской области применение восстановительных практик (развивается с 2012 г.) начинается со школьных служб примирения и завершается службой примирения при Архангельской воспитательной колонии. Базовым документом в указанном субъекте является Соглашение о межведомственном сотрудничестве в развитии дружественного к детям правосудия в сфере уголовного судопроизводства в Архангельской области от 31 октября 2013 г.

В настоящее время в Украине реализуется восстановительный подход в сфере уголовного правосудия на основании совместного проекта Министерства юстиции и Генеральной прокуратуры «Программа восстановления несовершеннолетних, которые являются подозреваемыми в совершении преступления» (утвержден совместным приказом № 172/5/10 от 21 января 2019 г.). Пилотный проект был организован на базе системы предоставления бесплатной правовой помощи в шести регионах – Донецкой, Одесской, Львовской, Луганской, Николаевской и Харьковской областях.

Указанная программа восстановления применялась при условии совершения несовершеннолетними впервые преступлений небольшой или средней тяжести. Чтобы стать участником программы, подросток должен признать факт совершения преступления, раскаяться в содеянном. Как несовершеннолетний, так и потерпевший должны дать согласие на участие в указанной программе. Участниками также являются прокурор (направляет информацию в региональный центр по предоставлению бесплатной правовой помощи (далее – центр)), и адвокат, сотрудничающий с центром и прошедший обучение по медиации в уголовном процессе. Этот адвокат является медиатором (посредником) по делу.

Если после разъяснений медиатора стороны (несовершеннолетний и потерпевший) соглашаются с условиями, заключается соглашение, в котором,

в частности, указывается, что несовершеннолетний признает нанесенный правонарушением ущерб, закрепляются обязанности по возмещению вреда (срок и способ). Несовершеннолетний также принимает на себя обязательство участвовать в рекомендованных органом пробации мероприятиях. Указанные мероприятия обычно направлены на помощь в решении проблем, возможно побудивших подростка к совершению преступления, и помогают несовершеннолетнему, например, преодолеть склонность к алкоголю или агрессии, научиться строить социальные связи, найти новое увлечение или работу.

После исполнения соглашения центр готовит информацию о результатах участия несовершеннолетнего в программе восстановления и направляет ее прокурору. Если эта информация поступает до окончания досудебного расследования, то прокурор приобщает ее к уголовному производству. Если после завершения, то несовершеннолетний и его представитель могут предоставить ее самостоятельно – в ходе судебного заседания.

Участие в подобной программе восстановления является основанием для освобождения от уголовной ответственности или закрытия уголовного производства [3].

В 2020 г. проект должен быть распространен на всю страну, при этом в бюджете выделены деньги на оплату услуг медиаторов.

Создание системы ювенальной юстиции в Казахстане было заложено в 2001 г., когда Верховный Суд Республики Казахстан, Генеральная прокуратура, Министерство Юстиции совместно с Фондом Сорос – Казахстан и Правовым Открытым обществом подписали протокол о реализации пилотного проекта «Ювенальная юстиция в Казахстане». Пилотный проект был реализован в период 2003 – 2006 гг. в двух районах Алматинской области и признан успешным. 19 августа 2008 г. Указом Президента была одобрена Концепция развития ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009–2011 годы, цель которой – поэтапное внедрение и развитие элементов ювенальной юстиции для повышения эффективности и качества отправления правосудия несовершеннолетних. Одним из элементов стали ювенальные медиаторы, которые появились после принятия Закона Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации» и призваны были разрешать споры (конфликты), возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием несовершеннолетних, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, об уголовных проступках с участием несовершеннолетних. Кроме того, для эффективного исполнения программы в специализированных судах по делам несовершеннолетних с июня 2009 г. были введены должности психолога и социального педагога, которые сопровождают детей в процессе.

Сегодня в Казахстане нормы о медиации включены в Уголовный (например, п. 1 ст. 68 УК Республики Казахстан) и Уголовно-процессуальный (ст. 64 УПК Республики Казахстан) кодексы. В УПК Республики Казахстан содержится и определение понятия «медиатор», который отнесен к иным лицам,

участвующим в уголовном процессе (глава 10 УПК Республики Казахстан). Согласно ст. 85 УПК Республики Казахстан медиатор вправе с согласия сторон осуществлять процедуру медиации с момента регистрации заявления и сообщения об уголовном правонарушении и на последующих стадиях уголовного процесса до вступления приговора в законную силу.

Среди современных тенденций в сфере ювенального правосудия в Казахстане – окончание значительного количества дел в ювенальных судах посредством альтернативных способов разрешения споров, в том числе с заключением мирового соглашения и соглашения об урегулировании в порядке медиации. Такая практика позволяет минимизировать негативные последствия процедуры отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [4].

Таким образом, пилотные проекты в России, Казахстане, Украине продемонстрировали позитивные результаты, при этом медиаторами были использованы практические наработки обширного мирового опыта в применении восстановительных программ. Как справедливо указывает О. В. Петрова [5], уголовный закон Республики Беларусь предусматривает возможность применять посредничество, т. к. закрепляет право сторон примириться по делам частного обвинения (ч. 4 ст. 427 УПК), возможность освободить обвиняемого от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК). Не исключается дополнительное проведение примирительных процедур при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности в соответствии со ст. 118 УК. Возможно, более широкое применение медиации в целом создаст предпосылки для применения восстановительных практик в уголовном процессе, вместе с тем процесс такого становления, как показывает мировой опыт, достаточно сложный.

Список цитированных источников

1. Лысова, А. В. Препятствия на пути развития восстановительного правосудия: сравнительный анализ России, Канады и Германии / А. В. Лысова, Х. Кури // Всерос. криминол. журн. – 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 806–816.
2. Карнозова, Л. М. Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2018 год, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации [Электронный ресурс] / Л. М. Карнозова. – Режим доступа: <http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2019/08/Vestnik-16-2019-1.pdf>. – Дата доступа: 20.05.2020.
3. В 6 регионах запущена программа помощи детям, подозреваемым в преступлении [Электронный ресурс] // ЮРЛИГА. – Режим доступа: https://jurliga.ligazakon.net/news/184023_v-6-regionakh-zapushchena-programma-pomoshchi-detyam-podozrevaemym-v-prestuplenii. – Дата доступа: 20.05.2020.
4. Оценка ситуации в сфере ювенальной юстиции. Астана 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://back.cisc/kz/pravovoy-analis-otzenka-situatsii-v-sfere-yuvenalnoy-yustitsii.pdf/>. – Дата доступа: 20.09.2020.
5. Петрова, О. В. Внедрение программ восстановительного правосудия: международно-правовые принципы и применение опыта зарубежных стран [Электронный ресурс] / О. В. Петрова. – Режим доступа: <https://elib.grsu.by>. – Дата доступа: 20.09.2020.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К САНКЦИЯМ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Сащико Павел Иванович

кандидат юридических наук, доцент

Требования к санкциям за коррупционные преступления сформулированы в международном праве, в частности в конвенциях о борьбе с коррупцией, ратифицированных Республикой Беларусь. Из содержания п. 1 ст. 19 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию вытекает, что санкции за коррупционные преступления должны отвечать нескольким критериям: 1) принимать во внимание тяжесть совершенных преступлений; 2) являться эффективными; 3) быть соразмерными; 4) носить сдерживающий характер; 5) обеспечивать возможность выдачи за коррупционные преступления. В соответствии со ст. 30 Конвенции ООН против коррупции «Каждое Государство-участник за совершение какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией, предусматривает применение таких уголовных санкций, которые учитывают степень опасности этого преступления». В этой связи при имплементации положений международных договоров в части определения в уголовном законе санкций за коррупционные преступления возникает вопрос о том, что позволяет признать санкции, соответствующими указанным выше требованиям.

В п. 89 Пояснительной записки к Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию отмечается, что требование об эффективных, соразмерных и сдерживающих санкциях предполагает возможность назначения за совершение преступлений, предусмотренных Конвенцией, наказания в виде лишения свободы на определенный срок (что дает возможность экстрадиции), однако не означает обязанности назначения лишения свободы во всех случаях, когда лицо совершило коррупционное преступление [1].

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) и ином законодательстве Республики Беларусь не установлены какие-либо специальные требования к уголовно-правовым санкциям. Вместе с тем, при установлении в УК санкций за коррупционные преступления могут учитываться некоторые положения уголовного закона. Например, ст. 3 УК (принципы уголовного закона и уголовной ответственности) устанавливает, что уголовная ответственность в Республике Беларусь основывается на принципе справедливости. Принцип справедливости охватывает реализацию таких требований к санкциям, содержащихся в международных конвенциях, как принятие во внимание тяжести (опасности) совершенного преступления и соразмерность.

В ст. 62 УК предусмотрено, что при назначении наказания суд исходит из принципа индивидуализации наказания, то есть учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, дохода, полученного преступным путем, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам

частного обвинения, мотивируя избранную меру наказания в приговоре. Статья 62 УК регулирует индивидуализацию наказания и ничего не говорит о дифференциации наказания в уголовном законе. Вместе с тем, необходимость учета указанных в этой статье обстоятельств предполагает, что уголовный закон, в частности санкции, предусмотренные за коррупционные преступления, позволяют это сделать. Таким образом, неявное указание на то, что санкция за коррупционное преступление должна быть соразмерной, предполагает, что санкция является справедливой и позволяет в полной мере учитывать обстоятельства, указанные в ст. 62 УК.

Эффективность санкции предполагает достижение целей уголовной ответственности, закрепленных в ст. 44 УК. В ч. 2 ст. 44 УК установлено, что уголовная ответственность имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. Согласно ст. 44 УК уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда. Вместе с тем, восстановлению социальной справедливости в смысле возмещения имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, и возмещения морального вреда уголовно-правовая санкция способствовать не может. Эта цель достигается применением гражданско-правовой ответственности. Соответственно сдерживающий характер санкции за коррупционное преступление предполагает то, что санкция по своему характеру и размеру обеспечивает достижение целей исправления лица, совершившего такое преступление, а также предупреждение совершения аналогичных коррупционных преступлений этим лицом и иными лицами.

Обеспечение возможности выдачи за коррупционные преступления неотъемлемо от положений международных договоров о выдаче и Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК). В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 484 УПК одним из оснований отказа в выдаче является то, что за преступление в соответствии с УК Республики Беларусь или уголовным законодательством иностранного государства предусматриваются наказание в виде лишения свободы на срок менее одного года либо более мягкое наказание. Таким образом, санкции коррупционных преступлений, предусмотренных международными конвенциями против коррупции, в УК Республики Беларусь должны включать наказание в виде лишения свободы не менее одного года.

Учитывая изложенное, при установлении санкций за коррупционные преступления необходимо принимать во внимание необходимость обеспечения их характеристик, вытекающих из положений международных договоров против коррупции.

Список цитированных источников

1. Explanatory Report to the Criminal Law Convention on Corruption [Electronic resource]. – Mode of access: <https://rm.coe.int/16800cce441999>. – Date of access: 29.11.2020.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХАЛАТНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Свиб Анжелика Феликсовна

*доцент Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова,
кандидат юридических наук, доцент*

После октябрьской революции 1917 г. все дореволюционное законодательство, в том числе и уголовное, было отменено. В первые послереволюционные годы уголовное законодательство не было кодифицированным, отдельные правовые нормы отражались в декретах, постановлениях, циркулярах и иных нормативно-правовых актах органов советской власти, в том числе это касалось и норм об ответственности должностных лиц.

Появление общего самостоятельного состава, предусматривающего уголовную ответственность за халатность, относится к более позднему, кодифицированному, этапу развития отечественного законодательства.

В Уголовном кодексе (далее – УК) БССР 1922 г. стал впервые использоваться термин «халатное» применительно к описанию должностного преступления [1, ст. 108].

Казуальная терминология ст. 108 объясняется намеренным использованием советским законодателем бытовых терминов в содержании УК БССР 1922 г. «предназначенных для судей народных, не образующей замкнутой касты юристов, а постоянно сменяемых все новыми и новыми людьми, выходящими из недр быта» [2, с. 247–249].

Постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях уголовного кодекса РСФСР» в диспозицию ст. 108 УК БССР 1922 г. вносились существенные изменения, после которых эта статья стала носить отсылочный характер. При этом халатное отношение к службе предполагало пусть недоброкачественное и ненадлежащее, но исполнение служебных обязанностей, то есть совершалось путем действия.

Обязательным элементом состава халатного отношения к службе являлись общественно опасные последствия. По новой редакции уголовно-наказуемым деянием было только повлекшее наступление определенных последствий. Во-первых, явного нарушения правильной работы учреждения или предприятия, что характеризуется частичным расстройством нормального хода их деятельности. Во-вторых, причинения им же имущественного ущерба (значительного или хотя бы и незначительного). В-третьих, нарушения общественного порядка, т. е. причинения вреда общественным интересам, выходящим за пределы узких интересов самого учреждения или предприятия. В-четвертых, нарушения охраняемых законом прав или интересов отдельных граждан, как личных, так и имущественных.

Эти последствия, закрепленные в составе злоупотребления властью (ст. 105), были обязательным элементом всех основных составов должностных (служебных) преступлений УК БССР 1922 г.

К обязательным внешним признакам относились особая тяжесть наступивших в результате халатного отношения к службе последствий или его систематичность. К признакам, характеризующим злоупотребление властью с внутренней стороны, относилось совершение деяния из соображений корыстной, иной личной заинтересованности, или же заведомо для виновного сопряженного с возможностью наступления тяжких последствий.

Тот факт, что эти признаки распространялись законодателем и на состав халатного отношения к службе, породил дискуссионность вопроса о субъективной стороне этого преступления.

Подобная дискуссионность природы субъективной стороны преступления сближает состав халатного отношения к службе с составом бездействия власти (ст. 107).

Субъектами халатного отношения к службе, равно как иных служебных преступлений, были должностные лица, под которыми понимались лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач.

Схожесть формулировок халатного отношения к службе и бездействия власти в предыдущем уголовном законе вылилась в объединение этих составов преступлений в единый состав в УК БССР 1928 г. Исходя из содержания ч. 2 ст. 195 УК БССР 1928 г., должностными преступлениями признавались только проступки должностных лиц, которые имели систематический характер, совершались из корыстного или иных личных мотивов, либо имели особо тяжкие последствия, либо заведомо угрожали тяжелыми последствиями [3, ст. 195]. Это же положение относилось к объединенному составу халатного отношения к службе и бездействия власти.

Особенностью белорусского подхода к пониманию халатного отношения к службе является отнесение волокиты и протекционизма к признакам общественно опасного деяния, приравнивание такого поведения к недобросовестному или небрежному отношению к служебным обязанностям. Несовершенство формулировок, унаследованное от предыдущего состава, не позволяет однозначно определить форму вины халатного отношения к службе, исходя лишь из содержания диспозиции.

Судебная практика того периода последовательно придерживалась позиции, что, при наличии корыстной или иной личной заинтересованности, действия виновных не могут квалифицироваться как халатность. Пленум Верховного суда СССР в своих решениях по уголовным делам указывал, что корыстная или иная личная заинтересованность не применима к случаям халатности, предполагающей неосторожную вину. Корыстная или иная личная заинтересованность противоречат самой природе должностной халатности и не могут иметь места при халатности.

Судебная практика того периода также свидетельствует о том, что в правоприменении произошло фактическое поглощение признаков бездействия власти составом халатного отношения к службе.

Таким образом, уже к началу 1940-х годов сложилось два основных состава должностных преступлений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением должностным лицом своих обязанностей. Во-первых, злоупотребление властью, понимаемое как всякое умышленное действие или бездействие должностного лица, повлекшее общественно-опасные последствия. Во-вторых, халатность, как небрежное, недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, т. е. ненадлежащие действие по службе, или неисполнение служебных обязанностей, бездействие по службе, совершенное с неосторожной формой вины.

Однако оставались, кроме уголовного закона, и иные нормативные правовые акты, предусматривающие ответственность за халатные действия должностных лиц. Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов предприятиями», которым предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком не менее пяти лет в отношении управляющих трестов, директоров предприятий и лиц административно-технического персонала, виновных в выпуске по преступной небрежности недоброкачественной или некомплектной продукции [4, п. 1].

Как и уже сложившаяся судебная практика, УК БССР 1960 г. не выделял бездействие власти в самостоятельный состав преступления, а с учетом субъективных признаков относил его к составу злоупотребления властью или служебным положением либо к халатности [5, с. 353]. Сама халатность стала определяться как невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей, вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред государственным или общественным, либо охраняемым законом правам и интересам граждан [6, ст. 168].

Появилось соответствующее доктринальное толкование признаков халатности. К объективной стороне халатности относились общественно опасные последствия в виде причинения существенного вреда государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан. Советский законодатель еще не разделял существенный вред с иными квалифицирующими последствиями халатности (ущерба имуществу в особо крупном размере, смерти или иных тяжких последствий), что свойственно последующим редакциям состава халатности.

Субъект халатности оставался специальным – должностное лицо. Однако законодательный подход к определению признаков должностного лица существенно изменился. К числу должностных лиц стали относить: во-первых, представителей власти; во-вторых, лиц занимавших постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или

на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей; в-третьих, лиц, выполняющих такие же обязанности по специальному полномочию.

С субъективной стороны халатность устойчиво характеризовалась как неосторожное преступление. При этом продолжалась дискуссия относительно соотношения умысла и неосторожности применительно к самому деянию. Историко-правовой анализ актов советского законодательства, устанавливающих уголовную ответственность за халатность, свидетельствует о тенденции отхода советского законодателя от закрепления отдельных казуальных составов нарушений по службе к формулированию единого состава халатности, как неосторожного деяния должностного лица по службе. Итогом этого пути в современном белорусском законодательстве становится признание состава халатности общим составом преступления по отношению к остальным неосторожным посягательствам должностных лиц.

Через анализ исторических тенденций прослеживается необходимость законодательного обеспечения положения состава халатности как общего состава преступления по отношению к специальным составам неосторожных преступлений должностных лиц. В целях обеспечения справедливого и единообразного подхода к уголовной ответственности должностных лиц за нарушения по службе, в статьи УК Республики Беларусь, устанавливающие ответственность за неосторожные преступления должностных лиц, в том числе за служебную халатность, должны быть внесены соответствующие изменения, направленные на обеспечение единой терминологии в описании уголовно-наказуемых деяний и формирование соотносимых санкций за преступные посягательства по службе.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Республики [Электронный ресурс] : утв. ЦИК БССР на 3-й сес. IX съезда Советов, 24 мая 1922 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/sm_full.aspx_guid=1710231479454739.pdf. – Дата доступа: 03.03.2020.
2. Уголовный кодекс советских республик: текст и практический комментарий: сост. по новым ред. УК с изм. до 20 февр. 1928 г. / С. М. Канарский [и др.] ; под ред. С. М. Канарского. – 3-е изд. – Харьков : Гос. изд-во Украины, 1928. – 588 с.
3. Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс] : утв. ЦИК БССР 23 сент. 1928 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/sm_full.aspx_guid=1710231479454739.pdf. – Дата доступа: 03.03.2020.
4. Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов предприятиями [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 10 июля 1940 г. // Электронная библиотека «Исторические материалы». – Режим доступа: <http://istmat.info/node/23023>. – Дата доступа: 03.03.2020.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Г. З. Анашкин [и др.] ; под ред. Ю. Д. Северина. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Юрид. лит., 1984. – 528 с.

6. Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс] : принят четвертой сессией Верховного Совета БССР пятого созыва, 29 дек. 1960 г. // КонсультантПлюс. Беларусь /ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ЛИЦА К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сенько Анатолий Степанович

*доцент кафедры правового обеспечения правоохранительной деятельности
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

Законодательству, теории права и правоприменительной практике известны многообразные формы проявления различных институтов уголовного права в Республике Беларусь. Обеспечение реализации данных форм нередко осуществляется не только посредством правовых предписаний уголовного закона, но и путем закрепления тех или иных нормативных положений в иных отраслях отечественного законодательства. Сказанное, как полагаем, в полной мере относится и к закреплённой в ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) возможности освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности.

В соответствии с действующей редакцией ст. 86 УК, при наличии оснований и отсутствии запрета, предусмотренных ч. 1 и 3 этой же статьи УК, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности посредством применения к нему ряда мер административного взыскания.

Таким образом в приведенной норме достаточно точно определены магистральные линии замысла законодателя относительно освобождения лиц от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания. Вместе с тем сведение правовой конструкции обозначенного уголовно-правового института только к предписаниям уголовного закона, не полностью раскрывает его содержание. Данное положение обусловлено прежде всего его предметным предназначением – применением к лицу мер административного взыскания. В рассматриваемом плане нельзя пренебрегать и тем обстоятельством, что институт освобождения лиц от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания начинает функционировать в рамках уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, затем трансформирующихся в административно-деликтные и административно-деликтные процессуальные отношения.

В связи с этим в качестве правовой основы исследуемого института наряду с УК выступают другие кодифицированные источники правовых норм: Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП),

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК), Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и др. Они же оказывают значительное влияние на межотраслевую природу обсуждаемого аспекта освобождения лиц от уголовной ответственности, по сути представляя собой в совокупности своеобразный конгломерат правовых норм [1, с. 163–168]. Однако, как убеждаемся при анализе правовых предписаний, закон не дает однозначных ответов на все вопросы, связанные с реализацией института освобождения лиц от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания.

Как известно, применением административных взысканий прежде всего реализуется институт административной ответственности. Фактическим основанием наступления административной ответственности по общему правилу признается административное правонарушение [2, с. 145–148]. Однако уже в восьмидесятые годы XX века в качестве такового основания стали признавать и уголовное преступление. Отправной точкой таких размышлений явилось принятие Указов Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР» и «О порядке применения мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» [3, с. 30–31].

С таким выводом трудно не согласиться и в наше время. В его пользу говорит сама ст. 86 УК, непосредственно указывающая, что в случае совершения уголовного преступления лицо может быть привлечено к административной ответственности. С этой точки зрения о конгломерате уголовно-правовой нормы с нормами административно-деликтного права свидетельствует и тот факт, что в уголовном законе помимо видов административных взысканий не оговариваются никакие иные вопросы, связанные с назначением административных санкций. Отсюда следует вывод – ответы на данные вопросы необходимо искать в КоАП [4, с. 214]. Именно поэтому, на наш взгляд, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного Кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» в частности указывает судам, что при решении вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности по ст. 86 УК, необходимо учитывать соответствующие положения КоАП (п. 3).

Особого внимания заслуживают правовые аспекты, не нашедшие своего закрепления в уголовном и административно-деликтном законе. Действующая редакция ст. 86 УК не дает возможности определиться с ответом на вопрос: сколько одновременно мер административного взыскания может быть применено к лицу, освобождаемому от уголовной ответственности? Дело в том, что в УК употребляется терминология «могут быть применены следующие меры административного взыскания». Сложность состоит и в том, что в названной

норме не оговаривается, могут ли приведенные меры выступать в качестве основных и дополнительных мер административного взыскания.

Со своей стороны, полагаем следующее. При освобождении лица от уголовной ответственности к лицу может быть применена только одна мера административного взыскания, поскольку следует руководствоваться правилом о том, что за один проступок налагается одна санкция. Таким же путем идет и правоприменительная практика правоохранительных органов. Вследствие сказанного, в целях устранения разночтений в данном вопросе, необходимо абзац 1 ч. 2 ст. 86 УК изложить в следующей редакции: «К лицам, освобождаемым от уголовной ответственности в соответствии с частью 1 настоящей статьи, может быть применена одна из следующих мер административного взыскания:».

Нуждается в уточнении и круг субъектов, полномочных применять в отношении рассматриваемой категории лиц меры административного взыскания. Согласно ч. 1 ст. 30 УПК такое решение вправе принимать суд, прокурор или следователь с согласия прокурора. Несмотря на это предписание, в этом вопросе нет окончательной ясности. В ч. 3 приведенной статьи уточняется, что прокурор вправе применять только штраф. В отношении суда и следователя УПК никаких пояснений не содержит. Трактовка этих уголовно-процессуальных положений дает основание для первоначального утверждения о том, что суд и следователь вправе применять все меры административного взыскания, предусмотренные ст. 86 УК.

В отношении полномочий суда данный вывод не вызывает сомнения. Он подтверждается в том числе судебной правоприменительной практикой и положениями административно-деликтного законодательства. К примеру, согласно КоАП административные взыскания в виде исправительных работ и административного ареста (за исключением случаев, указанных ч. 4 с. 6.2 КоАП) налагаются только судом, и т.п. При этом в КоАП непосредственно оговаривается, что исправительные работы, как мера административного взыскания, применяются к лицам, освобожденным от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности в порядке, предусмотренном ст. 86 УК.

Предварительный вывод о возможности наложения административных взысканий следователем, как полагаем, не соответствует действительности и противоречит самой природе исследуемого нами института. Во-первых, в соответствии с КоАП должностные лица органов предварительного следствия не вправе налагать никаких административных взысканий. Во-вторых, как было указано выше, часть мер административных взысканий, в соответствие с нормами КоАП, относится к исключительной компетенции судов. Имеется и еще один веский аргумент, говорящий в пользу доказываемого. В УПК напрямую закреплено правило о том, что следователь может прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания лишь с согласия прокурора. Следовательно, налагать административные взыскания

следователь вправе также только с одобрения надзирающего прокурора. Учитывая факт того, что прокурор уполномочен принимать решение о наложении на лицо штрафа, то, как считаем, он вправе давать согласие следователю только на наложение одной меры административного взыскания, а именно штрафа.

Ознакомление, в рассматриваемом аспекте, с правоприменительной практикой органов предварительного следствия в свою очередь показало, что следователи лично крайне редко принимают решения о наложении административного взыскания, отдавая решение этого вопроса на откуп прокуроров. Полагаем, что основная причина такого положения дел кроется в указанных нами правовых предписаниях ст. 30 УПК. В целях исправления ситуации в ч. 3 ст. 30 УПК необходимо оговорить, что прокурор и следователь с согласия прокурора вправе налагать на лицо административное взыскание в виде штрафа. Для этого указанная норма нуждается в замене слова «применяет» словами «, следователь с согласия прокурора применяют».

Уголовно-процессуальная сторона реализации института освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности регламентирована, как было уже показано выше, УПК. Здесь хотелось бы сказать еще несколько слов о необходимости ее корректировки. В целях системного изложения уголовно-процессуальных норм, в ч. 1 ст. 250 УПК, регламентирующей основания к прекращению предварительного расследования и уголовного преследования, следует отразить, что предварительное расследование по уголовному делу прекращается при наличии оснований, предусмотренных ч. 4 ст. 30 УПК. В указанной норме отмечается, что прекращение производства по уголовному делу по ст. 86 УК не допускается, если против этого возражает обвиняемый.

Применение института освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности, на наш взгляд, требует внесения соответствующих дополнений также в ст. 251 и ст. 252 УПК. В данных нормах должны найти отражение следующие моменты: порядок и сроки уплаты лицом штрафа; разъяснение лицу, освобождаемому от уголовной ответственности, существующего порядка и сроков уплаты штрафа, и др.

В заключении необходимо отметить, что характерной чертой содержания института освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности является наполнение его правовыми нормами, содержащимися в различных отраслях законодательства. Подобный правовой конгломерат способен эффективно обеспечивать реализацию указанного института только при достижении оптимальной сбалансированности правовой материи, уровень которой в настоящее время еще не достиг идеального состояния и нуждается в определенной корректировке.

Список цитированных источников

1. Коваль, Л. В. Административно-деликтное отношение / Л. В. Коваль. — Киев : Вища шк., 1979. — 230 с.

2. Советское административное право : учебник : Части общая и Особенная / М. И. Еропкин [и др.] ; под ред. М. И. Еропкина. – Киев : Науч.-исслед. и ред.-изд. отдел, 1978. – 394 с.

3. Кузьмичева, Г. А. Административная ответственность / Г. А. Кузьмичева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 76 с.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.- практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕДУРНЫХ ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Солтанович Андрей Владимирович

заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Ракицкий Александр Петрович

начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Институт освобождения от уголовной ответственности по нормам как Общей, так и Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) процессуально разрешен противоречиво и без учета сущности (правовой природы) и специфики материальных и процессуальных, реабилитирующих и нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности. Это, в свою очередь, вызывает реальные проблемы в следственно-прокурорской практике. Одним из таких непростых для правоприменения является вопрос о порядке освобождения от уголовной ответственности при наличии соответствующих оснований, предусмотренных статьями Особенной части УК, которые п. 11 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) отнесены к обстоятельствам, исключающим производство по уголовному делу. В связи с этим может быть сделан вывод о том, что если при рассмотрении заявления или сообщения о преступлении либо при непосредственном обнаружении признаков преступления орган уголовного преследования установит подобного рода обстоятельства, он принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Такой вывод объясняется несогласованностью норм УК и УПК, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным статьями Особенной части УК.

В ст. 29 УПК предусматриваются как процессуальные, так и материально-правовые основания для отказа в возбуждении уголовного дела и его

прекращения. В частности, рассматриваемое основание, предусмотренное п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК, является материально-правовым, и условия его применения закреплены в УК.

В свою очередь, нормы Особенной части УК, устанавливающие подобные условия, закреплены в настоящее время в примечаниях к более чем двадцати статьям УК и предусматривают различные варианты позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление. То обстоятельство, что было совершено именно преступление, предполагает необходимость установления и доказывания самого его факта, виновности лица, а также наличия оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК.

Кроме того, нормы Особенной части УК, устанавливающие основания для освобождения от уголовной ответственности, могут иметь как императивный (например, примечание 2 к ст. 235 УК (лицо, участвовавшее в легализации денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за эти действия, если оно добровольно заявило о содеянном и способствовало выявлению преступления; примечание к ст. 431 УК (лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки либо если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о содеянном и активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления), так и диспозитивный характер (примечание 4 к главе 37 УК (лицо, совершившее предусмотренное настоящей главой деяние (воинское преступление), не представляющее большой общественной опасности, при смягчающих обстоятельствах может быть освобождено от уголовной ответственности с применением правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Республики Беларусь).

Особенно «показательна» в этом плане деятельность по реализации примечания не только к ст. 295 УК Республики Беларусь, но и к ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), т. е. освобождение от уголовной ответственности за добровольную сдачу оружия. Что имеется в виду?

Оружие при инициативной добровольной сдаче приходится и передается в соответствующее подразделение для уничтожения без всякого уголовно-процессуального реагирования. А если и проводится какая-либо проверка данного факта, то принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, хотя в нормах УПК РФ формальных оснований для этого не содержится, на что уже достаточно давно обращается внимание в российской печати [1, с. 13]. В УПК Республики Беларусь формально основание имеется, однако решение об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК будет неправильным в связи с необходимостью установления факта преступного деяния, виновности лица, а также наличия основания для освобождения от уголовной ответственности [2, с. 33].

Таким образом, практику освобождения от уголовной ответственности по п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК путем отказа в возбуждении уголовного дела следует признать формально соответствующей уголовно-процессуальному законодательству, однако, в силу вышеизложенного, весьма сомнительной. Ведь, прежде чем решать вопрос об освобождении от уголовной ответственности, необходимо доказать вину субъекта, а уже потом решать вопрос об индивидуализации ответственности.

Одним из вариантов решения данной проблемы могло бы стать изъятие рассматриваемой нормы из ст. 29 УПК и включение ее в ст. 30 УПК [3, с. 76].

К числу проблемных при реализации на практике относится также вопрос освобождения на стадии предварительного расследования от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет. Сложилась ситуация, когда в большинстве своем несовершеннолетние лица освобождаются от уголовной ответственности только на основании ст. 118 УК (п. 6 ч. 1 ст. 30 УПК) с передачей их под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих. Такой подход свидетельствует об отсутствии системности в уяснении норм действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, ставит несовершеннолетних по вопросу освобождения от уголовной ответственности в худшие условия по сравнению со взрослыми обвиняемыми, не позволяя при этом расширить сферу использования института освобождения от уголовной ответственности на стадии предварительного расследования. Между тем, сплошь и рядом подчеркивается, что несовершеннолетние являются наиболее значимой для будущего любого государства, но и более социально уязвимой группой, в связи с чем требуется система дополнительных юридических гарантий их прав и законных интересов [4, с. 250]; с учетом присущих несовершеннолетним психических и социально-психологических особенностей и ограниченных в связи с этим возможностей им устанавливаются дополнительные процессуальные гарантии и т. п. [5, с. 1009]. Нельзя также игнорировать то, что обязательным условием передачи несовершеннолетнего, совершившего преступление, под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, является внесение последними залога, минимальный и максимальный размеры которого, особенно в отношении менее тяжких преступлений, существенно больше (ч. 2 ст. 118 УК), чем минимальный и максимальный размеры штрафа, применяемого при освобождении от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности (п. 1 ч. 2 ст. 86 УК). Несмотря на различную правовую природу штрафа и залога, внести последний для отдельных категорий родителей или лиц, их заменяющих, представляется не всегда возможным. Следует констатировать, что ни УК, ни УПК не содержат препятствий для освобождения на стадии предварительного расследования от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет, по основаниям, предусмотренным ст. 86, 88, 88-1, 89 УК (соответственно п. 1, 3 ч. 1, ч. 2, п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК). В связи с этим считаем неправильной практику, выражающуюся в освобождении несовершеннолетних

лиц от уголовной ответственности только на основании ст. 118 УК (п. 6 ч. 1 ст. 30 УПК).

Кроме этого, из содержания ст. 118 УК вытекает, что освобождение от уголовной ответственности с передачей под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, может иметь место лишь в том случае, когда к моменту окончания производства по делу лицо не достигло совершеннолетия. В противном случае освобождение от уголовной ответственности при наличии к тому оснований может иметь место по иной статье УК. При этом полагаем, что в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет и достигших совершеннолетнего возраста на момент окончания производства по уголовному делу, ст. 86 УК должна применяться без учета ограничений, установленных ст. 4.6 «Ответственность несовершеннолетних» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Список цитированных источников

1. Панкратов, Д. Е. О сущности оснований для отказа в возбуждении уголовного дела / Д. Е. Панкратов // Рос. следователь. – 2008. – № 15. – С. 13–15.
2. Солтанович, А. Прокурорский надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела / А. Солтанович // Законность и правопорядок. – 2014. – № 2. – С. 29–33.
3. Прокурорский надзор за исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и на досудебных стадиях уголовного процесса / Генер. прокуратура Респ. Беларусь, Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; Н. А. Богданович [и др.] ; отв. за выпуск И. Г. Севрук, А. В. Солтанович. – Минск, 2019. – Вып. 5 : в 2 ч. – Ч. 2 : Прокурорский надзор за исполнением законодательства на досудебных стадиях уголовного процесса : руководство для прокуроров. – 208 с. – (Серия «Методика прокурорского надзора»).
4. Уголовный процесс. Особенная часть : учеб. пособие : в 2 т. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2017. – Т. 2 : Судебное производство. Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел / Л. Г. Букато [и др.] ; под общ. ред. Л. И. Кукреш. – 433 с.
5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ

Сосновский Александр Алексеевич

*заместитель начальника учреждения образования «Институт повышения
квалификации и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент*

Мамчиц Виталий Николаевич

Республика Беларусь уже на протяжении длительного времени входит в число лидеров по количеству заключенных, что негативно сказывается на имидже нашей страны на международной арене.

Справочно. В соответствии с отчетом Международного центра тюремных исследований на 2020 г. Беларусь расположилась на 27 месте среди 223 стран по числу «арестантов» на 100 тыс. населения (в 2016 г. – 12, 2019 г. – 25). Впереди по большей части островные государства, а из постсоветских – только Россия и Туркменистан. Для сравнения, Азербайджан на 54 месте, Литва – 65, Польша – 84, Латвия – 89, Казахстан – 100, Украина – 105.

Следует признать, что наказание в виде лишения свободы позволяет изолировать от общества наиболее опасных преступников, сдерживать граждан от совершения правонарушений, а также выступает одним из инструментов восстановления социальной справедливости.

В то же время продолжительное нахождение осужденных в изоляции способствует их приобщению к криминальной субкультуре, формированию иждивенческого образа жизни, разрывает социальные связи. Тем самым наказание не только не выполняет функцию по исправлению «оступившихся», но и оказывает отрицательное воздействие на их поведение в будущем.

В качестве эффективных инструментов ресоциализации лиц, осужденных к лишению свободы и снижению их количества, выступают условно-досрочное освобождение от наказания и замена неотбытой части наказания на более мягкое (далее – УДО и ЗНБМ).

Однако изучение статистических данных свидетельствует о том, что в последние годы число принятых судами решений о применении УДО или ЗНБМ значительно сократилось.

Справочно. Так, в 2019 г. в сравнении с 2011 г. количество решений о применении институтов освобождения от наказания снизилось практически в четыре раза: с 4,56 тыс. до 1,19 тыс.

Сложившаяся ситуация во многом обусловлена правоприменительной практикой и субъективным подходом администраций исправительных учреждений при оценке соблюдения осужденными условий применения институтов досрочного освобождения.

В частности, осужденный считается доказавшим свое исправление либо твердо ставшим на путь исправления (обязательное условие при применении УДО либо ЗНБМ), если принял все зависящие от него меры по возмещению причиненного преступлением ущерба. Однако, помимо того, что полноту этих мер определяют администрации исправительных учреждений, выполнение этого требования осужденными в условиях изоляции зачастую представляется весьма затруднительным.

Справочно. Среднемесячная заработная плата осужденных к лишению свободы в 2017 г. составляла 55,1 руб., в 2018 г. – 77,6, в 2019 г. – 94,2.

В итоге вопрос о представлении осужденного к УДО либо ЗНБМ отдан фактически на откуп администрации, которая самостоятельно решает, готовить ли соответствующие материалы в суд. Суды по таким материалам принимают, как правило, положительные вердикты, а по сути лишь придают юридическую

силу уже принятым администрациями исправительных учреждений решениям, что является не вполне справедливым и объективным.

В этой связи специалистами предлагается корректировка механизма применения институтов досрочно освобождения от наказания путем внедрения так называемого заявительного принципа (действует в России с 2003 г.).

Суть идеи в следующем: не администрация решает вопрос о представлении (непредставлении) осужденного к УДО либо ЗНБМ, а он сам подает заявление в суд. Администрация в таком случае будет обязана к судебному рассмотрению подготовить материалы на УДО или ЗНБМ либо обосновать отказ. В свою очередь и осужденный имеет возможность обосновать свою позицию, представить аргументы либо контраргументы на мнение администрации. Таким образом соблюдается важный принцип состязательности процесса и судом принимается объективное и взвешенное решение на основе оценки доводов всех сторон. При этом функционально деятельность судей практически не изменится: предмет разбирательства такой же, корректируются лишь основания начала процесса.

Следует отметить, что предлагаемая идея действительно может увеличить нагрузку на судей. Однако, на фоне устойчивой тенденции снижения уровня преступности и количества направляемых в суд уголовных дел, а также простоты рассматриваемых материалов о применении УДО либо ЗНБМ, увеличение работы представляется приемлемым. Помимо этого, в век развития информационных технологий и цифровизации, многие процессы возможно проводить дистанционно, экономя время и ресурсы.

Также более активное применение УДО и ЗНБМ целесообразно и с экономической точки зрения.

Справочно. В 2019 г. бюджетные расходы на содержание осужденных (питание, коммунальные услуги, вещевое довольствие и предметы личной гигиены) к лишению свободы составили 36 млн. рублей. При этом уровень их возмещения самими осужденными в исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих лишение свободы, составил 10,2 %, ранее отбывавших такое наказание – 18,8 %. Для сравнения, в колониях-поселениях уровень возмещения – 90,9 %.

Следует, помимо прочего, отметить и положительный опыт более раннего запуска механизма социальной адаптации осужденных.

Кроме того, возможность прямого обращения в суд позволит снизить коррупционные риски в действиях должностных лиц исправительных учреждений при рассмотрении вопросов досрочного освобождения от наказания.

Таким образом, внедрение заявительного принципа при применении УДО или ЗНБМ будет способствовать не только повышению объективности, но и иметь значимый социальный и экономический эффект.

ЦЕЛИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Телятицкая Татьяна Валерьевна

*заведующий кафедрой международного экономического права
учреждения образования «Белорусский государственный экономический
университет», кандидат юридических наук, доцент*

В соответствии с поручением Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2019 г. была поставлена задача принципиально пересмотреть законодательство об административной ответственности, исключив карательный уклон и усилив его профилактическую направленность. В целом, такая работа была проведена. Однако вряд ли можно с уверенностью сказать, что поставленные задачи были достигнуты в полном объеме, поскольку в новом административно-деликтном законодательстве большей частью была проведена корректировка отдельных норм, без выработки основополагающих целей административной ответственности.

В то же время, как справедливо отмечает выдающийся белорусский ученый-криминолог В. М. Хомич, «на рубеже XX и XXI веков (эпоха бурных социальных и технологических трансформаций, экономической и социальной нестабильности, развращающее обогащение меньшинства и деградирующее обнищание большинства) существенно обострились старые и появились новые факторы социально-экономического и социокультурного характера, имеющие самое непосредственное отношение к воспроизводству современной преступности» [1, с. 71]. Соответственно появились новые цели и административной ответственности, поскольку «цели в праве не возникают спонтанно, они обусловлены общественными процессами, ввиду социальной самого права. В социуме существует необходимость охраны общественных отношений, их регулирования, совершенствования, искоренения или уменьшения удельного веса отклоняющегося поведения» [2, с. 20].

Как известно, государственное управление – это не только деятельность специально уполномоченных субъектов (органов государственного управления и иных субъектов, наделенных государственными управленческими полномочиями), но и деятельность по упорядочению управляемой системы, основанная на применении собственных методов для достижения целей данной системы [3, с. 10], то есть это целенаправленная деятельность.

Следует согласиться с мнением А. Н. Крамника, который отмечал, что «в самом общем виде административная ответственность преследует социальную цель: свести до минимума совершение административных правонарушений, добиться такого положения, чтобы ими не дезорганизовывалась работа людей, организаций, не подвергалась опасности жизнь человека, его здоровье, была благополучная окружающая природная среда и т. д.» [4, с. 281]. Соответственно ошибочное определение целей и отступление от них могут снизить или вообще затормозить темпы развития, повлечь большие социальные потери.

Как позитивный фактор следует отметить то, что если в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП) 2003 г. говорится о целях административных взысканий, то уже в проекте нового КоАП (на момент написания данной статьи новый КоАП еще не принят) – уже о целях административной ответственности, хотя сами цели существенных изменений не претерпели.

В соответствии со ст. 6.1 КоАП 2003 г. административное взыскание, налагаемое на физическое лицо, применяется в целях воспитания физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждения совершения новых правонарушений как самим физическим лицом, совершившим такое правонарушение, так и другими физическими лицами. А административное взыскание, налагаемое на юридическое лицо, применяется в целях предупреждения совершения новых административных правонарушений.

Статья 4.1 проекта нового КоАП закрепляет, что административная ответственность имеет своей целью воспитание физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждение совершения новых правонарушений как лицом, его совершившим, так и другими физическими или юридическими лицами.

Можно заметить, что административная ответственность, как и в целом юридическая ответственность, преследует частную и общую превенцию правонарушений.

В соответствии с ч. 8 ст. 4.2 КоАП 2003 г. физическому лицу, совершившему административное правонарушение, должно быть назначено административное взыскание, необходимое и достаточное для его воспитания. Административное взыскание не имеет своей целью унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему физических страданий (для сравнения ч. 1 ст. 1.5 проекта нового КоАП: Наложение административного взыскания на физическое лицо, совершившее административное правонарушение, не имеет своей целью унижение его человеческого достоинства, причинение ему физических или нравственных страданий). При этом согласно ч. 9 этой же статьи административное взыскание, налагаемое на юридическое лицо и индивидуального предпринимателя, не имеет целью причинение вреда их деловой репутации (для сравнения ч. 5 ст. 1.4 проекта нового КоАП: Административное взыскание, налагаемое на юридическое лицо и индивидуального предпринимателя, не имеет своей целью приведение к экономической несостоятельности (банкротству), причинение вреда их деловой репутации). Не возражая в целом против данных формулировок, отметим, однако, что в любом случае «обычно в цивилизованных странах уровень деловой репутации умалается, если субъект является правонарушителем» [5, с. 129].

В самом широком смысле цель административной ответственности состоит в предупреждении совершения противоправных деяний. Фактически

речь идет о «формировании правосознания граждан и всего общества, при котором соблюдение правовых предписаний становится нормальным желаемым поведением, а правонарушение осуждается» [6, с. 93]. Именно о таком отношении к праву говорил Г. Ф. Шершеневич еще в 1897 г. [7].

Таким образом, законодательство об административной ответственности призвано защищать важные социальные ценности посредством угрозы наложения взыскания, которое применяется в целях предупреждения посягательства на эти самые ценности. Но, в таком случае, административные взыскания должны быть такими и применяться таким образом, чтобы защищаемые ценности сохранялись в своем первоначальном виде. Но возможно ли это? Полагаем, что нет.

Прав С. М. Зырянов, говоря о том, что «целеполагание только тогда реализует свое руководящее предназначение, когда оно не просто будет продекларировано, но когда оно будет красной нитью проходить через все положения законодательства об административных правонарушениях, включая его процессуальную часть, в том числе положения, регулирующие порядок исполнения административных наказаний» [6, с. 93]. На цели и задачи административно-деликтного законодательства должны ориентироваться абсолютно все, включая правоприменителей. То есть нормы КоАП должны применяться исключительно в указанных целях. Этого, к сожалению, не наблюдается. Более того, разработчики нового КоАП, вопреки фундаментальным правовым основам, разграничивающим сферы регулирования гражданского, уголовного и административного права, говорят о функции праввосстановления, возмещения вреда, причиненного правонарушением (гражданско-правовая ответственность) (ч. 4 ст. 4.1) или восстановления социальной справедливости (уголовная ответственность) (ч. 3 ст. 4.1).

Особую озабоченность вызывает приобретающая огромные масштабы монетизация административной ответственности. Штрафы сейчас предусмотрены практически за все административные правонарушения. Более того, они рассматриваются как источник пополнения республиканского бюджета и прямо планируются там в «доходной части». Вследствие такого подхода на первый план выходит задача умножения административной деликтности, поскольку чем больше будет наложено штрафов, тем больше денег поступит в государственную казну. Это извращает саму суть юридической ответственности, искажает правосознание как всего общества, так и профессиональное правосознание, и, безусловно, никоим образом не служит целям административной ответственности, обозначенным в законодательстве.

Для устранения этой порочной практики можно позаимствовать опыт Казахстана. В соответствии с КоАП Казахстана от 5 июля 2014 г. правоприменитель обязан наложить предупреждение во всех случаях, когда в составе административного правонарушения отсутствуют отягчающие обстоятельства. По нашему мнению, такой подход в полной мере соответствует провозглашенным целям административной ответственности, поскольку

направлен именно на воспитание граждан, на предупреждение совершения новых административных правонарушений.

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. Уголовный закон и обеспечение верховенства права в противодействии преступности / В. М. Хомич // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе. – 2020. – № 9. – С. 71–81.
2. Липинский, Д. А. Цели и функции административных наказаний / Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина // Административное право и практика администрирования. – 2017. – № 2. – С. 20–37.
3. Чуприс, О. И. Административно-правовое принуждение в государственном управлении Республики Беларусь : монография / О. И. Чуприс [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2018. – 384 с.
4. Крамник, А. Н. Административное право : учеб. пособие / А. Н. Крамник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Изд. Центр БГУ. – Ч. 2 : Административно-деликтное право. – 2009. – 379 с.
5. Василевич, С. Г. Актуальные проблемы административно-деликтного права на современном этапе / С. Г. Василевич. – Минск : БГУ, 2017. – 279 с.
6. Зырянов, С. М. Цели административной ответственности / С. М. Зырянов // Актуальные проблемы и перспективы административного и административно-процессуального права : сб. ст. – М. : РГУП, 2020. – 348 с.
7. Шершеневич, Г. Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. [Электронный ресурс] / Г. Ф. Шершеневич ; вводные замечания Ю. Н. Старилова. – Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2018. – 36 с. – Режим доступа: <http://www.law.vsu.ru/library/pdf/shershenevich.pdf>. – Дата доступа: 15.11.2020.

ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Ткачева Дина Владимировна

*аспирант учреждения образования «Белорусский государственный
экономический университет»*

Проблемой незаконного пересечения Государственной границы занимались такие ученые как А. Н. Крамник, А. Ю. Чернолевский, А. В. Шидловский, А. А. Смян и другие ученые. Однако у перечисленных ученых вопросы незаконного пересечения Государственной границы отражены не всесторонне и не в полном объеме. В 2018 г. было издано комплексное и системное исследование под редакцией Н. Н. Борейко, В. В. Тропина, И. И. Лузгина «Уголовно-процессуальные основы деятельности органов пограничной службы. Порядок производства по материалам, уголовным делам и делам об административных правонарушениях, связанным с незаконным пересечением Государственной границы».

Ежедневно органы пограничной службы Республики Беларусь в пределах своей компетенции выполняют определенные задачи, такие как предупреждение, выявление и пресечение нарушений Государственной

границы. Тем самым пограничные войска Республики Беларусь обеспечивают охрану Государственной границы и пограничную безопасность. Пограничная безопасность является частью национальной безопасности страны. Сотрудники органов пограничной службы осуществляют административную и уголовную деятельность, тем самым активно противодействуя незаконному пересечению Государственной границы Республики Беларусь. Административная и уголовная деятельность осуществляются на основе строгого соблюдения действующего законодательства. Это позволяет противостоять угрозам пограничной безопасности.

В настоящее время законодательством Республики Беларусь за незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь предусмотрена административная ответственность по ст. 23.29 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Следует отметить, что для незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь используются механические транспортные средства, судна внутреннего плавания (самоходного), судна смешанного (река–море) плавания (самоходного), маломерные моторные судна, судна с подвесным двигателем, гидроциклы, воздушные судна с двигателем. Ответственность, предусмотренная ст. 23.29 КоАП, наступает за умышленное незаконное пересечение Государственной границы. Данное деяние не влечет уголовной ответственности. В свою очередь влечет предупреждение с депортацией. А также возможно наложение штрафа в размере от десяти до ста базовых величин с депортацией или без депортации. Согласно ст. 6.11 КоАП Республики Беларусь депортация – это административное выдворение за пределы Республики Беларусь, которое применяется в отношении иностранного гражданина и лица без гражданства [1].

Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь, а также возмещение расходов, связанных с их депортацией, регулируются нормативно-правовым актом. Иностранец или лицо без гражданства, в отношении которых вынесено постановление о депортации, может обратиться с заявлением в суд. Орган, вынесший данное постановление может предоставить ему право добровольно и за счет собственных средств покинуть пределы Республики Беларусь.

В соответствии с постановлением о депортации иностранец может быть депортирован в одно из следующих государств:

- государство гражданской принадлежности;
- государство обычного места жительства;
- государство, с территории которого он прибыл в Республику Беларусь;
- государство, изъявившее желание его принять;
- государство, ходатайствующее о его выдаче;
- государство, с которым Республика Беларусь заключила соглашение

о реадмиссии. Рeadмиссия – это соглашение о приеме и возврате незаконных мигрантов, выявленных на территории сопредельных государств.

Иностранному гражданину, в случае его депортации въезд в Республику Беларусь может быть запрещен на срок от одного года до пяти лет. Срок запрета

выезда в Республику Беларусь устанавливается с учетом определенных обстоятельств, которые явились основанием для принятия решения о депортации.

Сотрудники органов пограничной службы, которые исполняют постановление о депортации, конвоируют депортируемого гражданина. В постановлении о депортации проставляется отметка (печать) о выезде депортируемого иностранного гражданина за пределы Республики Беларусь, либо уполномоченное должностное лицо органов пограничной службы вносит запись об исполнении постановления о депортации.

Необходимо указать, что за совершенное в течение года после наложения административного взыскания умышленное незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность по ст. 371 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), даже если незаконное пересечение Государственной границы было совершено иным способом.

Объектом преступления является установленный порядок пересечения Государственной границы. Объективную сторону преступления составляет действие незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь. Незаконное пересечение Государственной границы – это перемещение через Государственную границу Республики Беларусь любым способом (по суше, воде, по воздуху) с территории Республики Беларусь, так и на ее территорию с нарушением действующего законодательства. Основными нарушениями Государственной границы являются факты незаконного пересечения: пересечение границы вне установленных мест ее пересечения (вне пункта пропуска), пересечение границы без прохождения пограничного контроля, предъявление для прохождения паспортного контроля заведомо подложных документов, уклонение от проверки документов, находясь в пункте пропуска, пытаясь обойти проходимость паспортного контроля.

По конструкции объективной стороны состав преступления формальный. Преступление считается оконченным с момента незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом, так как виновный осознает, что незаконно пересекает Государственную границу Республики Беларусь. Субъект преступления общий, ответственность наступает с 16 лет при пересечении Государственной границы Республики Беларусь с использованием транспортного средства. Субъект преступления специальный – это лицо, которое ранее подвергалось административной ответственности за такое же нарушение. Согласно примечанию к ст. 371 УК действие данной статьи не распространяется на случаи прибытия в Республику Беларусь с нарушением правил пересечения Государственной границы Республики Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца или убежища в Республике Беларусь в соответствии с действующим законодательством [2]. Часть 2 ст. 371 УК предусматривает повышенную

ответственность за незаконное пересечение Государственной границы. Особо квалифицированный состав предусмотрен ч. 3 ст. 371 УК – умышленное незаконное пересечение Государственной границы, совершенное организованной группой.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е. А. Авраменко [и др.] ; под ред. В. А. Кашевского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 734 с.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
С ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЕМ: ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Топорикова Ольга Олеговна

начальник отдела государственного учреждения

*«Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»*

Склонение несовершеннолетнего к изготовлению порнографических материалов с его изображением в условиях всеобщей цифровизации и социального дистанцирования стало одним из наиболее распространенных способов получения «детской порнографии». Онлайн общение позволяет растлить ребенка и получить от него искомое без особых усилий, при этом преступник может находиться в любом месте и одновременно совершать противоправные деяния в отношении одновременно нескольких детей.

В этой связи обоснованным является вопрос: насколько Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) позволяет пресекать подобные посягательства на несовершеннолетнего.

Международные подходы по защите детей от сексуальной эксплуатации действия в виде вовлечения, склонения, вербовки несовершеннолетних для изготовления порнографии и иные формы вовлечения несовершеннолетних для реализации указанных целей относят к числу преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией, т. е. посягающих на нравственность, половую неприкосновенность, нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетних.

В частности, Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 г. (принята в г. Лансароте) к числу преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией, относит преступления, касающиеся детской порнографии, совращение детей,

и домогательство детей с сексуальными целями. В Рамочном решении Совета Европейского союза от 22 декабря 2003 г. по борьбе с сексуальной эксплуатацией и детской порнографией 2004/68 JHA к *преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией*, относятся: принуждение ребенка к проституции или участию в порнографических представлениях, иное получение прибыли от использования ребенка для указанных целей; вербовка ребенка для проституции или для участия в порнографических представлениях.

В зарубежных странах в основном привлечение к ответственности за склонение детей к изготовлению своих порнографических изображений осуществляется в рамках составов, устанавливающих ответственность за груминг, который рассматривается как сексуальное преступление против несовершеннолетних.

Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 451-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции» было декриминализовано деяние в виде вовлечения лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, заведомо несовершеннолетнего в совершение действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера (ст. 173 УК). Указанное деяние относилось к числу преступлений против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних, соответственно объектом преступления являлись общественные отношения, охраняющие нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетних, и являлось менее тяжким преступлением, поскольку максимальное наказание по санкции предполагалось в виде лишения свободы на срок до трех лет. Одновременно, данным Законом была введена ст. 343-1 УК, в ч. 2 и 3 которой устанавливалась ответственность за использование несовершеннолетнего (малолетнего) для изготовления порнографических материалов, печатных изданий, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера с его изображением. Введенные составы относились к категории тяжких и особо преступлений и предусматривали наказание в виде лишения свободы на срок до восьми и до тринадцати лет соответственно.

Очевидно, что внося указанные правки, законодатель предполагал, что действия в виде вовлечения (склонения) несовершеннолетнего (малолетнего) в изготовление порнографических материалов с его изображением охватываются вводимым термином «использование».

Вместе с тем, как показала уже более десятилетняя практика, термин «использование» получил неоднозначное понимание правоохранительными органами. В том числе при квалификации деяния в ряде случаев у правоприменителей возникают сомнения в части понимания действий в виде вовлечения (склонения) несовершеннолетнего для изготовления порнографических материалов с его изображением как использования его для изготовления таких материалов.

Объективная сторона преступления должна максимально четко и однозначно раскрывать содержательные признаки противоправного деяния, в этой связи полагаем, что вопрос о соотношении терминов «вовлечение», «склонение» и «использование» требует своего разрешения, поскольку они до сих пор не имеют единого толкования ни в теории уголовного права, ни в судебной практике.

Так, в справочной литературе указывается, что слово «вовлекать» имеет значение втягивать, втаскивать, вводить силою, принуждать ко входу, заманивать, запутывать, заставить принять участие. При этом склонение рассматривается как одна из форм вовлечения, представляющая собой психологическое воздействие. Слово «склонять» в справочной литературе имеет значения: убедить, уговорить, согласить. В свою очередь под «использованием» понимается: «пользоваться чем-либо (кем-либо) в своих интересах; извлекать выгоду из чего-либо». Таким образом уже на этапе этимологического анализа слов, применяемых для определения признаков объективной стороны, очевидно, что они не являются синонимичными и схожими по своему содержанию и, соответственно, не могут рассматриваться как единые и тождественные деяния.

В целях создания криминологической картины преступления полагаем, что склонение можно рассматривать как первоначальный (подготовительный) этап противоправной деятельности взрослого лица, который только предлагает или иным способом пытается заманить подростка совершить ряд действий, но когда несовершеннолетний даже еще не пытался совершать эти действия. Предлагается квалифицировать такие действия виновного как склонение. В таком случае склонение будет считаться оконченным с момента совершения взрослым лицом любых умышленных действий, направленных на возбуждение желания у несовершеннолетнего изготовить свои порнографические изображения. Вовлечение является следующим этапом преступной деятельности, когда взрослое лицо пытается именно привлечь или заставить любым способом несовершеннолетнего совершать указанные действия. Оно будет квалифицироваться как оконченное в том случае, если несовершеннолетний изготовил свои порнографические изображения. При таком подходе использование представляет собой фактически завершающий этап преступной деятельности.

Преломляя содержательные характеристики для определения сути объективной стороны деяния, можно сделать следующие выводы:

под вовлечением несовершеннолетнего в изготовление порнографических материалов следует понимать умышленные действия лица, направленные на фактическое совершение вовлекаемым лицом таких действий, а под склонением – умышленные действия лица, направленные на возбуждение желания совершить указанные действия;

под использованием несовершеннолетнего для изготовления порнографических материалов с его изображением следует понимать умышленные действия лица, направленные на получение выгоды от совершения несовершеннолетним указанных действий. При этом полагаем целесообразным

исходить из широкой трактовки слова «выгода» как моральной или материальной прибыли.

Примененный подход, на наш взгляд, одновременно позволяет однозначно определить сферу охраняемых отношений, выступающих объектом преступления. Так, при совершении действий по вовлечению или склонению несовершеннолетнего к изготовлению порнографии осуществляется воздействие на нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних, а при использовании несовершеннолетнего для изготовления порнографических материалов с его изображением имеет место сексуальная эксплуатация несовершеннолетнего.

Таким образом, можно прийти к выводу, что «склонение» и «вовлечение» несовершеннолетнего в изготовление порнографических материалов с его изображением следует рассматривать как самостоятельные термины, дополняющие друг друга, не являющиеся составляющей термина «использование».

К ПРОБЛЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Трипузова Антонина Антоновна

*старший научный сотрудник Научно-исследовательского института
теории и практики государственного управления
Академии управления при Президенте Республики Беларусь*

Важную роль в осуществлении охранительной и социально-экономической функций Конституции Республики Беларусь выполняют гарантирующие нормы и запреты в сфере противодействия монополистической деятельности, которые, в свою очередь, формируют основы национальной конкурентоспособности страны, способствуют защите интересов потребителей.

Эффективная система антимонопольного регулирования предполагает наличие необходимых инструментов воздействия на недобросовестных субъектов конкурентных отношений. Одним из таких инструментов выступают уголовно-правовые антимонопольные запреты. Однако на практике возникает ряд вопросов, связанных с квалификацией и применением ответственности к нарушителям антимонопольного законодательства.

Охрана прав и свобод человека, собственности, прав юридических лиц, общественных и государственных интересов от преступных посягательств признается Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК) одной из его основных задач (ст. 2).

Проблема уголовно-правового обеспечения конституционно-правовых норм о противодействии монополистической деятельности приобретает особую актуальность в новых социально-политических реалиях, условиях пандемии

коронавируса и нестабильности экономических систем. Обязательным фактором защиты внутреннего рынка и прав потребителей, обеспечения равных конкурентных условий хозяйствования, особенно для среднего и малого бизнеса, сохранения устойчивости системы страны становится эффективная реализация конституционно-правовых гарантий, ограничений и запретов в сфере защиты и развития конкуренции.

Конституцией Республики Беларусь закреплены нормы о том, что права, свободы и гарантии их реализации и обеспечения являются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2 и 21). Основной Закон нашей страны гарантирует право собственности, равенство различных ее форм, свободу предпринимательства, защиту экономических и иных прав и свобод, а также допускает (на уровне закона) их ограничения и запреты в интересах национальной безопасности, прав и свобод других лиц (ст. 13, 23, 44).

Тем самым Конституция заложила правовые основы для запрета монополистической деятельности, получившие дальнейшее развитие в Законе Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон) и его новой редакции от 8 января 2018 г.

Проверяя конституционность положений Закона и анализируя содержание приведенных конституционных норм, Конституционный Суд Республики Беларусь отметил, что законодатель при осуществлении правового регулирования экономических отношений должен исходить из обязанности государства поддерживать конкуренцию, противодействовать ее ограничению и устранению со стороны государственных органов, иных организаций, предупреждать и пресекать монополистическую деятельность [1].

Запрещается монополистическая деятельность в трех формах: злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением; ограничивающие конкуренцию соглашения, согласованные действия хозяйствующих субъектов; аналогичные действия и ограничивающие конкуренцию акты, бездействие государственных органов (ст. 18, 20, 21, 23 Закона). Ключевой целью противодействия монополистической деятельности является предупреждение и пресечение ограничения конкуренции.

Запрет на использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление своим доминирующим положением на рынке установлен также ст. 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК).

За нарушение рассматриваемого запрета предусмотрена гражданско-правовая ответственность в форме возмещения убытков (ст. 14, 15 ГК), административная – за нарушение антимонопольного законодательства (ст. 11.24 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП)), за монополистическую деятельность (ст. 11.25 КоАП) и недобросовестную конкуренцию (ст. 11.26 КоАП). Юридическая ответственность реализуется также через специальные антимонопольные

институты, например, решение, предупреждение и предписание антимонопольного органа (ст. 43–45 Закона).

Однако многие зарубежные и российские исследователи, анализируя мировую практику, утверждают, что позитивное антимонопольное законодательство и применение административной ответственности неспособно эффективно противостоять всем негативным проявлениям монополистической деятельности [2; 3; 4]. Поэтому уголовно-правовой запрет занимает особое место в системе правового регулирования отношений в сфере конкуренции, являясь их необходимым регулятором и средством обеспечения.

При этом в настоящее время в УК Республики Беларусь сохранилась лишь одна специальная норма, направленная на противодействие монополистической деятельности и охрану отношений конкуренции, – ст. 245 УК «Установление или поддержание монопольных цен».

В 2018–2019 гг. «на волне экономической либерализации», по причине отсутствия практического применения, в два подхода – Законами от 17 июля 2018 г. № 131-З и от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь», декриминализирован ряд составов преступлений, предусматривающих ответственность за нарушение антимонопольного законодательства (ст. 244 УК), ограничение конкуренции (ст. 247 УК), незаконное использование и дискредитацию деловой репутации конкурента (ст. 248–249 УК).

Это решение представляется поспешным, не учитывающим превентивную роль данных норм. К тому же ст. 245 УК также не имеет практической реализации, однако оставлена законодателем без изменений.

В рамках предметного поля публикации подробнее остановимся на ст. 247 УК. Полагаем, что ее неприменимость на практике, а равно ст. 245 УК, обусловлена рядом взаимосвязанных проблем и причин, в числе которых:

несоотнесимость норм – «асимметрия» антимонопольных запретов (их системы и содержания), сформулированных в редакции Закона от 12 декабря 2013 г., и корреспондирующих административных и уголовно-правовых запретов;

необеспечение должного взаимодействия между правоохранительными и антимонопольными органами, в том числе посредством обмена информацией.

При этом как действующая ст. 247 УК, так и декриминализированные составы преступлений предусматривали уголовную ответственность лишь за отдельные проявления монополизма. Законодатель оставил за пределами уголовно-правового воздействия широкий перечень антиконкурентных деяний.

Безусловно, это не исключает квалификацию таких деяний по другим нормам, например, по ст. 424 УК за злоупотребление служебными полномочиями. Однако очевидно и то, что общие уголовные нормы не учитывают в полной мере специфику антимонопольных нарушений, что негативно влияет на эффективность механизма уголовного преследования.

Наглядным примером такой ситуации является оставшийся за рамками уголовной ответственности, в том числе в силу отсутствия специальной нормы,

факт соглашения, ограничивающий конкуренцию и явно представляющий серьезную общественную опасность. Так, решением МАРТ от 29 июня 2018 г. установлено наличие договоренности между должностным лицом заказчика – ОАО «Витебский комбинат хлебопродуктов» и участником закупок за счет собственных средств – ИП Лазовским С. М. об устранении конкуренции со стороны других участников биржевых торгов [5].

В связи с изложенным законодательное разрешение проблемы дефекта специальных норм необходимо решать не путем их декриминализации, а на уровне комплексного подхода к совершенствованию конструкций уголовно-правовых норм с учетом системы и содержания антимонопольных запретов.

В большинстве стран с высоким уровнем экономического развития конкурентные отношения охраняются государством на уровне уголовного закона, поскольку считается, что посягательства на конкуренцию подрывают саму суть рыночной экономики. Например, уголовная ответственность за монополистические действия установлена в США, Германии, Франции [3].

Среди стран – участниц Договора ЕАЭС, прямо закрепивших в Основном Законе в качестве конституционной ценности поддержку конкуренции и запрет монополистической деятельности, отметим Россию (ст. 178 УК) и Казахстан (ст. 221 УК), где предусмотрена уголовная ответственность за заключение картеля, а в Казахстане – и за другие виды монополистической деятельности. Несмотря на единичные случаи осуждения по ст. 178 УК РФ, российский законодатель не исключил этот состав преступления. Антимонопольный орган предложил преодолеть сложности правоприменения путем совершенствования нормы не только в части заключения картелей, но и расширения сферы ее действия на другие антимонопольные запреты. Данный законопроект стал предметом активной дискуссии среди практиков и ученых [2; 4].

Помимо зарубежного опыта, в пользу криминализации монополистической деятельности как вынужденной, но наиболее эффективной в настоящих условиях меры, направленной на обеспечение экономической безопасности государства, приведем следующие аргументы:

высокая степень ее общественной опасности, представляющей угрозу конкуренции, конституционным правам и правоохраняемым интересам физических и юридических лиц;

способность причинить существенный вред государству и обществу;

значительная доля в ней коррупционной составляющей, особенно в случаях картельных соглашений или сговоров на торгах, в сфере закупок;

отсутствие единообразного подхода к криминализации антимонопольных преступлений в государствах – участниках Таможенного союза и ЕАЭС, что не согласуется с идеей их учреждения: создание равных экономических возможностей на общем экономическом и правовом пространстве.

Не видится веским аргументом против такого предложения небольшое количество зарегистрированных антиконкурентных нарушений, учитывая признаваемую мировым сообществом высокую степень их латентности и несовершенство существующего механизма их выявления.

Изложенное позволяет сделать вывод о перспективности дальнейшей научной дискуссии о криминализации антимонопольных запретов, в том числе в плоскости конкретной конструкции уголовной нормы (норм), отвечающей экономическим реалиям и обеспечивающей полноценную реализацию конституционных норм о противодействии монополистической деятельности.

Список использованных источников

1. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 28 дек. 2017 г., № Р-1117/2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Камалиева, Л. А. К вопросу о путях развития уголовно-правовых мер защиты конкуренции / Л. А. Камалиева, Ю. Г. Следь // Балтийский гуманитарный журн. – 2018. – № 7. – С. 359–361.

3. Акифьева, А. А. Ответственность за заключение картельных соглашений, связанная с лишением свободы: зарубежный опыт конкуренции / А. А. Акифьева, Е. И. Лысова // Закон. – 2019. – № 2. – С. 157–174.

4. Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства : проблемы теории и практики : монография / И. В. Башлаков-Николаев [и др.] ; отв. ред. С. В. Максимов, С. А. Пузыревский. – М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2016. – 144 с.

5. Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс] / М-во антимонопольного регулирования и торговли Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://mart.gov.by/>. – Дата доступа: 27.10.2020.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОСНОВАНИЕМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?

Хиллута Вадим Владимирович

*доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Гродненского государственного университета им. Я. Купалы,
кандидат юридических наук, доцент*

Классическая школа уголовного права своим появлением во многом обязана эпохе буржуазных революций XVIII века и развитием идей либерализма. Именно кардинальная смена парадигм во всех сферах общественной, политической, социальной жизни заставила многих изменить взгляд на природу уголовного права и переформатировать его фундаментальные понятия о преступлении и наказании. Если ранее уголовное право сливалось с частным правом, и преступление означало причинение вреда индивиду (за основу принималась во внимание внешняя сторона поступка, действие конкретного лица), то в эпоху буржуазных революций и формирования основ классической школы уголовного права (преступление – это нарушение порядка в государстве) первостепенное значение стали уделять внутренней стороне преступного деяния (иначе говоря, вине).

Стало понятным, что прежнее уголовное право было казуистичным и не ограниченным в толковании судами того, что такое преступление и какую

меру наказания следует применять. Все это тормозило экономическое и социально-политическое развитие устоев общества. Поэтому именно классическое (а не естественное) направление в уголовном праве породило известные принципы, которые уже давно стали аксиомами и которыми мы благополучно пользуемся по сей день: «нет преступления, без указания на то в законе», «государство не может наказывать человека за образ его мыслей», «нет аналогии уголовного закона», «не жестокость определяет наказание, а его неотвратимость» и т. д. Это в свою очередь сформировало в западной традиции права подход к определению преступления как исключительно противоправного (запрещенного) деяния. Если ранее преступление основывалось исключительно на общественно опасном поведении индивида, то уже в эпоху либерализма преступление стали связывать с запрещенностью деяния уголовным законом.

Однако в последующем возникла потребность обосновать суть самого преступления, раскрыть его структуру и характерные признаки. Собственно говоря, для этого и понадобилось использовать такое понятие как состав преступления (в сегодняшнем словоупотреблении и значении данной правовой категории). Впрочем, далеко не очевидно, что состав преступления раскрывает признаки самого это фундаментального понятия и является его структурой.

В настоящее время становится очевидным, что философская концепция свободы воли, реализованная в основах классической школы уголовного права, и зиждившаяся на идеях законности, равенства и справедливости теряет свои основы, потому что на передний план выдвигается идея гуманизации и либерализации уголовного права, методологического плюрализма, закрепленного в основах проводимой уголовно-правовой политики. В таком ракурсе нередко используется инструментальный подход, в результате чего уголовно-правовые институты подвергаются ревизии. Поэтому проблема понимания состава преступления стала основываться на различных критериях оценки постулатов уголовно-правовой доктрины и неиндифферентной информации о сущности данного явления.

Сегодня констатируется, что состав преступления является основанием уголовной ответственности. Это следует из самого уголовного закона и во многом считается общепризнанным фактом. Такой вывод вполне можно сделать, прибегнув к анализу ст. 8 Уголовного кодекса РФ, исходя из чего, преступление признается таковым не само по себе, а лишь через призму соответствующего состава преступления, и в этом, как отмечается в правовой литературе, кроется его уголовно-правовая сущность [1, с. 41–42; 2, с. 77]. Как некогда отмечал по этому поводу А. А. Пионтковский, «признание состава преступления единственным основанием уголовной ответственности означает, что лишь в пределах состава преступления можно различать объективные и субъективные основания уголовной ответственности» [3, с. 107]. Таким образом, по факту мы сегодня имеем двойное основание уголовной ответственности. Первое представляет собой *общественное опасное деяние* как факт объективной действительности, а второе выражает юридическое основание – *деяние*,

содержащее все признаки состава преступления, указанные в правовой норме как законодательном понятии [4].

Однако если состав преступления является основанием уголовной ответственности, то чем тогда является преступление? Подчеркнем, состав преступления – это идеальная модель, научная абстракция, но не факт. Фактом же является только преступление. Именно совершение преступления порождает наличие уголовно-правовых отношений и влечет наступление последствий – уголовной ответственности [5, с. 61; 6, с. 8]. Нередко ответ на данный вопрос криминалистами предлагается в той плоскости, что преступление характеризует социальную сущность уголовно-наказуемого деяния, а состав преступления раскрывает его юридическую структуру. Формула здесь очень проста: преступление – это реальное явление, а состав – юридическое понятие этого явления.

Тем не менее, в данном ракурсе состав преступления искусственно расчленяется на социальное содержание и его нормативную форму, где содержание и форма объявляются двумя основаниями уголовной ответственности. Однако социальное не может существовать вне своей юридической формы, поскольку оно получает отражение в самом праве (законе) [7, с. 44]. Если мы, допустим, уберем состав преступления (или заменим его на иную категорию), от этого суть преступления не изменится, и преступление останется таковым. А вот если убрать само преступление, то состав останется нежизнеспособной конструкцией, не имеющей под собой основания для привлечения лица к уголовной ответственности.

На наш взгляд, основанием уголовной ответственности является преступление, а не деяние (как реальный факт), содержащее признаки состава (абстрактный факт). Не может в данном случае факт лишь наполовину быть таковым, а наполовину – нет. Модель научной абстракции содержится в диспозиции уголовно-правовой нормы. Однако эта модель – неполная. Так как, говоря о составе запрещенного деяния, мы принимаем во внимание не только признаки, содержащиеся в диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы Особенной части Уголовного кодекса, но и в Общей части Уголовного кодекса (положения о субъекте, вменяемости, форме вины и т. д.). Потому что лишь некоторые из этих признаков включены в понятие преступления (вина, деяние), а остальные – нет. Возникает естественный вопрос: почему? Неужели все эти элементы состава преступления характеризуют, в том числе, и признаки самого преступления? Если еще с некоторой оговоркой это допустить можно, ведя речь о противоправности и общественной опасности, то применительно к вине, наказанию и самому деянию, как центральному признаку преступления, никак нельзя. Потому что не может вина характеризовать вину, а деяние – деяние, как признак объективной стороны состава преступления. Если это не так, тогда в понимание вины и деяния, как признаков преступления, следует вкладывать совсем иной смысл, нежели тот, который фигурирует при описании элементов и признаков состава преступления. Однако вряд ли допустима ситуация, когда одни и те же термины определяют различные по классу и содержанию явления.

Определяя преступление, законодатель, безусловно, описывает признаки конкретного преступления в диспозиции уголовно-правовой нормы. Но делает он это не по формуле «состав преступления», в смысле описания всех объективных и субъективных признаков конкретного противоправного деяния. Законодатель в уголовно-правовой норме Особенной части Уголовного кодекса вовсе не перечисляет и не указывает каждый раз на объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону состава преступления, а напротив, указывает лишь на наиболее значимые (главные) признаки конкретного противоправного деяния (и в большинстве случаев это признаки объективной стороны), которые будут характеризовать то или иное поведение человека именно как преступление. Другие же элементы состава (объект, субъект, субъективная сторона) или его признаки чаще всего презюмируются (или подразумеваются), т. е. они как бы выводятся из положений Общей части Уголовного кодекса.

Если нет состава преступления, то лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности? Но если есть преступление, признаки которого описаны в уголовном законе, то причем же здесь состав? Главное состоит именно в том, что лицо совершило преступление, признаки которого описаны в законе. Не будет преступления как такового, не будет речь идти и о признаках или элементах состава преступления, т. к. мы не установили самого факта, а не его отражения. Следовательно, состав – это есть инструмент познания преступления и его противоправности.

Более того, в конфликтных общественных отношениях, характеризующихся совершением противоправного преступного деяния, существует само преступление, но не состав этого преступления. Сам по себе состав преступления запрета или позитивного обязывания не содержит. Эту мысль очень четко отстаивает сегодня В. М. Хомич, и это нашло свое закрепление в действующем уголовном законе Республики Беларусь.

Если все же состав есть научная абстракция и типовая модель, то в такой плоскости можно конструировать любую типовую или общую модель состава (двух, трех, четырехзвенную и т. д.) и в обоснование этого процесса избирать любые постулаты, которые могут доказывать и опровергать избираемые теоретические конструкции. Практический смысл в этом только один: состав необходим для разложения преступления на моделируемые части и квалификации совершенного преступления в соответствии с уголовно-правовой нормой. Эта категория удобна для правоприменителя, поскольку ему известен общий набор составляющих любого противоправного деяния.

Именно поэтому, чисто с практической точки зрения законодатель не обращается к составу преступления при формулировании уголовно-правовой нормы. Это действительно так, ибо он видит существующее в обществе общественно опасное поведение и описывает его признаки (в соответствии с необходимым криминальным содержанием) в соответствующей диспозиции уголовно-правовой нормы. С этой точки зрения уголовная противоправность – это объективное и субъективное единство. Более того, именно диспозиция

обуславливает модель конкретного противоправного деяния и его признаков (объективных и субъективных), т. к. в реальной жизни состав связан именно с теми признаками, которые описаны в диспозиции правовой нормы. Диспозиция не подменяет собой состав, а наоборот, состав противоправности раскрывается в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Констатируя изложенное, отметим, что основанием уголовной ответственности является преступление, а не состав преступления, и выделять состав следует в рамках признака противоправности преступления, а не преступления в целом.

Список цитированных источников

1. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келинпа. – М.: Наука, 1987. – 276 с.
2. Ковалев, М. И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации / М. И. Ковалев. – Свердловск: Изд. Свердл. юрид. ин-та, 1977. – 88 с.
3. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М.: Юрид. лит., 1961. – 666 с.
4. Кригер, Г. Состав преступления и его значение / Г. Кригер // Советская юстиция. – 1982. – № 6. – С. 8–9.
5. Гонтарь, И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве / И. Я. Гонтарь. – Владивосток: Дальнев. гос. ун-т, 1997. – 208 с.
6. Великосельская, И. Г. Состав правонарушения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / И. Г. Великосельская. – Казань, 2010. – 28 с.
7. Ляпунов, Ю. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты / Ю. Ляпунов // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 44–48.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО (ДЕЛОВОГО) РИСКА

Цуприк Алина Николаевна

адвокат Брестской областной коллегии адвокатов

Современные технологии управления, направленные на оптимизацию и стимулирование эффективности экономики, как правило, являются рискованными, зачастую приводят к ущербным последствиям, которые далеко не всегда связаны с виновным совершением правонарушающего деяния, предусмотренного уголовным законом. Перед экономической и уголовно-правовой наукой со всей очевидностью возникла проблема определения обоснованности допускаемого в экономической деятельности предпринимательского риска, когда принимаемые управленческие решения сопряжены с риском неудачи (ущерба), но не могут рассматриваться как правонарушающее деяние с точки зрения уголовного закона.

Без уяснения базовых позиций правомерности и, соответственно, адекватного понимания риска в экономической деятельности в условиях рыночных отношений, стимулирования активности предпринимательства на основе обеспечения рациональной свободы в предпринимательстве, наша

страна не сможет поддерживать необходимые темпы планируемого развития и быть конкурентоспособной.

Статья 39 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) до внесения в нее изменений Законом от 5 января 2015 г. № 241-З регулировала условия обоснованного риска. Однако применительно к принятию рисков-решений руководителями субъектов хозяйствования с целью эффективного достижения желаемо-полезных экономических результатов не срабатывала в силу того, что сама по себе экономическая деятельность в аспекте получения социально-рентабельной прибыли объективно рискованна по отношению к ее социальному результату.

Необходимость законодательного закрепления экономического (делового) риска в ст. 39 УК в качестве самостоятельного вида правомерного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, была инициирована Президентом Республики Беларусь по предложению руководителей государственных предприятий. В 2006 г. в докладной записке Правительства на имя Президента Республики Беларусь по просьбе руководителей государственных предприятий был поднят вопрос о необходимости учета делового риска в сфере экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. По существу, ставилась задача определиться с критериями или условиями обоснованности рисков-решений, при соблюдении которых уголовная противоправность соответствующих деяний (решений) должна исключаться в силу их объективной правомерности [1, с. 26–27]. Как следствие, ст. 39 УК была дополнена ч. 2-1, которой и была введена норма об экономическом (деловом) риске.

На практике в системе экономической деятельности норма об обоснованном риске (ст. 39 УК) не применялась и не могла применяться ввиду специфики делового риска в экономической деятельности в отличие от производственно-хозяйственного риска, ведь применение делового риска предполагает определенную свободу на ее использование при принятии руководителем рискованных экономических решений.

Обоснованный риск (ст. 39 УК) был рассчитан лишь на ту сферу производственно-экономической деятельности, которая связана с введением научных инноваций в технологию производства, реализация которых связана с нарушением технологии производства и определенными технологическими рисками (разрушением, авариями, причинением вреда операторам производственной деятельности, экологии и т. п.).

Деловой риск не имеет никакого отношения к бесхозяйственности, нарушениям технологии производства, а также к принятию экономических решений на основе групповых корыстных и индивидуальных интересов. Практикой подтверждено, что проблема делового риска связана с обоснованием экономического решения на основе учета всех аспектов и интересов службы со стороны лица, принимающего такое решение.

В этой связи, особое внимание следует обращать на выяснение условий наличия экономического (делового) риска в контексте соответствия решения

руководителя интересам службы и причин, вследствие которых данное рискованное решение оказалось все-таки неуспешным и повлекло нежелательные (ущербные) последствия [2, с. 89–93].

Необходимо проанализировать неудачное управленческое решение с позиции экономического обоснования данного решения в свете обычных условий гражданского оборота, соответствующих требованиям надлежащего ведения хозяйства, с привлечением специалистов в экономической области. Кроме того, не должен становиться основанием для привлечения к уголовной ответственности руководителя факт несоблюдения формально-правовых процедур при принятии управленческого решения. Поэтому также необходимо принимать во внимание: была ли у руководителя объективная возможность обеспечения длительной и трудоемкой процедуры согласования с вышестоящими инстанциями.

Для этих целей в уголовном процессе следует привлекать специалистов в экономической области для профессиональной оценки экономической обоснованности решения руководителя. При этом следует учитывать, что рискованные экономические решения субъектами экономической деятельности принимаются профессионально осознанно, в условиях отступления от стандартизированных административных процедур государственного регулирования и поэтому всегда содержат элемент формального нарушения компетенционных интересов службы. Это и стало определенного рода западней для руководителей государственных предприятий и необоснованным привлечением их к уголовной ответственности

Совершенно очевидно, что реализация на практике норм об экономическом (деловом) риске будет нелегким выбором для правоприменителей из-за отсутствия должного научно-алгоритмического толкования его понятия и содержания, пороговых оснований, условий и пределов применения.

Решения, принятые в контексте экономического (делового) риска, в отличие от преступных злоупотреблений содействуют развитию предпринимательства и экономики в целом, хотя и содержат риск причинения вреда, и в ряде случаев причиняют таковой вред. И поэтому обоснованность риска должна рассматриваться именно через призму целей, на достижение которых было направлено рискованное решение. Даже формально противоправные и вредоносные действия могут быть признаны не уголовно-противоправными, если они совершены в ситуации правомерного экономического (делового) риска. На этом и основываются объективные и субъективные признаки правомерности экономического (делового) риска, закрепленные в ч. 2-1 ст. 39 УК.

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. Институционализация делового риска в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключающего преступность злоупотребления профессиональным правом на предпринимательский риск для решения значимой экономической задачи / В. М. Хомич // Право.by. – 2015. – № 5(37). – С. 24–31.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

О ПОНЯТИИ НАРУШЕНИЯ И УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ

Шабаль Владимир Сергеевич

*старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
уголовно-исполнительного факультета учреждения образования
«Академия Министрства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук*

В настоящее время в Республике Беларусь осуществляется разработка законопроекта, направленного на системное совершенствование кодексов об уголовной ответственности в связи с необходимостью совершенствования процесса реализации мер уголовно-правового принуждения. Одним из направлений совершенствования данных кодексов называется декриминализация ст. 415–419 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), так как существующая на данный момент система привлечения к уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания имеет ряд существенных недостатков: порождение «мнимого» рецидива по причине невозможности осужденных исходя из личностных качеств отбывать то или иное наказание; существенная нагрузка на правоохранительные органы и суды по расследованию преступлений по вышеназванным статьям; совершение в период отбывания наказаний новых преступлений, в том числе из-за длительного процесса привлечения к уголовной ответственности по ст. 415–419 УК.

Следует согласиться с В. М. Хомичем, что «на личностном уровне реализации социальной ответственности влияние уголовного права (в частности, уголовно-правовых запретов) на формирование законопослушного поведения реализуется в рамках общих охранительных уголовно-правовых отношений в качестве звена комплексного социального механизма воспитания социально ответственной личности» [1, с. 13]. В Республике Беларусь государством оказываются чрезмерные усилия для привлечения к уголовной ответственности по данным статьям УК, что недопустимо в рамках реализации всех социальных процессов в обществе. Представляется совершенно верным предложение научного сообщества, в том числе и В. М. Хомича, о декриминализации ст. 415–419 УК.

Следует отметить существенный недостаток как уголовного, так и уголовно-исполнительного права, который связан с тем, что не в полной мере регламентирован процесс исполнения наказаний (особенно без изоляции от общества), не определены понятие уклонения, понятие нарушения, права и обязанности субъектов правоотношений. Все это порождает как неопределенность в процессе исполнения и отбывания наказаний, так и «уход»

преступника от уголовной ответственности в результате возможного двоякого понимания норм права либо вообще их отсутствия. Придерживаясь позиции В. М. Хомича на то, что уголовная ответственность есть «основанная на нормах уголовного права обязанность лица, совершившего преступление, подвергнуться неблагоприятным уголовно-правовым последствиям» [1, с. 14], стоит отметить, что процесс привлечения и реализации уголовной ответственности, в первую очередь, должен быть четко определен законодательством с точки зрения прав, обязанностей и законных интересов осужденных. При этом отождествление уголовной ответственности с обязанностью нести ответственность, по мнению В. М. Хомича, недопустимо [1, с. 14].

Как представляется, законодатель и ученые при принятии современного Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) подразумевали, что дифференцированное количество правоограничений в зависимости от вида наказания связано с тем, что осужденный к более мягкому виду наказания не должен претерпевать существенных ущемлений в своих правах, так как он совершил преступление, которое не несет большой опасности для общества. При этом при исполнении многих наказаний не указано понятие нарушения, уклонения либо злостного уклонения от отбывания наказания. Следует понимать, что осужденные к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штрафу, общественным работам, исправительным работам, аресту не должны в полной мере соблюдать обязанности, в том числе указанные в ст. 9 УИК.

Получается следующая ситуация, что осужденные в соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК, например, обязаны выполнять обязанности, установленные уголовно-исполнительным законодательством в отношении порядка и условий отбывания наказаний и иных мер уголовной ответственности. То есть, они обязаны соблюдать нормы не только УИК, но и иных нормативных правовых актов, так как в соответствии с ч. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» к законодательству относятся и законы, и постановления Совета Министров Республики Беларусь, нормативные правовые акты министерств и прочее.

Получается следующее противоречие, что в УИК имеется обязанность, однако при исполнении вышеуказанных наказаний отсутствует ответственность за ее несоблюдение. В теории права отмечается, что если имеется обязанность при отсутствии ответственности за ее несоблюдение, а именно права субъекта как требовать исполнения обязанности, так и привлекать к определенной ответственности (в нашем случае следует говорить о дисциплинарной (в рамках уголовно-исполнительных правоотношений) либо уголовной ответственности), то и говорить о нормальном функционировании правоотношений затруднительно.

Из анализа УИК вытекает, что ответственность осужденного не в полной мере соответствует вышеуказанному принципу. Так, в ч. 4 ст. 9 УИК определено, что если осужденный не выполняет обязанности, то ему может быть вынесено

официальное предупреждение. При этом для чего и о чем это предупреждение в данной норме не говорится.

В главе 4 УИК, регламентирующей исполнение наказания в виде общественных работ, в качестве обязанности уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ) определен контроль за поведением осужденных. В ч. 1 ст. 27 УИК в качестве нарушения порядка и условий отбывания наказания указано лишь невыполнение общественных работ без уважительной причины, отказ от выполнения работ, неявка для выполнения работ, нарушение трудовой дисциплины и неявка в УИИ без уважительных причин. То есть за невыполнение остальных обязанностей ответственность не предусмотрена (например, за невежливое отношение к работникам органов и учреждений, исполняющих наказания). Также в соответствии со ст. 419 УК ответственность наступает за злостное уклонение от отбывания наказания, а в ст. 27 УИК, как и в УК, понятие злостного уклонения отсутствует.

Рассматривая главу 5 УИК (исполнение штрафа), стоит отметить, что на осужденного к штрафу также распространяются обязанности, предусмотренные ст. 9 УИК, однако ответственность наступает лишь за неуплату штрафа в установленный срок без уважительных причин. При этом данной главой предусмотрена отсрочка и рассрочка уплаты до одного года. То есть, данное наказание может исполняться довольно длительный срок, а ответственности за несоблюдение обязанностей не предусмотрено.

Главой 6 УИК регламентировано исполнение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В данной главе в права органа или учреждения, исполняющего данное наказание, не вменяется контроль за соблюдением осужденным своих обязанностей. Также не в полной мере регламентированы обязанности осужденных, ответственность наступает лишь за уклонение от исполнения приговора. При этом опять же отсутствует понятие нарушения и уклонения от отбывания наказания как в главе 6 УИК, так и в ст. 51 и 417 УК.

В главе 7 УИК (исправительные работы) имеется понятие нарушения и злостного уклонения от отбывания наказания и определен процесс привлечения к уголовной ответственности, однако опять же нарушением не является невыполнение обязанностей, предусмотренных ст. 9 УИК.

При исполнении иных наказаний (ареста, лишения свободы, пожизненного заключения) УИК не определено понятие нарушения установленного порядка отбывания наказания, а просто постулируется, что за нарушение установленного порядка отбывания наказания могут быть применены те или иные меры взыскания.

Все эти коллизии имеют свои определенные проблемы, которые выражаются в том числе в отсутствии реализации уголовной ответственности в отношении осужденных, пренебрежению ими своими обязанностями и поправлением правил поведения в обществе.

Таким образом, в целях устранения указанных противоречий для каждого наказания необходимо определить обязанности и обеспечить их соблюдение

посредством установления ответственности за их несоблюдение, в том числе путем регламентации понятия нарушения, уклонения и злостного уклонения от отбывания наказания.

Список использованных источников

1. Хомич, В. М. Уголовная ответственность как объективная правовая реальность: содержание и дифференциация / В. М. Хомич / Проблемы укрепления законности и правопорядка : наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. : в 2 т. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. М. Хомич [и др.]. – Минск, 2016. – Вып. 9, Т. 2. – С. 8–18.

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Шаблинская Диана Викторовна

*заведующий сектором правового обеспечения экономической безопасности
Центра государственного строительства и права ГНУ «Институт экономики
НАН Беларуси», кандидат юридических наук, доцент*

Плюрализм как методологическая основа научного познания, разнообразие концепций и подходов свойственны изучению и описанию любых правовых явлений и категорий. Однако в уголовном праве, реализация которого имеет особые, зачастую необратимые последствия, явление идейной неопределенности носит скорее отрицательный характер. Уголовно-правовые исследования должны иметь общую основу – научный базис. В этой связи перед наукой всегда стояла задача выработки единой парадигмы – модели взаимосвязи между охраняемыми уголовным законом общественными отношениями, совершенными общественно опасными деяниями, лицами, их совершившими, и непосредственно правоприменением, – отвечающей современным условиям и потребностям борьбы с преступностью.

В настоящее время в Республике Беларусь проблемы дифференциации системы мер уголовно-правового воздействия рассматриваются в рамках теоретической концепции и юридической модели института уголовной ответственности, разработанных доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Республики Беларусь В. М. Хомичем и нашедших законодательное закрепление в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК).

Вклад В. М. Хомича в уголовно-правовую науку и отечественное уголовное законодательство трудно переоценить. Оптимизация мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, развитие системы наказаний, обоснование перехода от карательных санкций к системе probation, введение ювенальной юстиции, борьба с коррупцией и многие другие научные проблемы были обозначены и исследованы Владимиром Михайловичем. Новаторские идеи и решения профессора внедрены непосредственно в правотворческую деятельность. Научные и научно-практические публикации, учебная литература,

значительное количество подготовленных научных кадров высшей квалификации, существенный вклад в отечественное правотворчество и укрепление законности и правопорядка позволяют говорить о В. М. Хомиче как о выдающемся ученом современности и знаковой фигуре уголовного права Беларуси. Учение об уголовной ответственности, разработанное Владимиром Михайловичем, является не только основной для формирования научной школы, но и ключевой парадигмой в действующем уголовном праве.

Уголовная ответственность как основная категория уголовного права выступает связующим элементом (в виде особого правового режима – режима осуждения) между преступлением и мерой государственного принуждения – наказанием либо иной мерой уголовной ответственности. В 1999 г. впервые в истории отечественного уголовного права в ст. 44 УК закреплено понятие уголовной ответственности как осуждения от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применения на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с УК. В данном определении отражена инновационная разработка В. М. Хомича, и включение данной категории в уголовный закон следует признать смелым и весьма перспективным решением законодателя, поскольку практически ни в одном из УК зарубежных государств понятие уголовной ответственности не содержится.

УК Республики Беларусь установил уголовное наказание и иные меры уголовной ответственности, а также принудительные меры безопасности и лечения – меры, применяемые не только в отношении лиц, совершивших преступления, но и в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами (заболеваниями), совершивших общественно опасные деяния. За время своего функционирования УК дополнен новыми уголовно-правовыми мерами, различными по своему содержанию и целям применения, не относящимися к формам реализации уголовной ответственности (и в данной законодательной эволюции принуждения в уголовном праве ведущая роль опять же принадлежит В. М. Хомичу). В качестве обобщающей категории для данных мер нами обоснована категория «иные меры уголовно-правового воздействия».

К иным мерам уголовно-правового воздействия следует отнести целый ряд законодательно закрепленных мер. Так, наряду с уголовной ответственностью, а также при освобождении лица от уголовной ответственности применяется специальная конфискация (ст. 46-1 УК). В качестве условия освобождения от уголовной ответственности возможно принятие и исполнение лицом, совершившим преступление, уголовно-правовой компенсации (меры материального характера), а также выполнение общественно полезных работ, закрепленных соответственно в ч. 16 и ч. 17 ст. 4 УК. Превентивный надзор и профилактическое наблюдение также могут рассматриваться как иные меры уголовно-правового воздействия.

Изложенное позволяет сделать вывод, что арсенал уголовно-правового воздействия представляет собой три системных «уровня»: 1) наказание, 2) иные

меры уголовной ответственности, 3) иные меры уголовно-правового воздействия, не являющиеся формами реализации уголовной ответственности.

Изначально для стран–партнеров Республики Беларусь по региональной интеграции характерна сформированная под влиянием советского уголовного законодательства и положений модельного Уголовного кодекса государств – участников СНГ 1996 г. достаточно консервативная система мер уголовно-правового воздействия, к числу характеристик которой относится преобладание карательного начала в ее содержании, что предполагает позиционирование уголовного наказания как центрального, основного элемента уголовно-правового воздействия. Однако в период конструирования новых уголовных законов бывшими союзными республиками целенаправленно уделяется внимание иным мерам уголовно-правового воздействия, многие из которых нашли отражение в кодексах (например, в УК Кыргызской Республики) в виде системно оформленного уголовно-правового института.

Сравнительно-правовой анализ положений уголовных законов зарубежных стран, в первую очередь, государств–партнеров Республики Беларусь по региональной интеграции, позволил выявить следующую закономерность: иные меры уголовно-правового воздействия все чаще рассматриваются как самостоятельный уголовно-правовой институт, занимающий свое особое место в системе мер уголовно-правового воздействия, а отправной точкой, своеобразным стимулом для уголовно-правовых реформ, достаточно часто выступает институционализация иных мер уголовно-правового воздействия в уголовном законе того или иного государства. Обозначенные процессы происходят в совокупности с переоценкой роли и места наказания в сфере борьбы с преступностью, расширением спектра средств принуждения, формированием поощрительных мер. Данные изменения имеют различную направленность: повышение эффективности посткриминального контроля и создание реальных возможностей ресоциализации осужденных, формирование состояния безопасности современного общества (достаточно часто иные меры уголовно-правового воздействия определяются как меры безопасности), соответствие меняющимся условиям криминогенной обстановки, восстановление социальной справедливости и создание новой уголовно-правовой идеологии.

Представляется, что сегодня в отечественном уголовном праве сформировались предпосылки переосмысления системы мер уголовно-правового воздействия, в том числе уголовной ответственности и форм ее реализации. Уголовная политика Республики Беларусь в целом должна базироваться на демократических и гуманных социальных приоритетах, что находит отражение в первую очередь на уровне ее принципов. Вместе с тем, вся структура уголовной политики выстроена исходя из одного объекта – преступность. Мы предлагаем взглянуть на объект уголовной политики шире – как на совокупность общественно опасных деяний (совершаемых в том числе юридическими лицами, невменяемыми, лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности). Решению данной задачи будет способствовать

включение в системообразующие элементы уголовной политики уголовно-правового воздействия – предусмотренных уголовным законом мер и средств правоограничительного характера, направленных на обеспечение задач уголовного права и достижение поставленных целей.

Уголовно-правовое воздействие – сложное явление, объединяющее в себе функционально различные меры государственного принуждения и меры уголовно-правового поощрения (стимулирования). Следует констатировать, что современное понимание уголовно-правового воздействия весьма отличается от общетеоретического подхода. Казалось бы, уголовно-правовое воздействие – наиболее емкая категория в уголовном праве. Однако, это было лишь до того момента, пока уголовная ответственность понималась в качестве единственно возможной реакции государства на совершенное преступление. Как только в науке был выдвинут и обоснован тезис о том, что понимание государственного принуждения, представляющего собой правовые последствия совершения общественно опасного деяния, не исчерпывается уголовной ответственностью, возникла необходимость в научном понятии, объединяющем в себе данные правовые последствия. И в данном качестве выступило «уголовно-правовое воздействие», наполненное определенно новым содержанием.

Нами воспринят подход, в соответствии с которым уголовно-правовое воздействие понимается как сложное явление, объединяющее в себе функционально различные меры государственного принуждения и меры уголовно-правового поощрения (стимулирования). Однако мерам уголовной ответственности (в первую очередь наказанию) мы определили бы доминирующую, исключительную роль как наиболее строгим мерам государственного принуждения. Таким образом, систему мер уголовно-правового воздействия можно представить как совокупность мер уголовной ответственности (носящих карательный характер (наказание) и альтернативных наказанию мер), мер безопасности, превентивных, восстановительных и стимулирующих мер.

С учетом изложенного, самостоятельным направлением развития доктринальной основы уголовно-правовой политики следует признать разработку концепции совершенствования системы мер уголовно-правового воздействия, призванной по-новому отразить механизм уголовно-правового воздействия, определить его компоненты и уровни, а также определить место конкретных мер в системе средств борьбы с общественно опасными деяниями. Источником подготовки и обоснования данной концепции могло бы выступить учение об уголовной ответственности, разработанное В. М. Хомичем в рамках его научной школы.

Полагаем, исследование мер, предусмотренных уголовным законом и применяемых к лицам, совершившим общественно опасные деяния, познание их содержания и характера позволит составить представление об уголовно-правовом воздействии как системообразующем институте, определить его сущность, содержание, механизм, провести его соотношение с уголовно-правовым регулированием, уголовной политикой и с уголовной

ответственностью как стержневыми понятиями уголовного права и, возможно, выйти на иное, широкое понимание уголовно-правового воздействия. В этой связи обращение к уголовно-правовому воздействию как базовой категории и основному компоненту уголовного права следует признать наиболее актуальным направлением современной уголовной политики.

В заключение подчеркнем, что без научной опоры, результатов деятельности научных школ вполне возможно найти простые, скорые и «ведомственно удобные» решения. Но история свидетельствует, что такой подход далеко не оптимален. Теоретико-правовая и прикладная значимость исследования проблем уголовно-правового воздействия обусловлена нарастающей потребностью обеспечить прогрессивное развитие действующего уголовного законодательства, необходимостью правильной постановки его целей и задач. Иначе реформирование уголовного закона утрачивает самое ценное – системность и понимание сущности происходящих преобразований.

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Шаркова Елена Анатольевна

*доцент кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск
учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь»
кандидат юридических наук, доцент*

Уголовная ответственность – это правовое последствие совершенного преступления. Преступление является фактом юридическим, влекущим специфические правовые отношения между виновными и государством, осуществляющим правосудие [1, с. 638].

Уголовная ответственность является более широким понятием, чем наказание, потому что ответственность связана с осуждением и возникающим в связи с этим режимом правовой подверженности осужденного мерам уголовно-правового воздействия в соответствии с уголовно-правовой санкцией, определенной осужденному по приговору суда.

Действующая система видов наказания позволяет проводить взвешенную карательную политику противодействия преступности, снижая количество таких мер, как лишение свободы, посредством назначения иных видов наказания, которые, удерживая асоциальное поведение виновных, способствуют соблюдению требований правопорядка.

Важная особенность преступности – ее уголовно-правовой характер, т. е. объединение в ней индивидуальных актов нарушения запретов, сформулированных в уголовном законе. Это позволяет отличить преступность от иных правонарушений и аморальных поступков [2, с. 30].

Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) противопоставляет преступлению не традиционно понимаемое наказание,

а уголовную ответственность, объединяющую различные по характеру меры уголовно-правового воздействия (ст. 44 УК определяет не цели наказания, а цели уголовной ответственности). Наказание уже давно не является единственным средством воздействия на преступника в рамках задач, стоящих перед уголовным законом, поэтому такое решение законодателя, как в теоретическом, так и в практическом смысле является верным [3].

Согласно ч. 1 ст. 44 УК уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности. Следовательно, наказание, как и иные меры уголовно-правового воздействия, применяемые на основе осуждения, составляют содержание уголовной ответственности.

Необходимость наказания в виде лишения свободы, даже в условиях контролируемой преступности, очевидна и определяется тем, что позволяет изолировать от общества наиболее опасных преступников в целях частного и общего предупреждения преступлений. Многочисленные дискуссии по вопросу о лишении свободы обычно сводились к предложениям существенного его сокращения. Проблема заключается лишь в том, как и за счет каких иных видов наказаний и мер уголовной ответственности этого можно достичь, сохраняя достаточный уровень контроля над преступностью и обеспечивая безопасность граждан от преступных посягательств.

Однако в реальных практиках при осуществлении правосудия по конкретным уголовным делам лишение свободы все-таки должно назначаться преимущественно в отношении преступников, потенциально представляющих опасность для общества, а не только в связи с уголовно-правовой оценкой общественной опасности совершенного преступного деяния. Необходима обоснованная мотивация поддержания карательного и предупредительного потенциала лишения свободы, так как лишение свободы постепенно утрачивает свойство радикального средства изоляции от общества опасных преступников. В связи с этим, снижение применения лишения свободы в последнее время достигнуто за счет расширения практики таких наказаний, как ограничение свободы и исправительные работы.

Наказание, равно как иные меры уголовно-правового воздействия, которые применяются на основе осуждения, дифференцируют характер и степень воздействия уголовной ответственности на осужденного с учетом их разумной достаточности для достижения целей ответственности. Существенно снижена эффективность предупреждения преступлений посредством изоляции правонарушителей от общества из-за повсеместного досрочного освобождения от отбывания лишения свободы по амнистии (проводятся, как правило, ежегодно) или вследствие условно-досрочного освобождения, которое также утратило свойство исключительности.

Реализация уголовной ответственности, исходя из политики государства, преследует определенные цели. Наказание в общей структуре мер воздействия на осужденного выражает всего лишь одну из возможных форм реализации

уголовной ответственности, при этом в наиболее репрессивном ее проявлении. Согласно ч. 2 ст. 44 УК к таким целям относятся: исправление лица, совершившего преступление; предупреждение совершения новых преступлений осужденными (частное предупреждение); предупреждение совершения преступлений другими лицами (общее предупреждение).

Сохраняя свою значимость в плане решения предупредительной цели, исправление осужденных в отличие от двух других целей частного и общего предупреждения все больше доказывает свою низкую эффективность в исправлении осужденных, тем более в их ресоциализации (социальной адаптации).

На наш взгляд, применение наказания и иных мер уголовной ответственности должно иметь такую конечную цель, как ресоциализация преступника, восстановление его в социальном статусе полноправным членом общества, возвращение к общепринятой жизни обществе. Именно так следует определить цели уголовной ответственности.

Исправление следует рассматривать как процесс положительных изменений личности преступника, ведущий к правопослушному поведению, для чего необходимо устранить из его сознания негативные взгляды, вредные привычки, отрицательные черты характера, стимулирующие нарушение уголовно-правовых запретов.

Это достигается комплексом средств исправительного воздействия на осужденных, определенных в ч. 3 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь: установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие [4].

На наш взгляд, перечисленные средства реализации уголовной ответственности, применяемые к осужденным, на стадии отбывания наказания имеют определенный результат: осужденные, находящиеся в местах лишения свободы управляемы, за редким исключением в конфликт с законом не вступают, добросовестно относятся к труду, участвуют в воспитательных мероприятиях.

По формальным признакам может быть получен видимый результат: осужденный исправился, и по действующему законодательству цель наказания достигнута, но это всего лишь промежуточный результат. Для достижения окончательного результата требуется дальнейшее действие, связанное с социальной адаптацией освобожденного в общество в условиях свободы. Вот в чем видится реализация конечной цели уголовной ответственности и наказания. Обязательно социальное сопровождение отбывших наказание, иначе они возвращаются обратно в места лишения свободы не из-за того, что указанные выше воздействия на осужденных не дали желаемый исправительный эффект, а в силу отсутствия к ним должного внимания со стороны государства и общества в «постпенитенциарный» период.

Обеспечение жильем, трудоустройство и другая социально-бытовая помощь бывшему осужденному просто необходимы, поэтому требуется

создание государственной или общественной структуры, осуществлявшей социальное сопровождение лиц, освобожденных от наказания на завершающем этапе реализации цели уголовной ответственности. Предлагаемая постановка цели наказания с соответствующим законодательным сопровождением позволит значительно расширить круг субъектов, ответственных за судьбы бывших осужденных.

Цель «исправление осужденного» – это основная социально-ориентационная функция уголовной ответственности, достигаемая путем искоренения общественно опасных взглядов и привычек, под влиянием которых было совершено преступление, а также выработкой устойчивого законопослушного поведения, привитием осужденному социально полезных черт и навыков поведения. Из целей наказания, закрепленных в УК БССР 1960 г., в ныне действующий УК Республики Беларусь не вошла цель «перевоспитание осужденных», как нереалистичная задача формирования личности с новыми убеждениями. Исправление осужденных должно быть направлено на возвращение их к социально полезной деятельности. Видится целесообразным заменить устоявшееся понятие «исправление» лица, совершившего преступление, на «ресоциализация» лица, совершившего преступление.

Таким образом, проблемы уголовной ответственности и наказания с точки зрения современных задач уголовной политики очень актуальны среди ученых и специалистов по уголовному праву. Это действительно фундаментальные вопросы уголовного права, поскольку от их решения зависит построение многих институтов уголовного права, а также применение уголовного законодательства. Социальные издержки кризиса действующей системы видов наказания объективно вызывают необходимость социальной переориентации взглядов на цели применения наказания с проблем исправления на осуществление задачи безболезненного вхождения осужденных в социальные формы жизнедеятельности, особенно после отбытия наказания в виде лишения свободы. Сегодня преобладающим в пенитенциарной науке является положение о том, что исполнение наказания в виде лишения свободы должно быть ориентировано не на исправление, а на ресоциализацию. Совершенствование Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов необходимо, чтобы обеспечить экономию социальных и материальных ресурсов правоохранительной деятельности при безусловном обеспечении безопасности общества, граждан и государства.

Список цитированных источников

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 704 с.
2. Криминология : курс лекций / Е. А. Шаркова. – Минск : Медисонт, 2019. – 220 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2020.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. // АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2020.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ САНКЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Швед Надежда Александровна

*заместитель начальника отдела государственного учреждения
«Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент*

Практика назначения наказания за несанкционированный доступ к компьютерной информации (далее – несанкционированный доступ) является малоизученной, как, впрочем, и в целом за преступления против информационной безопасности, предусмотренные главой 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Следует отметить, что в литературе проблема построения санкций является не просто дискуссионной, но и не имеющей хотя бы какого-то конкретного решения. Вместе с тем, она имеет не только теоретическое, но и исключительно большое практическое значение. Одна из главных ролей при формировании санкции принадлежит оценке преступления с точки зрения его общественной опасности, т. е. с точки зрения того вреда, какой это деяние причиняет или может причинить обществу. Как отмечает А. И. Коробеев, «не санкция должна определять примерную тяжесть криминализируемых деяний, в самом деянии необходимо искать мерило, критерий его общественной опасности ... санкция, содержащая наказание, должна служить всего лишь вспомогательным средством отражения характера и степени общественной опасности данного преступления» [1, с. 144].

Что же касается непосредственно санкций, то в научной литературе указывается, что справедливой может быть признана такая санкция, которая не только соответствует тяжести описанного в законе преступного деяния, но и согласуется также с санкциями, предусмотренными за совершение других преступлений и, кроме того, дает суду возможность индивидуализировать наказание с учетом всех возможных вариантов совершения преступлений в реальной действительности [2, с. 135].

Таким образом, законодательная оценка общественной опасности преступления выражается в санкции. При этом главная трудность состоит в необходимости адекватного отражения в санкции общественной опасности конкретного деяния. В связи с этим возникает вопрос, обоснованы ли санкции, установленные за несанкционированный доступ, адекватно ли они отражают социальную значимость данного явления?

Санкция ч. 1 ст. 349 УК предусматривает штраф или арест. Таким образом, санкция является альтернативной, относительно-определенной, а данное преступление относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

Размер штрафа в санкции не указан, следовательно, при назначении данного вида наказания суд должен руководствоваться положениями

ч. 2 ст. 50 УК и назначать штраф в размере от 30 до 1 000 базовых величин. Вместе с тем Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), установивший административную ответственность за несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, сопровождающийся нарушением системы защиты, предусматривает в качестве взыскания за содеянное штраф от 20 до 50 базовых величин (ст. 22.6). В данном случае может иметь место ситуация, когда за административное правонарушение, предусмотренное ст. 22.6 КоАП, размер назначенного штрафа может быть больше, чем размер штрафа за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 349 УК. Например, приговором суда Ленинского суда г. Минска по обвинению П. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 349 УК, назначено наказание в виде штрафа в размере 30 базовых величин [3].

К сожалению, еще не наработана практика применения административных взысканий за несанкционированный доступ к компьютерной информации, но в случае, если виновному будет назначен, например, штраф в размере 50 базовых величин, можно будет говорить о том, что административное правонарушение может караться более строго, нежели преступление, что не соответствует общеправовому принципу справедливости, а также указывает на отсутствие системности при конструировании норм смежных отраслей права.

При назначении наказания в виде ареста суду следует также обращаться к положениям Общей части УК. Согласно ч. 1 ст. 54 УК арест назначается на срок от одного до трех месяцев.

Обратимся к анализу санкции ч. 2 ст. 349 УК. В качестве наказания за несанкционированный доступ с квалифицирующими признаками законодателем предусмотрен штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, арест, ограничение свободы на срок до 2 лет или лишение свободы на тот же срок. Таким образом, категория преступления не изменилась, оно по-прежнему относится к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности. Однако существенно изменилось количество наказаний (с двух до пяти) и их тяжесть.

Санкция за преступления с основным составом является базовой для установления санкций за преступления с квалифицированными составами. По общему правилу, наказание за совершение преступления, характеризующегосяотягчающими ответственность обстоятельствами, должно быть строже, чем это предусмотрено в санкции нормы с основным составом. Вместе с тем, анализ санкций ст. 349 УК показывает, что размер штрафа законодателем не определен ни в санкции ч. 1, ни в санкции ч. 2 ст. 349 УК. Таким образом, в обоих случаях правоприменителю следует руководствоваться установленными в Общей части УК размерами штрафа от 30 до 1 000 базовых величин. Целесообразность такого установления вызывает сомнения. Законодатель в данном случае позволяет суду назначать менее строгое наказание за преступление с квалифицированным составом, что и встречается на практике.

В частности, например, приговорами суда Советского района г. Гомеля от 1 марта 2005 г. и от 25 марта 2005 г. в обоих случаях назначены в качестве наказания за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 349 УК, штраф в размере 30 базовых величин [4; 5]. В то же время и за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 349 УК, суды также назначают точно такое же наказание [3]. Таким образом, суды практически уравнивают ответственность как за преступление с основным составом, так и за преступление с отягчающими обстоятельствами. Применительно к данному виду наказания проблема заключается в том, что в отечественном УК законодателем не предусмотрено определение размера штрафа в санкциях Особенной части УК, так, как это предусмотрено, например, в УК Российской Федерации. Установление конкретных размеров штрафа в санкциях различных частей одной статьи позволило бы судам дифференцированно подходить к назначению данного вида наказания. Вместе с тем, проблема изучения штрафа как вида уголовного наказания, установление его размеров в рамках статей Особенной части требует самостоятельного разрешения.

Сказанное в полной мере относится и к аресту, который предусмотрен в санкциях ч. 1 и ч. 2 ст. 349 УК и может быть назначен на срок от одного до трех месяцев.

Вызывает сомнение и установление широкого перечня видов наказаний в ч. 2 ст. 349 УК. Существует мнение, что большое число альтернативных наказаний в санкциях (содержащих 3 и более наказания) может способствовать созданию ситуации, когда даже при совершении очень похожих преступлений и при сравнительно одинаковых характеристиках личности преступника судами будут назначаться существенно отличающиеся друг от друга по своей тяжести наказания. Как отмечает В. Зубкова, ни степень общественной опасности, ни требования индивидуализации наказания сами по себе не вызывают необходимости построения альтернативных санкций со столь широким набором видов наказания. Альтернативные санкции, по ее мнению, должны содержать такое количество в целом тождественных видов уголовного наказания, которые позволят суду, с одной стороны, однозначно оценить совершенное деяние, а с другой – максимально индивидуализировать назначенное наказание [6, с. 20]. По поводу оптимального количества наказаний в санкциях статей высказывал свое мнение О. Ю. Бунин, полагающий, что «максимально удобным и справедливым» является установление в санкциях трех видов наказаний [7, с. 44]. Действительно, эффективность назначенного наказания зависит не от количества видов наказания в рамках одной санкции, а от степени соответствия избранного наказания обстоятельствам конкретного совершенного деяния, и, в целом, тяжести преступления. Поэтому основная задача заключается в определении и ограничении круга тех видов наказаний, которые будут согласовываться с предусмотренным в ч. 2 ст. 349 УК преступлением. По-нашему мнению, с увеличением тяжести преступления количество альтернативных наказаний должно уменьшаться.

На основании изложенного можно сделать вывод, что количество наказаний, предусмотренных в санкции ч. 2 ст. 349 УК, носит избыточный характер. В связи с этим представляется возможным говорить об исключении из санкции ч. 2 ст. 349 УК ареста по следующим основаниям. Арест дублируется в санкциях ч. 1 и ч. 2 ст. 349 УК. Во-вторых, что касается иных наказаний, предусмотренных в санкции ч. 2 ст. 349 УК, то штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью целесообразно оставить, поскольку они могут применяться как в качестве основного, так и дополнительного наказания. Ограничение свободы и лишение свободы служат показателями увеличения общественной опасности деяния, предусмотренного в ч. 2 ст. 349 УК, и должны быть оставлены в целях дифференциации ответственности и индивидуализации наказания.

В санкции ч. 3 ст. 349 УК предусмотрено ограничение свободы на срок до 5 лет или лишение свободы на срок до 7 лет, т. е. преступление, предусмотренное в диспозиции ч. 3 ст. 349 УК, относится к категории тяжких.

Среди недостатков конструирования санкции ч. 3 ст. 349 УК можно отметить следующие. И при ограничении свободы, и при лишении свободы установлен только верхний предел. В связи с существенным увеличением общественной опасности понятна логика законодателя, увеличивающего верхние границы этих наказаний, но, в то же время, отсутствие нижних границ позволяет судье в обоих случаях (ч. 2 и ч. 3 ст. 349 УК) руководствоваться положениями Общей части УК и назначать наказания в виде ограничения или лишения свободы в пределах минимальных границ (от 6 месяцев) этих видов наказаний. По мнению И. Боковой, такое положение ведет к «ослаблению, размыванию карательной функции уголовного закона» [8, с. 16]. В этой связи целесообразно было бы сделать указание на размер нижних и верхних границ ограничения свободы и лишения свободы в санкции ч. 3 ст. 349 УК.

Таким образом, анализ санкций ст. 349 УК показал, что законодатель подошел формально, без должного анализа, к выбору вида и размера наказаний за совершение несанкционированного доступа к компьютерной информации. Вместе с тем проблема установления санкций требует комплексного подхода в рамках всей Особенной части УК, основанного на общетеоретических научных разработках и анализе практики назначения наказаний.

Список использованных источников

1. Коробеев, А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации : монография / А. И. Коробеев. – Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 268 с.
2. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1988. – 176 с.
3. Архив суда Ленинского района г. Минска за 2004 г. – Дело № 1-734/04.
4. Архив суда Советского района г. Гомеля за 2005 г. – Дело № 0213/05.
5. Архив суда Советского района г. Гомеля за 2005 г. – Дело № 0275/05.
6. Зубкова, В. Проблемы построения и взаимообусловленности санкций и категорий преступлений в УК РФ / В. Зубкова // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 18–20.
7. Бунин, О. Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм: монография / О. Ю. Бунин. – М. : Велби: Проспект, 2006. – 128 с.

8. Бокова, И. Проблема технико-юридического конструирования верхних и нижних пределов наказания в санкциях статей гл. 22 УК РФ / И. Бокова // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 15–17.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГУМАНИЗАЦИИ И УЖЕСТОЧЕНИЯ УГОЛОВНОЙ НАКАЗУЕМОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Шидловский Андрей Викторович

*первый заместитель директора учреждения образования «Институт
переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры,
судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»,
кандидат юридических наук, доцент*

Говоря о научно-правовых тенденциях в сфере уголовной наказуемости, в самом начале отметим, что более половины из предусмотренных в Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь 1999 г. наказаний не связаны с лишением свободы. Законодатель реализовал идеи, заложенные еще в разделе IX Концепции судебно-правовой реформы от 23 апреля 1992 г. [1; 2, с. 163]. Научное сопровождение основ правовой дифференциации системы мер уголовной ответственности, заложенных в действующем уголовном законе, активно начато в 90-е годы XX столетия в процессе реформы уголовного законодательства Республики Беларусь и продолжается последние два десятилетия профессором В. М. Хомичем. Теоретическая конструкция и юридическая модель института уголовной ответственности разработаны в его докторской диссертации (1997 г.), монографиях (1997 г. и 1998 г.) и других научных трудах [3; 4; 5].

Научные идеи В. М. Хомича нашли свое воплощение и в ряде положений Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения от 23 декабря 2010 г. и в последующем стали созвучными с требованиями, обозначенными в Послании Главы государства «О перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь» от 10 октября 2011 г. [6; 7].

Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, рассчитанная на 2010–2015 гг., имела своей целью оптимизировать меры уголовной ответственности, систему уголовных наказаний, повысить эффективность исправительного воздействия на лиц, совершивших преступления, обеспечить социальную справедливость в сфере наказания, предупреждать преступность. Многие положения данного документа успешно реализованы в нормах уголовного закона. Вместе с тем постоянное появление новых вызовов и угроз в динамично изменяющемся современном обществе, развитие научно-технического прогресса показывают необходимость концептуального пересмотра национальной уголовно-пенальной политики.

Частота внесения в УК изменений за последнее десятилетие показывает утрату должной его системности как необходимого условия эффективного применения уголовного закона. Меры правового воздействия в части юридической ответственности должны отвечать реальной опасности совершаемых правонарушений. Всесторонне взвешенная, обусловленная социальными, криминологическими и иными факторами, дифференциация юридической ответственности в целом по всем правонарушениям обеспечивает «разгрузку» уголовного законодательства и защиту прав и законных интересов человека, общества, государства.

Развитие уголовно-правового обеспечения применения наказания и повышение качества пенальноприменительной практики в Республике Беларусь, считаем, следует рассматривать комплексно: как на уровне законодательного регулирования, так и на всех этапах правоприменения с учетом новых социальных запросов современного общества. Потребность и эффективность преобразований в системе белорусского УК, полагаем, имеет перспективы по следующим направлениям.

В целях обеспечения сбалансированной *либерализации уголовной наказуемости* по кругу установленных в национальном уголовном законе преступлений представляется важным выделить наиболее актуальные направления:

1. По категориям нетяжких преступлений (не представляющих общественной опасности и менее тяжких) необходимо сфокусировать законодательную практику на более широкое применение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в частности, на закрепление в санкциях общественных работ, штрафа, ограничения свободы без направления в учреждения открытого типа.

2. Следует пересмотреть подход к природе и содержанию наказания в виде ограничения свободы, преобразовав его в формат правоограничений и лишений без направления в учреждение открытого типа. Нынешний уголовно-правовой статус ограничения свободы с направлением в учреждение открытого типа (в действующей редакции ст. 55 УК) целесообразно интегрировать с механизмом назначения и исполнения лишения свободы в колониях-поселениях для лиц, совершивших преступления по неосторожности, либо преобразовать его в самостоятельную открытую (полукрытую) форму отбывания лишения свободы, основанную на привлечении осужденного к труду на производственных объектах (исполнение наказания в условиях открытой изоляции осужденного с соблюдением установленных законом соответствующих режимных правоограничений).

3. Полагаем актуальным продолжать проработку совершенствования уголовного закона в направлении существенного расширения сферы применения штрафа. Общеизвестно, что во многих европейских государствах штраф занимает около 50 % в общей структуре применяемых наказаний. Штраф должен стать основной альтернативой лишения свободы не только по кругу менее тяжких преступлений и преступлений, не представляющих большой

общественной опасности, но и в некоторых случаях за тяжкие (ненасильственные) преступления.

4. Сроки лишения свободы, предусмотренные уголовным законом за преступления, нуждаются в оптимизации на основе криминологически обоснованной дифференциации преступлений по категориям и установлению продуманной градации наказаний внутри санкций. Популярная практика назначения наказания в виде лишения свободы ежегодно приводит к насыщению общества людьми с пенитенциарной судимостью. Увеличение такой категории населения для развития Республики Беларусь, как с социально-экономической, так и морально-нравственной, идеологической, политической позиций крайне проблемно и бесперспективно.

Исходя из современной социально-экономической политики, реализующей общий курс экономического развития (рыночных отношений, предпринимательства) и отвечающей общественному сознанию, лишение свободы как вид наказания за экономические преступления должен быть максимально исключен по кругу основных составов этих посягательств. В квалифицированных составах указанное наказание, как правило, должно выполнять роль юридической фикции, направленной на обеспечение применения иных мер уголовной ответственности (например, осуждения с отсрочкой исполнения назначенного наказания или с условным его неприменением), а равно мер уголовно-правового воздействия компенсационно-восстановительного характера (уголовно-правовая компенсация и пр.).

Остается неоправданно высоким уровень назначения наказания в виде лишения свободы по достаточно большому кругу экологических преступлений, что нельзя признать экономически рациональным и социально обоснованным (увеличение криминализации населения и т. п.).

5. Необходимо законодательно обеспечить внедрение новых и эффективно использовать существующие элементы прогрессивной системы исполнения лишения свободы (изменение условий содержания (в сторону как улучшения, так и ухудшения) в пределах одного исправительного учреждения; изменение вида исправительного учреждения; замена одного вида наказания другим: лишения свободы более мягким наказанием или более мягких наказаний лишением свободы; условно-досрочное освобождение).

В качестве направлений *установления и ужесточения уголовной наказуемости* преступных деяний в настоящее время можно обозначить следующие.

1. Развитие современного общества делает актуальным введение уголовной ответственности за такие деяния, как клонирование людей, злоупотребления в сфере суррогатного материнства (в области медицины), модификация поведения (в области психиатрии), опасные нарушения в космической сфере и т. д. [9, с. 10, 13]. Согласимся, что необходимость расширения сферы уголовной ответственности обусловлена рядом причин, в числе которых одной из главных является появление новых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой охране, или новых общественно

опасных деяний, требующих уголовно-правовой реакции со стороны государства.

2. В перспективе законодательного моделирования необходимо рассмотреть вопрос об установлении уголовной наказуемости за общественно опасные деяния, совершаемые внутри и против киберпространства. Появление в национальном уголовном законе новой группы составов преступлений – кибермошенничества, киберклеветы, кибероскорбления, киберхулиганства, кибершпионажа, кибертерроризма и тому подобных – станет закономерным ответным шагом законодателя в отношении новых угроз, сопутствующих использованию глобальной компьютерной сети Интернет. Данная группа посягательств может быть объединена в новой главе УК Республики Беларусь «Киберпреступления» («Интернет-преступления») внутри раздела XII «Преступления против информационной безопасности».

Введение специальных уголовно-правовых норм, отражающих особенности киберпространства, дифференциация оснований, условий и объема уголовной ответственности с учетом масштабов распространения новых угроз международной и национальной безопасности при использовании ресурсов глобальной компьютерной сети Интернет целесообразны в таких направлениях борьбы с ними как, например, создание, руководство киберэкстремистским формированием либо участие в нем в какой бы то ни было форме.

3. Законодательные инновации и тенденции пенализации, ориентированные на ужесточение ряда санкций в действующем УК (преступления против здоровья населения, коррупционные преступления и др.), в последнее время нельзя признать оправданными, хотя бы потому, что судебная практика не исчерпала весь карательный потенциал предусмотренной законом уголовной ответственности и содержащиеся в нем варианты альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта. Внутри самих мер уголовного наказания и ответственности также имеются неиспользуемые на практике возможности, предусмотренные уголовным законом.

Система запретов, отраженная законодателем в санкциях белорусского УК, на предмет правоограничительно-устрашающей способности наказаний, возможности альтернативных средств предотвращать вред, степени их социально-экономической затратности в соотношении с уголовно-правовыми средствами, в настоящее время нуждается в концептуальном пересмотре.

Список цитированных источников

1. Концепция судебно-правовой реформы : постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 23 апр. 1992 г. // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. – 1992. – № 16. – Ст. 270.
2. Мартинович, И. И. Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь. Суд присяжных и другие нововведения в законодательстве о судоустройстве / И. И. Мартинович, М. И. Пастухов. – Минск : Амалфея, 1995. – 224 с.
3. Хомич, В. М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (концепция и правовая модель института уголовной ответственности) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. М. Хомич; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1997. – 37 с.
4. Хомич, В. М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (формы реализации) / В. М. Хомич. – Минск : Ин-т упр., 1997. – 98 с.

5. Хомич, В. М. Формы реализации уголовной ответственности. – Минск : БГУ, 1998. – 132 с.

6. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 окт. 2011 г., № 454 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / С. В. Ананич [и др.] ; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – 863 с.

9. Полный курс уголовного права : в 5 т. / А. С. Горелик [и др.] ; под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – Т. II : Преступления против личности. – 682 с.

ПРАВОНАРУШЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Щербак К. Ю.

*преподаватель-стажер кафедры уголовного права и криминалистики
Полоцкого государственного университета*

Современный этап развития общества характеризуется интенсификацией процессов международной глобализации, а также интеграции. Примером региональной экономической интеграции является создание Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), государствами-членами которого являются Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Армения, Республика Казахстан, Кыргызская Республика. Исследователи и ученые полагают, что глобализация мирового сообщества и интеграционные процессы имеют как позитивные, так и негативные последствия: наряду с такими позитивными явлениями, как развитие экономики, международной торговли, создание свободного рынка товаров, работ, услуг, капитала, рабочей силы, облегчение доступа к достижениям научно-технического прогресса, негативной стороной является зарождение новых угроз и рисков, связанных с обострением конкуренции, распространением транснациональной и коррупционной преступности.

1. Таможенные органы Республики Беларусь как органы государственного управления с высоким уровнем коррупционного риска в своей сфере деятельности

В число органов государственного управления с высоким уровнем коррупционного риска в своей сфере деятельности входят и таможенные органы. Еще в конце XX века Дж. В. Шейвер, 6-й Генеральный секретарь Всемирной таможенной организации, отмечал, что «существует лишь небольшое

количество государственных органов, в которых классические предпосылки институциональной коррупции были бы так «удачно» представлены, как в таможенных администрациях» [1]. Это обусловлено тем, что должностные лица таможенных органов наделены юридически властными полномочиями при реализации своих основных функций. В частности, таких как контроль за правильностью определения страны происхождения, таможенной стоимости, товарной классификации, исчисления и своевременности уплаты таможенных платежей; таможенный контроль; взимание таможенных и иных платежей, а также специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин; выдача различных свидетельств и др., которые с учетом их организационно-структурных особенностей характеризуются как коррупционно уязвимые.

Безусловно, подавляющее большинство должностных лиц таможенных органов безусловно осуществляют свою служебную деятельность. Вместе с тем, сами должностные лица, их привычки, стороны характера, связи, подвергаются постоянному изучению и анализу в связи с осуществлением возложенных на таможенные органы задач и функций. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что на протяжении 2015–2018 гг. доля осужденных за преступления коррупционной направленности должностных лиц таможенных органов в общем числе осужденных за преступления коррупционной направленности составляет 2–3 % [2, с. 203].

В свою очередь применение уголовного закона в отношении должностных лиц таможенных органов, совершивших преступление, нередко вызывает серьезные трудности, следовательно, в следственной, прокурорской и судебной практике встречаются ошибки, обусловленные сложностью юридической оценки преступных деяний. В связи с этим представляется важным самостоятельное изучение преступлений коррупционной направленности, совершаемых в таможенных органах.

2. Понятие должностного лица таможенных органов Республики Беларусь как субъекта преступлений коррупционной направленности

Одним из непростых вопросов, связанных с уголовно-правовой оценкой коррупционных преступлений, является определение круга лиц, причастных к их совершению. С учетом специфических особенностей профессиональной деятельности должностных лиц таможенных органов, а также многоуровневого порядка нормативной регламентации их правового статуса, условий взаимодействия на межгосударственных уровнях в рамках ЕАЭС, полагаем, что была бы оправданной нормативная выработка перечня единых критериев, позволяющих с максимальной точностью провести грань разделения всех участников таможенных правоотношений на субъектов и не субъектов должностных преступлений в сфере таможенного дела.

3. Особенности преступлений коррупционной направленности в таможенных органах Республики Беларусь

В первую очередь необходимо обратить внимание на тот факт, что все преступления из главы 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), за исключением служебного подлога и служебной халатности, превышения

власти или служебных полномочий, совершенного не из корыстной или иной личной заинтересованности, а также принятия незаконного вознаграждения, относятся к категории коррупционных.

В таком случае преступные деяния должностных лиц таможенных органов обладают признаками, присущими должностным преступлениям, но при этом имеют ряд особенностей, связанных со спецификой осуществления таможенной деятельности. На уровне научно-теоретического предложения выделим и систематизируем признаки, позволяющие в условиях квалификационной оценки правильно установить правовой статус субъектов преступлений коррупционной направленности, совершенных должностными лицами таможенных органов:

Во-первых, признак, характеризующий субъекта данной категории преступлений – должностное лицо таможенного органа.

Во-вторых, признак, характеризующий объект преступного посягательства. Объектом для должностных преступлений должностных лиц таможенных органов выступают общественные отношения, обеспечивающие соответствующее интересам службы содержание деятельности таможенных органов.

В-третьих, признак, определяющий особенности объективной стороны преступления. Должностные лица совершают преступления в связи с выполнением своих профессиональных функций в сфере таможенного дела, то есть в сфере таможенного оформления, таможенного контроля, применения таможенных льгот, начисления таможенных платежей, в сфере привлечения к ответственности по делам о нарушении таможенных правил, производства и рассмотрения по ним и т. д.

В-четвертых, признаком должностных преступлений, совершаемых должностными лицами таможенных органов, выступают особенности способа совершения преступления. Представляется возможным выделить следующие способы совершения должностных преступлений должностными лицами таможенных органов: способы, связанные с перемещением товаров через таможенную границу, с представлением декларантом необходимых документов для таможенного оформления, с определением таможенной стоимости, с начислением и взиманием таможенных платежей, осуществлением таможенного контроля, с привлечением к административной ответственности и т. п. [3, с. 45].

В-пятых, учитывая бланкетный характер диспозиций уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за должностные преступления, для выяснения всех признаков состава преступления необходимо обратиться к нормативным правовым актам (в большинстве случаев не уголовно-правового содержания), регулирующим служебную деятельность должностного лица таможенного органа. В этой части следует особо отметить, что нормативная регламентация служебной деятельности должностных лиц таможенных органов в настоящий период регулируется многоступенчатой системой правовых актов, относящихся: 1) к нормам международного права (нормативные правовые акты ЕАЭС); 2) к двусторонним договорам Республики Беларусь по вопросам

взаимоотношений в сфере таможенного дела со странами, не входящими в состав ЕАЭС; 3) к нормам национального законодательства, регламентирующим правоотношения в сфере таможенного дела.

4. Особенности квалификационной оценки преступлений коррупционной направленности, субъектами которых могут быть должностные лица таможенных органов

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что в большинстве случаев при квалификации преступных деяний должностных лиц таможенных органов применялись правила квалификации по совокупности преступлений. Это обусловлено тем, что должностные преступления в таможенной сфере, как правило, имеют связь с другими преступлениями в области внешнеэкономической деятельности, и, в первую очередь, неразрывно связаны с основной группой внешнеэкономических преступлений – таможенными преступлениями. Так, коррупционные преступления на границе нередко выражаются в содействии должностных лиц таможенных органов уклонению от уплаты таможенных платежей, контрабанде.

Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь предусматривает значительное количество составов преступлений, субъектами совершения которых могут выступать должностные лица таможенных органов, которые, тем не менее, являются общими составами преступлений. В УК нет специальных норм, предусматривающих ответственность за вымогательство таможенных платежей, нарушение процедуры таможенного оформления и т. д.

Список цитированных источников

1. McLinden, G. Corruption in Customs / G. McLinden, A. Z. Durrani // World Customs Journal. – 2013. – Volume 7, Number 2. – P. 3–9.
2. Бровка, Г. М. Управление коррупционными рисками в таможенных органах ЕАЭС: базовые аспекты / Г. М. Бровка // Экономическая наука сегодня. – 2019. – № 10. – С. 195–203.
3. Гармаев, Ю. П. Должностные преступления в таможенных органах / Ю. П. Гармаев. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 176 с.

СОДЕРЖАНИЕ

О ПРОФЕССОРЕ В. М. ХОМИЧЕ И ЕГО НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Научно-библиографическая справка.....	3
Барков А. В. Ученый, педагог, организатор науки	10
Годунов В. Н. Пример ученого	12
Аликперов Х. Неиссякаемый источник мудрости и генератор уголовно-правовой мысли	14
Доўнар Т. І. Мой аднакурснік і калега.....	17
Мартыненко И. Э. О формировании научной школы профессора В. М. Хомича	19
Шестаков Д. А. Мой друг в теории преступности и наказания.....	20
Новикова Е. В. О разработанной В. М. Хомичем концепции уголовной ответственности и формах ее реализации	20
Серета Г. Н. Известный ученый и прекрасный человек.....	24
Хилута В. В. Мой Учитель	25

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

Хомич В. М. Что надо ждать от уголовного права (небольшие очерки из авторского обозрения уголовного права)	27
Афонченко Т. П., Кучвальская И. В. Нормативная концепция уголовной ответственности в контексте гуманистических идей В. М. Хомича.....	51
Ананенко А. А. Влияние признаков объективной стороны на общественную опасность в контексте нормы о малозначительности деяния.....	55
Бабий Н. А. Методология формирования понятия «ответственность»	59

Бахур О. И.

Влияние гендерно-возрастных характеристик личности подсудимых на применение судами видов наказаний и иных мер уголовной ответственности (на примере соотношения отсрочки исполнения наказания и ограничения свободы) 63

Бильдейко А. А.

Имущественный ущерб как признак, разграничивающий административные правонарушения и должностные преступления в сфере закупок товаров (работ, услуг) 67

Bojarski T.

Odpowiedzialność karna – pojęcie, podstawy, zakres 71

Браусов А. М.

Об унификации основания уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием цифровых технологий (на примере хищений) 77

Бурый В. Е., Степаненко В. И.

Применение института досрочного освобождения от наказания: современные подходы и тенденции 82

Буянова И. В.

Уголовно-правовая компенсация как одна из мер уголовно-правового воздействия 86

Верховодко И. И.

Совершенствование системы принудительных мер воспитательного характера в уголовном законодательстве Республики Беларусь 89

Гилинский Я. И.

Уголовная ответственность: проблемы и перспективы 94

Горбель А. Г.

Алкогольное опьянение лица, совершившего преступление, как условие уголовной ответственности 98

Гучок А. Я.

Аб перспекывах пашырэння аб'ектаў даследавання крыміналагічнай экспертызы 100

Дятлова В. О.

Отдельные аспекты ответственности за коррупционные правонарушения в Республике Сингапур 104

Иногамова-Хегай Л. В.

Уголовная ответственность в современный период уголовной политики 106

Казак С. В.

О декриминализации преступлений, предусмотренных статьями 415–419 Уголовного кодекса Республики Беларусь 110

Карабельникова А. С.	
О некоторых особенностях наказаний за активный и пассивный подкуп	113
Ковальчук А. В., Духовник Ю. Е.	
Неоказание медицинской помощи больному лицу: подлежит ли уголовной ответственности сотрудник правоохранительного органа?	116
Коротич Е. А.	
К вопросу совершенствования статьи 33 Уголовного кодекса Республики Беларусь (в контексте реформы уголовного законодательства)	119
Кузьменкова С. В.	
О целесообразности применения уголовного наказания в виде ареста за уклонение родителей от содержания детей	122
Куштель В. А.	
Мировое соглашение в составе преступления «Уклонение от погашения кредиторской задолженности».....	124
Куница Е. В.	
К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за коррупцию в государственном и частном секторах.....	128
Мартыненко И. Э.	
Проблемы установления уголовной ответственности за нелегальный поиск и извлечение археологических артефактов	132
Марчук В. В.	
Объект конфликтного уголовно-правового отношения в научной интерпретации В. М. Хомича.....	135
Никитенко О. Г.	
Совершенствование уголовного закона в контексте уточнения признаков составов преступлений террористического характера.....	139
Олесько С. С.	
Простой рецидив преступлений: недостатки правотворчества и проблемы правоприменения	142
Павлова Л. В.	
Понятия «средство» и «мера» в уголовном праве: к постановке вопроса о разграничении	145
Полящук Н.А.	
Роль правового мониторинга в совершенствовании законодательства об уголовной ответственности.....	148
Прудникова Т. А.	
Уголовная ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности: вопросы совершенствования законодательства.....	152

Радыно Т. В.

Освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица
к административной ответственности: проблемы практики применения 155

Рамазанова Н. О.

Административно-правовые меры противодействия незаконной миграции.... 159

Расторопова О. В.

Ответственность осужденных при отбывании назначенного наказания:
к постановке вопроса о специфике многообразия 163

Рочева Е. А.

Применение восстановительного подхода в контексте индивидуализации
ответственности несовершеннолетних в отдельных странах..... 167

Сащико П. И.

Международно-правовые требования к санкциям за коррупционные
преступления..... 171

Свиб А. Ф.

Актуальные проблемы квалификации халатности в уголовном праве:
историко-правовой аспект 173

Сенько А. С.

Межотраслевая природа института освобождения от уголовной
ответственности с привлечением лица к административной
ответственности 177

Солтанович А. В., Ракицкий А. П.

О некоторых процедурных вопросах реализации положений
Уголовного кодекса Республики Беларусь об освобождении
от уголовной ответственности 181

Сосновский А. А., Мамчиц В. Н.

К вопросу совершенствования институтов досрочного освобождения
от наказания 184

Телятицкая Т. В.

Цели административной ответственности на современном этапе..... 187

Ткачева Д. В.

От административной ответственности к уголовной ответственности
за незаконное пересечение Государственной границы 190

Топорикова О. О.

Использование несовершеннолетнего для изготовления порнографических
материалов с его изображением: вопросы привлечения к ответственности 193

Трипузова А. А.

К проблеме уголовно-правового обеспечения конституционных норм
в сфере противодействия монополистической деятельности..... 196

Хиллута В. В.	
Является ли состав преступления основанием уголовной ответственности?	200
Цуприк А. Н.	
Правовые основы введения экономического (делового) риска.....	204
Шабаль В. С.	
О понятии нарушения и уклонения от отбывания наказаний	207
Шаблинская Д. В.	
Научные основы оптимизации уголовно-правового воздействия	210
Шаркова Е. А.	
Вопросы уголовной ответственности и наказания с точки зрения современных задач уголовной политики.....	214
Швед Н. А.	
Уголовная ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации: проблемы санкционного обеспечения	218
Шидловский А. В.	
Современные тенденции гуманизации и ужесточения уголовной наказуемости в национальном уголовном праве	222
Щербак К. Ю.	
Правонарушения коррупционной направленности в системе таможенных органов: криминологический и уголовно-правовой аспекты.....	226

Научное издание

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:
НАУЧНАЯ ШКОЛА В. М. ХОМИЧА**

**Сборник материалов
круглого стола, посвященного 70-летию
доктора юридических наук, профессора,
заслуженного юриста Республики Беларусь
В. М. Хомича**

Минск, 28–29 января 2021 года

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Т. Ф. Рослик*

Сборник издан при поддержке ООО «ЮрСпектр»

ЮрСпектр
Правовые информационные технологии
ilcx ОНЛАЙН-СЕРВИС ГОТОВЫХ
ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ

Подписано в печать 28.12.20. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 16,22.
Тираж 99 экз. Заказ 588.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

